А. Н АФАНАСЬЕВА,

НАРОДНЫЯ РУССКІЯ

СКАЗКИ.

ИЗДАНІЕ 2-Е К. СОЛДАТЕНКОВА И Н. ЩЕПКИНА.

ВЫПУСКЪ III.

ЦѢНА III И IV ВЫПУСКАМЪ 1 Р. 20 К.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ГРАЧЕВА И КОМП.

1860.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатанiи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, октября 13-го 1860 года.

Цензоръ *И. Безсомыкинъ.*

Печатано съ изданiя 1857 г.

1.

МОРОЗЪ, СОЛНЦЕ И ВѢТЕРЪ.

Йшоу разъ собјѣ одзіонъ чоловјѣкъ и судосйу[1] на дорóзи Сóунычко, Морозъ и Вјѐцѣръ. Ото-жъ-то споткàушисѣ[2] зъ ьими, сказàу вуонъ имъ «похвалјоны»[3]. — Комỳ вуонъ оддàу похвалјоны? Сóунычко собјѣ кàжэ—што мнјѣ, кобъ я јоhò нѣ пѣкло; а Морозъ собјѣ кàжэ, што мнјѣ а нѣ тобјѣ, бо вуонъ цѣбѐ нѣ-тàкъ бойцэ, якъ мѣнѣ. «Ото-жъ-бо лжецѣ! нѣпрàуда! кàжэ нарѣсьци[4] Вјѣцѣръ; той чоловјѣкъ оддау похвалјóны нѣ-вамъ, а мнјѣ.» Почалй мижи собою ажъ спѣрацисѣ[5], сварйцисѣ[6] й онóшто[7] за чубы нѣ побралисѣ... «Ну колѝ жъ такъ, то спытàймосѣ[8] јоhò, комỳ вуонъ оддàу похвалјóны—мнјѣ, чи вамъ?» Доhонйли тоhò чоловјѣка, спытали; ажъ вуонъ сказау: «Вјѣтреви». — А што, бачъ[9], нѣ казàу[10] я—што мнјѣ! «Постуóй же ты! я цѣбѣ рàкару спѣкỳ![11] кàжэ Слóнцэ; покјѣмишь[12] ты мѣнѣ.» Ажъ-но Вјѣцѣръ кàжэ: «нѣбуось, нѣ спѣчэ; я буду вјѣяци и охолоджаци јоhо.»—

---

1) Повстрѣчался, встрѣтилъ. (См. Ипат. лѣт. подъ 1241 г. «*удоси* владыку»). 2) Тоже. Польск. spotkawszy się. 3) При встрѣчахъ и при входѣ въ чужой домъ крестьяне въ видѣ привѣтствія говорятъ: «Нѣхъ бэндзѣ похвалјоны Іезусъ Христусъ!» Другой долженъ отвѣтить: на вѣки вѣковъ, аминь. 4) Наконецъ. Польск. nareszcie. 5) Отъ слова: споръ, преніе. 6) Браниться. 7) Чуть-чуть, чуть-не... 8) Спросимъ. Польск. spytaymy się. 9) Видишь 10) Говорилъ. 11) Сдѣлаю краснымъ какъ ракъ. 12) Помянешь ты меня.

Такъ я-жъ цѣбѣ, ѣицлю [1]), заморожу! кàжэ Морозъ. «Нѣ лѣкайсѣ [2]), нѣбóжэ [3]), тоѣды я нѣ буду вjѣяци, и вуонъ тобjѣ ничóѣо нѣ зрóбитъ, безъ вjѣтру нѣ заморóзитъ» [4]).

(Записана въ западной части гродненской губерніи.)

2.

КАТИГОРОШЕКЪ.

Неукаторомъ царствѣ и неукаторомъ гасударствѣ, на мори(ѣ)-океани(ѣ), на остравѣ на Буяни(ѣ), стаицъ дубъ зелёны, а падъ дубомъ быкъ печоны, и у яго боку ножъ точоны: сейчасъ ножикъ добываецца—изволь кушаць! И то еще ни казка, только приказка; а хто мою казку будзе слухаць, такъ тому сабóль и куница и прекрасная дзѣвица, сто рублеу на свадзьбу, а пяцьдзесяцъ на прагулянье.

Быу сабѣ мужикъ и быу у яго саламяны языкъ(?), и мѣу іонъ два сына и адну дочь; хоця яна стану [5]) простаго, але неописанной красоты. Ацецъ и мацъ были дастаточны; паработàли яны свае хлѣбопашество сваимъ пара(я)дкомъ во времени, и ихъ ацецъ гаворицъ сынамъ: «дзѣци! не нада сподзѣвацца [6]) на гэто, што есцъ, ни сподзѣвацца на гэто, што зроблено, а нада щэ призапасицца: пущай будзе!» Атпрауляюцца яны у чужое панство на хлѣбопашество, и беруцъ хлѣба на три дни. «Кагда вы тотъ хлѣбъ зъядзице, вамъ сестра принесецъ

1) См. малорос. словарь, Аѳанасьева-Чужбинскаго, стр. 71. Нусеl — прислужникъ палача, живодеръ. (Польск. словарь Мюллера, ч. I, стр. 218). 2) Польск. nie lękaj się. 3) Бѣдняжка, пріятель! 4) Смотри Вѣстникъ Русск. Географ. Общества за 1856 г., кн. 1, стр. 132—3 и 2-й выпускъ сказокъ, стр. 144. 5) Станъ—порода, состояніе. (См. словарь, приложенный къ Энеидѣ, перелицëванной на малороссійскій языкъ И. Котляревскимъ, изд. 2-е, стр. 21). 6) Надѣяться. (Опытъ областн. великорусс. словаря, стр 212).

большъ.» А имъ было идци такъ, якъ бы церезъ Городзилоуски лѣсъ. Сестра и гаворицъ имъ, што я не буду знацъ, куда несци вамъ ѣсци. Старшы братъ гаворицъ: «мы будземъ для цебе дарогу адзначацъ, будземъ саломy трусицъ [1], — па гэтой дарозѣ просто къ намъ придзешъ.» И яны пашли, и дарогу адзначили; а у томъ лѣсѣ быу глауны змѣй и тые разговоры слыхау и переслау дарогу у свой дворецъ. Якъ вышло три дня, атпрауляецца яна къ нимъ з' абѣдомъ; пашла яна, и прыходзицъ просто у змѣины дворецъ, пацерала [2] пуцъ-дарогу и гаворицъ: «куды я зайшла?» Выходзицъ къ ёй семигаловой змѣй и гаворицъ: «пайдзи, пайдзи сюда, умница! я цебе дауно дажидау. я до цебе дауно дабирауся; ну якъ ты харошаго аццa и мацяры, яны цебе трымали [3] падъ бальшимъ надзорамъ, и я не могъ до цебе дабицца. Я бы не сматрѣу, што ты простаго роду, я бы табою не брезговау, дауно была бы мая... а ужъ цеперъ именно мая! забывай аццa и мацъ, бо ты уже ихъ видзѣцъ-не будзешъ; а у мене будзешъ ты усѣмъ давольна.» Брацья іѣ пахали три дня и не стало имъ пищы; яны бросили пахацъ и прыходзяцъ дамой и з' великою гразою къ айцу и мацяри: «атчего вы не прислали пищы?» Ацецъ гаворицъ, што вамъ сестра панесла такого-то дня. Яны гаворацъ къ айцу: «кагда ёй ужо нима, то и не будзе!» Я пайду, сказау адзинъ, сваю сестру шукацъ [4]; хоцъ жызнь сваю паложу; а пайду шукацъ. Ацецъ гаворицъ: «не йдзи, сынокъ, бо сваю жызнь кончишъ, а ёй ужо не увидзишъ.» А іонъ гаворицъ: пайду! и прыходзицъ іонъ къ гэтаму самаму змѣю и видзицъ яну (ее) на дварѣ. Яна яму гаворицъ: «зачимъ ты сюда прышоу? ты сваю галаву паложишъ. Я цеперъ несчасная, я цеперъ не твая сестра, а ты не мой братъ! папалася я у катаржны руки.» Братъ гаворицъ: «пущай же я

---

1) Разсыпать, сорить. 2) Потеряла. 3) Тримацъ—держать. (Этнографич. сборн., выпускъ 2, стр. 117). 4) Искать.

здзѣсь пагибву, абы[1] а на цебе насматрѣуся.» Яна яму гаворыць: «пастой ты здзѣсь; а я пайду спрашу, што іонъ скаже, штò ты прышоу у госьци.» Прыходзиць яна къ змѣю у спальню: «што бы ты, душенька, дзѣлау, кабъ мой старшы братъ у госьци прышоу?» Іонъ гаворыць: «за госьця прыняу бы.» Яна вышла и уводзиць ягò у горницу; іонъ устаець изъ койки сваей и зачау годоваць[2] яго, якъ добрый чоловѣкъ. «Ступай, жонка, прынеси жалѣзнаго бобу и жалѣзнаго хлѣба... ну, кушай, швагеръ[3]!» Узяу ямў урѣзау хлѣба; іонъ узяу хлѣба и зёрнушко бобу, подзержау и положыу. Змѣй гаворыць: «вѣрно ты, швагеръ, сытъ, бо ты гардзишъ[4] маимъ хлѣбомъ и сольяю. Пайдземъ же цеперъ пасмотримъ: ци ты багаче, ци я?» И повіоу яго па усѣмъ харомамъ, и есць у яго усякаго добра видимо и невидимо! Повіоу яго у конюшню къ лошадзямъ, и стоиць у яго дванаццаць жарабцоу и усякой жарабецъ на дванаццаць цѣпоу прикованъ. «Ну что, швагеръ, ты багаче или я?» Іонъ яму атвѣчаець: «у мене того трецьей доли нима, што у швагра.» — Ну пайдзи же зо мною; я табѣ пакажу штуку. И прыводзиць ягò къ калодзи — чатыри сажни талщыны, а дванаццаць длины. «Ци видзишъ ты, швагре, тую калоду?» Іонъ яму гаворыць: виджу. «Если ты янў безъ тапара парубаешъ, а безъ агню спалишъ; такъ пайдзешъ дамой.» А іонъ гаворыць: «хоць сейчасъ ты мене паруби, а я гэтаго не зроблю.» — Кагдаш(ж)ъ ты гэтаго не сдзѣлаешъ, полно табѣ сюда хадзиць дураку-мужику, саламяному языку; а ты зо мною пабратауся! Кали ты мнѣ братъ, то и свиня сестра! ты не только зо мною рѣчи гаворыць, не доуженъ на мене глазомъ пасматрѣць; бо ты не достоинъ сюда хадзиць и мой домъ пакасциць!» И убиу яго

---

1) Только бы. 2) Кормить, подчивать. 3) Шуринъ и зять (Schwager). 4) Брезгаешь. Gardzić — пренебрегать, гнушаться (Słownik Polsko-Rossyjski, S. Müllera, т. I, стр. 167).

и глазы выняу, уложыу у чарапокъ, а яго узяу за валасы и павѣсиу на бельцы [1]).

Цеперъ и другой братъ тоже пашоу шукаць сваей сестры, и нашоу яну на дварѣ у змѣя. Яна яму̂ гаворицъ: ахъ, братъ! убьецъ іонъ и цебе такъ, якъ першаго.» — Пущай убьецъ, абы я з' табою видзѣуся! «Пастой же тутъ; я пайду запытаюся, што іонъ скаже?» И прыходзицъ яна къ змѣю у спальню. Іонъ устаецъ изъ сваей койки: «што скажешъ, жонка? вижу я твой усердный видъ и покорное лицо.» — Ахъ, милый мой мужъ! што бы ты робиу, кабъ втарой мой братъ у госьци прышоу? — «Штобъ я робиу? за госьця прыняу бы.» Яна гаворицъ: «може прынялъ бъ яго такъ, якъ першаго?» — Я першаго убиу; бо іонъ зо мною грубиу, не умѣу зо мною честно абхадзицца. Пущай прыходзицъ, гэтаго я прыму. — Яна выходзицъ на дворъ и гаворицъ брату: «пакорно абхадзись!» — Давай, жонка, гаворицъ змѣй, жалѣзнаго бобу и жалѣзнаго хлѣба. Яна прыносицъ поухлѣба и чашку бобу. «Бо старшы твой братъ недаволенъ быу, то може мало было: возьми гэто, а прынеси большъ.» А госьць и у руки не узяу, гаворицъ: «пакорнѣйше благадару, швагеръ, бо я ѣсць не хачу.» — Пайдземъ же мы, швагре, пасмотримъ на мае багацство: ци ты багаче, ци я? И повіоу яго па усѣмъ сваимъ харомамъ, и видзицъ іонъ, што змѣй багатъ, багатъ незличито! Прыводзицъ яго змѣй у сваю багатырскую канюшню: стаицъ дванаццаць жарабцоу и каждая лошадзь на дванаццаць цѣпоу прикована. Іонъ гаворицъ змѣю, што у мене трецьей доли таго нима. «Ну пайдзишъ, я табѣ пакажу штуку!» И показау яму калоду чатыри сажени талщыны, а дванаццаць длины, и гаворицъ: «видзишъ ты тую калоду? если ты безъ тапара яну парубаешъ, безъ агня спалишъ, то пайдзешъ да дому, а не то — будзешъ висѣць з' братомъ.» Швагеръ

---

1) На балкѣ. (Balka, belka — бревно, брусъ).

ямў сказау: «хоць сейчасъ убій, а не зроблю гэтаго!» Тотчасъ змѣй яго убиу, вмѣсцѣ воласы звязау и перезъ бальку[1]) перекинуу. Прыходзиць іонъ у сваи палаты и видзиць жонку у бальшой тоскѣ и ужалобѣ. «Ахъ, мужу, ты мой мужу! што ты мнѣ зробиу? братоу убиу; я не маю больше ни роду, ни племяни, тольки аццa и мaць. Предà(й) и мене злой смерци, пущай не буду жиць!» — «Нјѣтъ, милая! я табѣ таго не сдзѣлаю; а кали бъ достау аццa и мaць, то и ихъ убиу бы: тобъ ты ни объ комъ не думала и весéльшая была бъ!» — Пущай же яны жывуць и клоцья жуюць, а мы хлѣбъ, бо у ихъ нјѣтъ.

Пашла матка пó ваду, узяушы ведра, и набраушы вады идзець да дому и вельми плаче, и думаець яна сабѣ усердными думками: «ахъ, Боже мой! чаго я цеперъ даждалася на старосьци.» Узяу Гасподь іѣ усердное уздыханіе, и удругъ видзиць яна: кацицца гароховае зёрнушко. Яна думаець сабѣ: «гэто даръ Божый!» Узяла яго и зъѣла. З' гэтаго зернушка удругъ завязауся у іѣ рабенакъ, и вынасиушы свае время дажидаець, што доуженъ іонъ нарадзицца на сей свјѣтъ. Вод(т)ъ полегли спаць, и у самое поуночнае время на утихомиріи[2]) и гласиць у іѣ брюхѣ чоловѣческимъ голасамъ: «не сподзѣвайсе[3]) мене, маманька, у скорае время, бо я защитникъ буду вамъ и добрымъ людзямъ.» Панасила яго щэ нѣсколько времени, и раждаецца іонъ на сей свјѣтъ и расцець не па гадамъ, а па часамъ, якъ пшоннае цѣсто на дрожджахъ: и пестуюцца и цѣлуюцца з' имъ, якъ не нада лучше, и даюць яго у школу: которые училисе гадовъ по три-чатыри, а іонъ узнау у адзинъ годъ, и не стало яму граматы. Прыходзиць іонъ з' учылища къ аццу и мацяри: «ну, татанька и маманька, благотворице маихъ учителей, бо ужъ мнѣ хадзиць въ учылище поуно. Я, благо-

---

1) Балку. 2) Когда настала совершенная тишина. 3) Не надѣйся. Польское spodziewać się.

дара Бога, знаю больше ихъ. И прошу васъ з' усѣмъ усердіемъ сказаць мнѣ праўду: какой я у васъ есць? чи я раждзёнъ первый, чи паслѣдній?» Яны гавораць: «ахъ, сыну нашъ милы, ты у насъ паслѣдній!» и сказали яму па истиннай праўдзѣ, што у яго было два брата и сестра. «А гдзѣшъ яны дзѣлися? Кали померли, то я не супратиўникъ Богу, а кали што зробилосе отъ худыхъ людзей, то я могу ўзыскать.» Яны яму гавораць: «ахъ, сыну нашъ милы! якъ же ты уйдзешъ и насъ при старасьци, древнихъ людзей, бросишъ? хто насъ да смерци даховаець?[1] Іонъ имъ гаворыць: «чій вы прежде ѣли хлѣбъ, Той васъ будзе хараниць! бо мене вы не удзержице, мене людзи даўно ждуць. Ну, маманька и татанька, лажимся спаць: утро мудренѣй вечера; дасць Богъ дзень, дасць Богъ и пищу.»

Поўтру іонъ устаў, умыуся и Богу памалиуся и на усѣ чатыри стороны пакланиуся. «Пазвольце, баиць, мнѣ передъ паходамъ пагуляць.» Ну пашоў сабѣ на улицу гуляць, и находзиць іонъ шпильку и прыносиць къ аццу и мацяри. Гаворыць іонъ аццу: «на табѣ гэто жалѣзо, неси до каваля[2] и сдзѣлай мнѣ булаву семи-пудаву.» Ацецъ яму славесно не гаворыць, а только у думкѣ думаець: даў мнѣ Гасподь дзѣцище не такъ, якъ людзямъ; я жъ давіоў яго да средственнаго разуму, а іонъ цеперъ изъ мене кпиць![3] Можець ли то быцц, штобы з' шпильки была булава семипудава. Ацецъ, имѣўшы бальшую сумму — залатую, серебраную и бумажную манету, паѣхаў у горадъ, купиў жалѣза семъ пудоў и даў кавалю дзѣлаць булаву. Сдзѣлали яму булаву семипудаву и прывозяць да дому. Пакацигарошакъ выходзиць з' горницы, бёрець сваю булаву семипудаву, и слышыць небесни штурмъ[4] и пущаець

---

1) Dochować (ховать)—сохранить, соблюсти, сберечь. (Słownik Polsko-Rossyyski, т. I, стр. 95). 2) Кузнецъ. 3) Шутитъ, насмѣхается (Матеріалы для сравнит. и объяснительн. словаря, изд. Академіей Наукъ, тетр. 1, стр. 104). 4) Шумъ, буря, гроза (Sturm).

яну за облаки. И прыходзиць іонъ у сваю горницу: «матка, на у мене у галавѣ панщы передъ паходамъ, а то мене брудъ [1]) заѣсьць, бо я младъ юноша. . .» Водъ устаушы изъ маткиныхъ калѣнъ, выходзиць іонъ на дворъ и видзиць небесни тучи. Упау іонъ да сырой земли правымъ ухомъ, и устаушы клячець свайго аццa: «бацько, падзи сюды, сматри што шуме и гудзе, мая булава да земли идзе.» Паставиу іонъ калѣно процму сваёй булавы; ударила яго булава па калѣни и переламалася попаламъ. Іонъ разсердиуся на сваго аццa: «ну, аценъ, отчаго ты мнѣ не сдзѣлау булавы з' гэнтаго жалѣза, што я табѣ дау; а калибъ ты сдзѣлау, то яна не сламилась бы, только сагнулась бы! На-ш(ж)ъ табѣ гэто самое жалѣзо, ступай дзѣлай; свайго не прыкладай.» Кавали укинули жалѣзо у агонь и зачали малатами биць и цянуць и сдзѣлали булаву семипудаву; щэ асталося.

Берець Пакацигарошакъ сваю булаву семипудаву и атпрауляецца у пуць, у чистую дарогу, и прыходзиць іонъ къ гэтаму самаму змѣю семигаловаму, гдзѣ находзяцца яго браты и сестра. Выходзиць яна къ яму на устрѣчу; іонъ з' ней здароукаецца и гаворыць: «здра(в)ствуй, милая и радная сестра!» Яна атвѣчаець: «какой ты мнѣ братъ!» И іонъ падаець ей аццa и мацяры рукописаніе, што іонъ есць радной іѣ братъ. «Пастой же ты, брацицъ, здзѣсь, а я пайду спрашу, што змѣй на отвѣтъ скаже.» Прыходзиць яна у яго багатырскую спальню; змѣй у ёй спрашиваець: «ахъ, жонка, ты да мене не з' веселымъ видомъ идзешъ!» — Я прышла до цебе, мой мужу, што мой самый меньшый братъ прышоу у госьци. «Ажъ у цебе не было больше братоу, якъ только два.» — Іонъ раждзёнъ безъ мене. Заразъ змѣй устаець и берець валшебницкую

---

1) Brud—нечистота, гадость (Słownik Polsko-Rossyyski, т. I, стр. 37); здѣсь: вши.

книгу, смотрыць и мовиць да жены: «ну, жонка, щэ будзе у цебе братъ!... Кали іонъ безвременно уродзиуся, я з'имъ разгавариваць мало буду, ступай, призави яго.» Пакацигарошакъ уходзиць да яго у комнату: «здраствуй, швагеръ!» — Але ты щэ младъ, бо у цебе мацярино малако на губахъ не засохло! Калибъ цебе мацъ вынасила (щэ) дзевяць дзёнъ, дзевяць часоу и дзевяць минутъ, тобъ ты мой супратиуникъ быу; але пагасти... И становиць яму жалѣзнае кресло. Якъ іонъ на креслѣ сѣу, кресло и треснуло. «А што, швагеръ, у лѣсу жывешъ, а у цебе кресла худыя; ай ли нѣтъ у цебе плотникау харошихъ, штобы кресло сдѣлали пакрѣпче?» Змѣй думаець сабѣ: вѣрно я папауся у добрыя клещы! «Ну, давай, жана, намъ напитковъ и наѣдковъ.» Прыносиць яна рѣшато жалѣзнаго бобу и жалѣзнаго хлѣба. «Изволь кушаць, швагеръ!» —Благадару, швагеръ! гаворыць Пакацигарошакъ, я безъ усякой прозьбы буду кушаць, такъ якъ у свайго, бо з' паходу я ѣсци хачу. И стау ѣсць умѣсци з' имъ: тотъ зъѣсць хлѣба кусокъ, а гэтотъ зъѣсць два. «Даволенъ ли ты, швагеръ, у мене?—Даволенъ, не даволенъ—кали больше нима! «Ну пайдземъ, швагеръ, пасмотримъ на мае багацство: ци ты багаче, ци я? И павіоу яго по усёмъ сваёмъ добрѣ. «Якъ табѣ здаецца: у цебе больше, или у мене?» — Я не багатъ, але и у цебе нима ничаго! Іонъ гаворыць: «ты, швагре, зо мною грубишъ!... ну пайдзи же, я табѣ пакажу штуку.» И прыводзиць яго къ гэтой самой калодзѣ, куда и братоу прыводзиу, каторая чатыри сажни талщыны, а дванаццаць сажонъ длины. «Кагда ты яну безъ тапара парубаешъ, а безъ агню спалишъ, такъ пайдзешъ дамой: а не такъ — будзешъ тамъ, гдзѣ и браты!» — Не сердзись, дай мнѣ дзѣло кончиць! сказау Пакацигарошакъ и узяу мизиннымъ пальцомъ таркануу[1]) сію ка-

1) Толкнулъ, тронулъ. (Тр. Общ. Люб. Рос. Слов, кн. VII, стр. 319).

лоду, такъ яна у мелкіе друзги[1]) палецѣла, а якъ дмухнуу[2]) — попелъ стау, ажъ не было! «Ну што? я свае дзѣло споунну!» — Пайдземъ цеперъ паборимся: ци ты сильнѣе, ци я? Пакацигарошакъ гаворицъ яму: «дай руку я падзержу,— папробуемсе такъ: хто сильнѣе!» А змѣй гаворицъ: «гдзѣ табѣ, малакасосу, за руку мене брацъ!» Іонъ каже: «усе единственно намъ пабицца?» — Ну, гаворицъ змѣй, на табѣ руку. И схватилисе яны за руки и якъ здавили дружка дружку, Пакацигарошкава рука тольки пасинѣла, а змѣиная рука зо всѣми пальцами асталася у Пакацигарошка. «Адначе я тымъ не даволенъ», гаворицъ змѣй, и якъ дмухнуу—зробиу мѣдны токъ. А Пакацигарошакъ якъ дмухнуу, зробиу серебраны токъ.. И схватилисе яны бароцца. Якъ дмухнуу змѣй — убиу Пакацигарошка у серебраны токъ, а Пакацигарошакъ якъ дмухнуу — убиу змѣя у мѣдны токъ адразу па калѣна. Змѣй якъ дмухнуу другой разъ—убиу Пакацигарошка па калѣна, а Пакацигарошакъ якъ дмухнуу другой разъ — такъ убиу змѣя па поясъ. Змѣй гаворицъ: «пастой, швагеръ, адахнемъ.» —Ще ни очень патамились, каже Пакацигарошакъ; я з' паходу, да и то не умариуся. Змѣй да яго гаворицъ: «видно, швагеръ, я у цебе пагибъ!» Пакацигарошакъ каже: «бо я за тымъ прышоу.» —Астау мнѣ сколько-нибуцъ жызни, просицъ яго змѣй, и бери сабѣ залатую, серебраную и бумажную маю казну, скольки угодно. «Я бы аставиу табѣ жызни на сколько-нибуцъ, але ты мене для перваго случаю абезчесциу, назвау малакасосомъ: то мнѣ очень цажало знесци. Нѣтъ табѣ пращенія! большъ з' табою и гаворицъ не хачу.» Змѣй, упаушы у велику злобу, распусциу сваю кроу па усимъ сваимъ жиламъ, дау прасторъ сваимъ рыцивымъ[3]) плечамъ и ударну Пакацига-

---

1) Щепки. (Druzgać-размозжить, раздробить, сокрушить. Słown. Polsko-Ross., т. I, стр. 119). 2) Дунулъ. (Малорос. словарь Чужбинскаго, стр. 88). 3) Ретивымъ.

рошка и убиу яго па поясъ. «Ну што нацѣшыуся, швагеръ? гаворицъ Пакацигарошакъ. Да поуно мнѣ з' табою шутки шуцицъ! бо я дуракъ передъ табою, доуго балую; дауно бы нада цебе прыбрацъ.» Якъ удариу яго Пакацигарошакъ трецій разъ, убиу яго па самую шыю у мѣдны токъ, и берецъ іонъ сваю булаву семипудаву и кончиу яму жызнь, да узяушы змѣя замазау яго завсѣмъ у мѣдны токъ.

И пашоу Пакацигарошакъ у багатырскую канюшню, гдзѣ стаяли багатырскіе жарабцы; узяушы перваго жарабца за хвостъ, іонъ здернуу изъ яго тулуномъ [1] шкуру, выпатрашыу яго и самъ у гэтое тулобище улѣзъ. Прилетая крукъ [2] съ кручанятами и начали ѣсцъ, іонъ адно кручаня и злавиу зà нагу, и гэты воранъ стау чоловѣческимъ гласомъ гаворицъ: «хто у томъ тулобищѣ есцъ — акажись!» — Я Пакацигарошакъ. Крукъ яму гаворицъ: «што ты адъ мене жалаешъ?» — Што я адъ цебе жалаю? прыстау мнѣ пѣлющай и живущай вады, а кали не даставишъ, то скольки васъ есцъ — усѣ пагибнице. Тагда крукъ, узяуши пузырки, палѣцеу за трыдзевяцъ земель у дзесятае царство, иншае гасударство, и дастау воды з' подъ великай стражы и приносицъ Пакацигарошку. Палучиуши сію ваду, Пакацигарошакъ для вѣрнасьци узяу яго дзица за обѣ наги и разарвау попаламъ. «Я цеперъ увѣраю [3]), ци вѣрная ли вада?» Іонъ адною вадою памачиу, стало кручаня цѣло, а другою памачиу, и кручаня аджило [4]; стау благодарицъ и пусциу яму дзица. Цеперъ іонъ прыходзицъ къ своимъ братамъ и узяу памачиу ихъ цѣлющаю вадою, и стали яны цѣлы, а другою памачиу, стали живы. И прыводзицъ іонъ ихъ да сестры. «Ну, сестра и браццы! берице

---

1) Тулунъ — мѣшокъ безъ разрѣза изъ содранной съ какого-либо животнаго кожи. (Опытъ обл. великорусс. словаря, стр. 233). 2) Черный воронъ (ibidem, стр. 94). 3) Повѣрю. 4) Ожило.

залатую, серебраную и бумажную казну, скольки вамъ угодно, и несице да дому.» И пашли яны усѣ у четверомъ.

Водъ браты, войшоўушы у лѣсъ, и прывязали Пакацигарошка къ дубу. «Брацџы! што вы робице нада мною?» — Какой ты намъ братъ? у насъ брата не было и не будзе. Іонъ, атпусциушы ихъ адъ себе на небальшое разстоянье и узяушы сабѣ великое злобіе, выкруциу дубъ з' корнемъ и павалокъ за ими. Выходзиць іонъ изъ лѣсу, и увидзиушы свой домъ, свае жительство, прыходзиць дамой и крикнуу на айца и маць: «извольце вамъ дроу!» — Идзи, сынокъ, у хату. А іонъ гаворыць: «я баюсь! кали у лѣсѣ хацѣли мене зпотребиць [1], то у хаци тымъ лучше. Пращайце, ацецъ и маци, брацџы и сестра! жывице сабѣ з' Богомъ!»

Пашоу іонъ назадъ; шоу, шоу, и пападаецца яму на устрѣчу Вернигара. «Здраствуй, братъ Пакацигарошакъ! куды идзешъ, куды пуць-дарогу дзержишъ?» А Пакацигарошакъ спрашывая у яго: «хто ты есць такой?» Іонъ яму адвѣчая: «я есць сильно магущи багатырь Вернигара» — Ци хочешъ быци маимъ таварищамъ? гаворыць Пакацигарошакъ. А іонъ: «можно! хачу табѣ служиць.» И пашли яны умѣсци; шли-шли, и пападаецца имъ на устрѣчу сильно-магущи багатырь Вернидубъ. «Здраствуйце, братцы!» — Здаровъ! [2] «Какіе вы людзи есць?» спрашывая Вернидубъ. — Пакацигарошакъ и Вернигара. «Кудыжъ вы идзеце? — Мы идземъ у такой-то горадъ. Змѣй людзей выѣдая; то идземъ яго биць. «Ци нельзя мнѣ къ вамъ у таварищы прыстаць?» — Можно! гаворыць Пакацигарошакъ. И прыходзяць яны у горадъ и являюцца царю. «Какіе вы людзи есць?» — Мы сильно-магущи багатыры. «Ци ни можно вамъ сей горадъ защициць? унадзиуся [3] змѣй и губиць много народу; треба яго пабѣдзиць! — На штош(ж)ъ мы называемсе

---

1) Истребить. 2) Здорово! 3) Повадился.

сильно-магущи багатыры, штобы яго не пабѣдзили? Прыходзиць самая поуначъ, и пашли яны падъ калиновы мостъ, на огненну рѣку. Вод(т)ъ прыходзиць шестиглавы змѣй и астанавиуся надъ мастомъ, и сейчасъ конь заржау, а сакоу [1] защабетау, а хортъ [2] заскимлиу [3]. Іонъ каня у лобъ: «ты, чортаво стерво, не ржы, а ты, сакоу, не щабечы, а ты, хортъ, не скимли! бо тутъ есць Пакацигарошакъ. Ну, гаворыць, выхадзи Пакацигарошакъ! либо будземъ бицца, либо мирицца?» Гаворыць Пакацигарошакъ: «ни за тымъ добры маладзецъ ходзиць, штобъ мирицца, тольки за тымъ, штобъ бицца.» И начали яны стражацьсь [4]; Пакацигарошакъ з' таварищами сваими збили у транхъ [5]) змѣю па галавѣ. Змѣй, видзѣушы, што вѣрно треба яму пагинуць, гаворыць: «ну, браццы! тольки Пакацигарошакъ мнѣ мѣшаець, а бы з' вами двумя управиусе!» Водъ яны щэ стали стражацьсь и пабѣдзили [6] паслѣднія голавы, каня змѣинаго узяли у стайню [7], сакалà у клѣтку, а хорта у псарню; а Пакацигарошакъ узяу павырѣзываy языки за всѣхъ шесци галовъ и палажыу сабѣ у карманъ, а тулобище скатили у огненную рѣку. Прыходзяць яны къ царю, и Пакацигарошакъ прыносиць яму языки для именной прауды. Царь ихъ благодарыць: «виджу, што вы есць сильно-магущи багатыры и защитники горада и усегó народа! Што вамъ угодно пиць и ѣсць, берице усякія напитки и наѣдки безденежно и безпошлинно.» И з' радосьци удариу іонъ *публикацію* па усему гораду, штобъ были аткрытые усѣ трахтиры, кабаки и малыя карчмы для сильно-магущихъ багатыроу. Водъ яны хадзили паусюду, пили, гуляли, прахлаждалисе и разными славàми забаулялисе.

---

1) Соколъ. 2) Борзая собака. (Малорос. словарь, приложенный къ Энеидѣ Котляревскаго, стр. 23). 3) Завылъ. (Zaskowlić—завижжать, завыть. Słown. Polsko-Ross., т. III, стр. 391). 4) Сражаться. 5) Въ троёмъ. 6) Посбивали. 7) Въ конюшню (хлѣвъ, сарай).

Прыходзиць ночъ, и у самую поуначъ идуць яны падъ калиновы мостъ, на огненну рѣку, и удругъ падходзиць семиглавы змѣй. Сейчасъ конь заржау, сакоу защабетау, хортъ заскимлиу. Змѣй сейчасъ каня у лобъ: «ты, чортаво стерво, не ржы, ты, сакоу, не щабечы, а ты, хортъ, не скимли! бо тутъ есць Пакацигарошакъ. Ну, гаворицъ іонъ, вылазь [1]) Пакацигарошакъ! либо будземъ бицца, либо мирицца.»—Ни за тымъ добры маладзецъ ходзиць, штобы мирицца; только за тымъ, штобы бицца! И начали яны стражацьсь, и збили багатыры змѣю шесць галоу; седмая зосталася. Змѣй гаворицъ: дай-ка а(т)дахнемъ! А Пакацигарошакъ гаворицъ: «не дажидай, кабъ я табѣ а(т)дыхаць дау!» Стали яны апяць стражацьсь, збиу іонъ и паслѣдне(ю)ю галавў, павырѣзываў языки и палажиу у карманъ, а тулобище бросиу у огненную рѣку. Прыходзиць къ царю и прыносиць языки для именной прауды.

У треци разъ тожъ пауночно идуць яны къ калиноваму мастў и къ огненной рѣкѣ; удругъ падходзиць къ имъ дзевяцiглавы змѣй. Сейчасъ конь заржау, сакоу защабетау, а хортъ заскимлиу. Змѣй каня у лобъ: «ты, чортаво стерво, не ржы, ты, сакоу, не щабечы, а ты, хортъ, не скимли! бо тутъ есць Пакацигарошакъ. А ну вылазь, Пакацигарошакъ! либо будземъ бицца, либо мирицца.» Пакацигарошакъ гаворицъ: «ни за тымъ добры маладзецъ ходзиць, штобы мирицца; только за тымъ, штобы бицца!» И стали яны стражацьсь, и збили багатыры восимъ галоу, дзевятая зосталася. Пакацигарошакъ гаворицъ: «дай-ка а(т)дахнемъ, нечыстая сила!» Яна гаворицъ: «адыхай-не адыхай, а са мною не свладзѣешъ; ты и братоу маихъ пабѣдзиу абманомъ, не силаю.» Пакацигарошакъ ни столько ваюець, какъ думаець, якъ бы змѣя абмануць; адначе и здумалъ, и гаворицъ: «да щэ вашего брата много есць иззади —

1) Выходи.

усѣхъ прыберу!» Удругъ яна агланулася, а іонъ и дзевятую галаву зняу, павырѣзывау языки, палажиу сабѣ у карманъ, а тулобище у огненную рѣку бросиу. Прыходзяць яны къ царю. Царь гаворидь: «благодару васъ, сильномагущи багатыры! жывице сабѣ з' Богомъ и з' радосьцью и смѣлосьцью, и берице, сколько вамъ нужно золота, серебра и бумажной манеты.»

Посля сёго усѣ три змѣиныя жоны сашлисе у адно мѣсто и укладываюць между собою совѣтъ [1]: «аткудава яны узялись, што нашихъ мужоу пабили? Ну женщыны мы будземъ, если не зведемъ ихъ з' свѣту!» То меньшая гаворидь: «ну, сестрицы! пайдземъ мы па бальшой дарозѣ, куда яны будуць идци. Я зраблюся прекрасною койкаю, и яны утамиушыся якъ сядуць на койкѣ — то усѣмъ трёмъ будзе смерць!» А другая гаворидь къ ёй: «кагда ты имъ ничаго не зробишъ, то я зроблюся яблынькаю надъ бальшою дарогаю, и якъ стануць яны ка мнѣ падходзиць — возме ихъ пріятны запахъ, а якъ папробуюць тыхъ яблакъ, то усѣмъ будзе смерць!» Вотъ падъѣжаюць багатыры къ прекрасной койкѣ; Пакацигарошакъ махнуу по ней наухрестъ саблею — дакъ и палилася кроу! Падъѣжаюць яны къ яблынькѣ. «Братъ Пакацигарошакъ, дай-ка зъѣдимъ па яблычку», гаворадь багатыры, а іонъ каже: «кады можно, браццы, такъ зъѣдимъ, а кагда не можно, такъ дальшъ паѣдзимъ.» Выймая іонъ саблю и махнуу яблыньку наухрестъ, и палилася удругъ кроу. — Паспѣшаець за ими трецяя змѣя и пусцила сваю пасць адъ земли да неба. Видзидь Пакацигарошакъ, што имъ каратко прыходзицца; какъ спасцись? Аглядаецца іонъ и увидау, што яна на яго напираець, и бросиу ёй три кони у ротъ Палецѣла змѣя да сиия моря ваду пици, а яны ушли дальшъ. Наганяець яна абратно; видзидь іонъ, што яна близко, и бросиу ёй у ротъ три сакалы. Апяць змѣя да синяго

[1] Уговариваются.

моря палецѣла ваду пиць, а яны ушли дальшъ. Агладываецца. Пакацигарошакъ, змѣя апяць яго наганяець, и видзиць iонъ сваю неустойку, узяу да бросну ёй три хорты у ротъ. Апяць яна да синяго моря палецѣла ваду пиць; пакудава напилась, яны щэ дальше ушли. Агладываецца iонъ и видзиць, што апяць яна даганяець; Пакацигарошакъ, узяушы абоихъ таварищей, и убросну у ротъ. Змѣя палецѣла да синяго моря ваду пиць, а iонъ дальшъ. Даганяець яна апяць; iонъ агладываецца, видзиць, што недалеко, и гаворицъ: «Госпади, сахрани мене и спаси маю душу!» И видзиць iонъ упередъ себе жалѣзны заводъ, и упадаець [1]) у гэту кузницу. Кузнецы гаворацъ да яго: «што, чужостранны чоловѣкъ, такъ абрабѣу!» — Пачтенѣйшіе гаспада! сахраницe мене адъ нечыстай силы и спасице маю душу.» Яны узяуши кузьню заперли наглухо. «Аддайтце маё!» гаворицъ змѣя. Вотъ кузнецы гаворацъ ёй: «пралижы жалѣзны дзвери, а мы яго табѣ на языкъ паложымъ.» Яна прализала дзвери и языкъ у средзину усадзила. Кузнецы узяли у трахъ гара(я)чими клещами за языкъ, и гаворацъ: «ступай, чужостранны чоловѣкъ! што хочешъ, з' нею роби.» Iонъ выходзицъ на дворъ и давай змѣю биць, и побиу на ёй шкуру да косьцей, а косьцu да мозгоу, и узяу яну з' усѣмъ тулобищомъ закапау на семъ сажонъ глубины. Водъ iонъ и цеперъ жывець, да клочье жуець, а мы хлѣбъ, бо у яго нjѣтъ! И я тамъ быу, медъ-вино пиу; па барадзѣ цекло, а у губѣ не было.

3.

ВОЛКЪ И ЛИСА.

Была сабѣ лиска и вельми галодная. Бяжицъ яна, дакъ бяжицъ, ажъ ѣдуцъ рыбаловы; яна притаилася, лягла на землю

---

1) Вбѣгаетъ, вваливается.

и ляжиць. Тые рыбаловы наглядзѣли на лиску, и адзинъ, каторы ѣхау з' заду, узяу тую лиску, дый [1] укинуу у возъ. Лиска, сѣдзячи у возѣ, прогрызала дзиру, и выкидаушы усю рыбу празъ [2] тую дзиру, сама выскачила, пападбирала рыбу, дый ѣсць. Ѣсць яна, дакъ ѣсць, ажъ прыходзиць воукъ. «Што ты, кумко-голубко, яси?» — Рыбу, куме! «Дай-жежъ ты мнѣ.» — Ото! кабъ [3] я табѣ давала! пайдзи дый налови. «А гдзѣ-жъ я буду лавиць, кали не вѣдаю гдзѣ?» — Водъ идзи за мною, то я табѣ пакажу. А тымъ часамъ дала воуку адну рыбку, кабъ іонъ разсмакавауся [4], и повяла яго́. Прыходзяць яны да аднаго возяра [5] замерзлаго. Лиска прабила праломку [6], дый каже да воука: «усадзи свой хвостъ у гэтую праломку, то наберецца много рыбы.» Воукъ, паслухаушы хитрай лиски, усадзиу хвостъ у праломку и сядзиць. Лисица, зрабиушы тое, што хацѣла, зачала бѣгаць па возяри, кричаць: «мерзни, мерзни кумау хвостъ!» — Што гаворишъ, кумко? каже воукъ. «Я кажу, кабъ бралася рыбка маленькая и вяликая.» Сядзѣу воукъ, сядзѣу у праломицы, ажъ поки не примёрзъ хвостъ. Лиска, убачиушы, што кумау хвостъ примёрзъ, пабѣгла у сяло даць знаць, кабъ воука ишли биць. Людзи, пачуушы [7], што кричаць на воука, пабѣгли заразъ, з' кіями, з' булавами биць воука. А кума пабѣгла у хату, гдзѣ мясили хлѣбъ, укачалася у рашчину [8], выбѣгла, сѣла на стогъ, дый сядзиць. А воукъ, пачуушы людзей, якъ зачау рвацца, дый адарвау хвостъ, и самъ ледва [9] уцiокъ. Бяжиць іонъ, дакъ бяжиць, ажъ бачиць на стагу сядзиць лиска, дый ѣсць. «Кумко-галубко, бачишъ, якая ты благая [10])! ашукала [11]) мене. Хоця за тое дай

1) Да и. 2) Чрезъ, сквозь (przez, польск.) 3) Чтобъ. 4) Смаковать — отвѣдать, пробовать. (Опытъ областн. великор. словаря, стр. 207). 5) Озера. 6) Прорубь. 7) Послышавъ. 8) Вымазалась въ тѣсто; рашчина — мучной растворъ. (Словарь, приложенный къ Энеидѣ Котляревскаго, стр. 20). 9) Едва. (Этнографич. сборникъ, ч. 2, стр. 117). 10) Недобрая, дурная (ibidem, стр. 116). 11) Обманула (ibidem, стр. 119).

што ѣсци.» — На, лизни разъ, сказала лиска, дый пазволила разъ лизнуць. Воукъ, лизнуушы, захацѣу други разъ, дый изноу зачау прасиць що. «Не дамъ ужо больше, бо мнѣ балиць, бо я ѣмъ сваи мазги; кали хочешъ ѣсци, разганися галавой у сасну, разби(ей) галаву, дый яси!» Той воукъ изноу паслухау хитрай лиски, пашоу у лѣсъ, дый якъ разагнауся абъ сасну галавой, дакъ и забиуся на смерць. Лиска, убачиушы, што воукъ забиуся, пашла зъѣла усѣ мазги воука, дый схавалася [1]) у нару [2]).

4.

ЛИСА И ЖБАНЪ. [3])

Быу сабѣ гаспадаръ [4]), и пашоу гарацъ [5]). Гаре іонъ, дакъ гаре, ажъ прыходзиць воукъ. «Чаго ты прышоу, воуче?» каже гаспадаръ. — Прышоу тваи валы́ зъѣсьци, каже воукъ. «Мой ты до́бранькi, мой ты галубокъ, пачакай [6]) хаця, пакуль я дагару, а послѣ сабѣ зъяси.» — Добра [7]), каже воукъ, и пашоу падъ возъ и тамъ лѣгъ. Чоловѣкъ той гаре и плаче, ажъ прыходзиць лиска. «Чаго ты плачешъ, чоловѣче?» каже яму̀ лиска. — Я плачу таго, што прышоу да мене воукъ и хоче валы́ зъѣсьци. «Ну, кали даси мнѣ мѣхъ курей, то праганю воука.» — Добра, каже гаспадаръ. Лиска пабѣгла на гару и кричиць: «тру-ру-ру-ру! малады князь палюе! [8]) Што у цебе, чоловѣче, падъ возамъ ляжиць?» Чоловѣкъ атказвае: «калода́, пане калода.» — Кабъ калода была, то на возѣ

---

1) Спряталась. 2) Смотри, 1-й выпускъ, № 1, а; вып. 2, стр. 107 и вып. 4, № 1. 3) Боченокъ, ведро. (Опытъ областн. великорусскаго словаря, стр. 56). 4) Хозяинъ. (Этнограф. сборн., ч. 2, стр. 121). 5) Орать, пахать. 6) Чакаць — ждать. (Этногр. сборн., ч. 2, стр. 118). 7) Хорошо (ibidem, стр. 121). 8) Охотится.

ляжала бы. Воукъ якъ пачуу тое, якъ зачне прасиць чоловѣка, кабъ узлажиу яго на возъ. Чоловѣкъ узлажиу воука на возъ и зачау гараць. И зноу тая лиска пабѣгла на другую гару, и зноу крычиць: «тру-ру-ру-ру! малады князь палюе! што у цебе, чоловѣче, на возѣ ляжиць?» — Калода, пане! атказау мужикъ. «Кабъ калода была, то увязана была бы.» Воукъ и зноу папрасиу чоловѣка, кабъ увязау; и той чоловѣкъ, узяушы вароуку, такъ увязау воука, што іонъ пакрупицца [1] не смогъ. Лисица зноу побѣгла на трецью гару и такъ са́мо [2] крычиць: «тру-ру-ру-ру! малады князь палюе! што у цебе, чоловѣче, на возѣ ляжиць?» Мужикъ такъ само атказвае: «калода, пане.» — Кабъ калода была, то сакера [3] урублена у нѣй была бы. Воукъ, пачуушы гэтыя слова, зачау прасиць чоловѣка, кабъ гдзѣ сакеру причапиу [4], кабъ яна стырчала [5]. Чоловѣкъ, узяушы сакеру, пришоу да воза, дый якъ рубне у галаву воука, дакъ яго и забиу на смерць. А лисица, убачиушы гэто, прибѣгла да таго мужика и каже: «я цебе абаранила адъ воука: принеси-жъ мнѣ мѣхъ курей.» — Добра! каже чоловѣкъ, дый узяушы таго забитаго воука пашоу да дому. Зняушы шкуру з' воука, улажиу у мяшокъ замѣсто курей двухъ сабакъ Сѣрку и Бѣр(л?)ку и пашоу у поле да лиски, гдзѣ яна яго чакала [6]. Прышоушы туда, іонъ палажиу мяшокъ на землю и каже да лиски: «ты разкарачсе добра, кабъ магла палавиць усѣ куры, а я ихъ выпущу.» Лиска разкарачилася, якъ той чоловѣкъ казау, и чакае, пакооль іонъ выпусьциць куры. А чоловѣкъ, развязаушы мяшокъ, якъ выпусьциць сабакъ, а тые сабаки якъ зачнуць рваць лиску. Лиска ледва выробиласе [7] адъ сабакъ и прыбѣгла да нары, и

---

1) Повернуться. 2) Нарѣчіе: какъ разъ, очень. (См. Опытъ обл. великор. словаря, стр. 197). 3) Топоръ (сѣкира). 4) Прицѣпилъ. 5) Торчала. 6) Ожидала. 7) Отдѣлался.

пытаецца у сваихъ очей: што вы думали, якъ мене рвали сабаки? — Мы думали, кажуць очи, кабъ якъ прендзей [1]) уцячи [2]) да норки. — А вы, лапки? — И мы тое самое думали. — А ты, хвасцище-дурнище, што думау? — Я думау, кабъ якъ найпрендзей цебе зловили и задушили. — Ахъ ты, хвасцище! аддамъ цебе сабакамъ! дый вылязла з' норки: «на, каже, Сѣрка, Бѣрка! на хвостъ!» Тые сабаки парвали лиски хвостъ, дый адарвали. Лиска бяжиць ужо зо злосци [3]), да мужика лаиць [4]) — на што ашукау [5]).

Бяжиць яна, дакъ бачиць [6]): ажъ штось гудзе [7]). Падбѣгая, ажъ дзюравы збанъ [8]) з' вѣтрамъ. «Ахъ ты шельма, пане збане! и ты страшишъ!» каже лисица, дый узяла зачапила почапачку [9]) на шыю, дый панясла топиць [10]). Прыходзиць да рѣки, усадзила збанъ, дый топиць. У той збанъ якъ налилося вады, дакъ той збанъ зачау тапицца и паволокъ за сабою лиску. А той мужикъ гэтое усе бачиць; пашоу да рѣки, выцягнуу [11]) лиску, здзёръ [12]) шкуру дый продау.

5.

КОНЬ СЪ ЗЛАТО-СЕРЕБРЕНОЙ ШЕРСТКОЙ.

Было у бацька три сыны, два разумные, а треци дурень. Разумные гаспадарили [13]), а дурень сядзѣу за пѐчамъ, дый пóпелъ пересыпау. Бацько быу стары, и умираючи сказау сынамъ, кабъ яны три ночи зра(я)ду хадзили надъ магилай

---

1) Поскорѣй (prędzey). 2) Утечь, убѣжать. (Опытъ обл. великор. слов., стр. 241). 3) Со злости. 4) Бранитъ. 5) Обманулъ. 6) Видитъ. 7) Што-то гудитъ. 8) Дырявый жбанъ. 9) Чапать — брать. (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 253); слѣдовательно: дужка или ручка, за которую поднимаютъ жбанъ. 10) Топитъ. 11) Вытянулъ. 12) Содралъ. 13) Хозяйничали.

каравулиць. На першую ночъ пашоу старшы сынъ и якъ надышла поуначъ — заснуу и ничаго не бачиушы вернууся да дому. На другую ночъ пашоу середульши [1]; и іонъ такъ само ничаго не бачиу и вернуусе. На трецюю ночъ пашоу дурень; іонъ сядзѣу цѣлую ночъ, и у самую поуначъ выскачиу конь, а на томъ кани залатая шарецинка [2] и сребная шарецинка, а уздечка брилянтовая. Іонъ глядзѣу на таго каня, глядзѣу, а послѣ разамъ усхапиуся [3] дый злавиу. Вырывауся той конь, вырывауся, а послѣ каже чоловѣческимъ голасамъ: «паничику, дурачку! пусци мене; я табѣ буду у великой пригодзѣ и адгодзѣ, и якъ чаго треба будзе, то свисни на мене — и я заразъ прыбѣгу.» Дурень пусциу таго каня, дый самъ прышоу да дому.

У дома давѣдауся, што будзе выхадзиць кралеуна замужъ за таго, хто конно [4] даскочиць да ёй на треци пёнтръ [5]. З' усѣхъ старонъ народъ зачау збиращца, и брацья дурня паѣхали паглядзѣць таго дзива, якое будзе у караля. Якъ тольки(о) никаго ужо у доми не было, дурень вышоу на дворъ, свиснуу на каня, и іонъ прибѣгъ з' усѣмъ приборомъ. Дурень зобрауся дый паѣхау. На дарозѣ іонъ дагнау сваихъ брацьёу, выбиу ихъ добра нагайкаю за тое, што яны яго́ глумяць [6], и самъ паѣхау далѣй. Прыѣхаушы на кралеуски дворъ, іонъ убачиу графоу, паноу, мужикоу, жидоу и усякаго народу. Усѣ скакали да кралеуны, и нихто не могъ даскочиць; тольки дурень якъ разагнауся, то ускачиу на перши пёнтръ. На други дзень изноу пазбирауся народъ, и дурень даскачиу на други пёнтръ, а на треци дзень якъ скачиу — дакъ даскачиу да самай кралеуны и узяу адъ ёй перспёнакъ [7]. Дурень, узяушы

---

1) Середній. 2) Шерсть. 3) Схватился. 4) На конѣ, верхомъ. 5) Польск. piętro — жилье, ярусъ, этажъ. (Słownik Polsko-Rossyyski, т. 2, стр. 40). 6) Бранятъ (глумятся). 7) Перстенёкъ.

персцёнакъ. палацѣу на сваемъ кани да дому, пусцику каня и самъ схавауся[1]) за печъ. Брацья, прыѣхаушы да дому, зачали разказвацъ дурню усё, што тамъ было: якъ нѣяки [2]) панъ бiу на дорозѣ за дурня, якъ той самы панъ даскачиу да кралеуны, узяу персцёнакъ и уцёкъ [3]). — Аднаго дня сядзяць ты(е) брацья, ажъ прыѣжджае асессаръ и приказвае, жабъ усѣ, хто есць у доми, узаутра прыходзили на кралеуски дворъ на ра(е)визiю. Назаутра пашли усѣ на равизiю. Каралеускiе слуги зачали равизавацъ усѣхъ, хто тольки быу, и на дурневомъ пальцы знайшли персцёнакъ. Павели таго дурня да кралеускаго палацу [4]), казали [5]) яго абмыць, адзѣць и пре(д)ставиць кралеунѣ; а iонъ якъ зачне кричаць: «я не хачу вашаго адзеня [6]), я маю свае!» дый вышоу на дворъ, свиснуу на свайго каня, адзѣуся дый прышоу да кралеускаго палацу выбраны [7]), якъ найбагатши(iй) кралевичъ. Кралеуна якъ убачила — дакъ заразъ палюбила яго и вышла замужъ; а кароль такъ быу радъ, што аддау яму свае кралеуство щэ жывучи [8]).

6.

ЖЕНА БЕЗЪ РУКЪ.

Быу бацько з' маткою, мѣли дачку з' сынамъ. Бацько з' маткою померъ, и пакинули брата съ сестрою. Узяу братъ дай ажаниуся; идзе у госьци — сестру клича, идзе на спацыръ [9]) — сестру клича, гдзѣ якую сукню купиць, то для сестры лѣпшую [10]). Дакъ жонци крыуда [11]) стала! Дау Богъ

1) Спрятался. 2) Какой-то. 3) Убѣжалъ. 4) Дворца. 5) Приказали. 6) Одежды. 7) Убранный. 8) См. выпускъ 2, № 25 и 28. 9) На гулянье (spazieren). 10) Лучшую. 11) Обида. (Этнограф. сборн., ч. 2, стр. 119).

сестри(ѣ) дзицятко, а у сестры есць мужъ, да вельми далеко. Жонка каже: «ну што ты лѣпше сестры глядзишъ, якъ мене. Прыѣдзе іѣ мужъ, то будзе яну глядзѣци.» Пагадзиушы, прыѣжджая мужъ; дакъ яна гаворицъ: «ты прыѣхау да іѣ, а яна з' братамъ живе — не глядзицъ цебе!» Дакъ мужикъ [1]) каже: «жонко! прыберися, пайдземъ на спацырь и вазьми дзиця з' сабою.» Пашли яны у лѣсъ, прывеу іонъ да карча [2]): «палажи руки!» Якъ яна палажила, дакъ іонъ узяу дай по локци атсѣкъ. Яна узяла дзиця и пашла; прыходзицъ яна да вады, дакъ рукъ нима; якъ напицца вады? нагнулася дай дзиця упусьцила. Станицъ бѣдная дай плача, дакъ ёй з' вады адзываецца: «дзѣука, дзѣука! не плачъ, бери дзиця.» Дакъ яна атказывая [3]): «якъ-жежъ я буду брацъ, кали у мене рукъ нима!»— Тачи [4]) ваду, дасьць Богъ руки. Якъ яна адтачила, дау Богъ руки; дакъ яна узяла дзиця дай пашла. Идзе дарогаю, сустрѣчае яну панъ; дакъ іонъ пытаецца: «аткуль ты, кабета [5])?» Дакъ яна атказала: «нима чаго пану казацъ, аткуль я; нѣкали была паняй, цеперъ кабетой завуцъ.» — Ни пашла-бъ ты ка мнѣ на службу? Яна кажа: «пайду; али [6]) ци во́зьмешъ мене з' дзицёмъ?» Дакъ іонъ кажа: «вазьму.» Яна прыѣхала, дакъ той сынъ расьце да усе заве́ [7]) яго́ та́тамъ [8]). Іонъ кажа: «якій я твой тато?» Дакъ іонъ каже: «прошу, татулячко, не прагнѣвацца; маей матульцѣ [9]) татулько руки атсѣкъ, дакъ матулька пашла плачучи и мене у ваду укинула; з' вады аддалося матульци: не плачъ, кабетко! бери дзиця, дасьцъ Богъ руки. Дакъ матулька утачила ваду, дау Богъ руки. Матулька шла и татулька пазнала, а татулько матки не!»

---

1) Мужъ (ibidem, стр. 120). 2) Къ пню; karcz (польск.) — карша, пень съ кореньями отсѣченный. (Słownik Polsko-Rossyyski, Stan. Müllera, 1829 г., Wilno, т. 1, стр. 254). 3) Отвѣчаетъ. 4) Точить воду — проливать, цѣдить, т. е. омочи водою. 5) Женщина (Этнограф. сборн., ч. 2, стр. 118); раба. 6) Но. 7) Зоветъ. 8) Отцемъ. 9) Матери.

7.

ЧУДЕСНЫЕ МАЛЬЧИКИ.

Было у бацьки три дачкѝ; пашли на рѣчку бѣлизину [1]) мыць. Ѣхау каралеу сынъ. Адна каже: «отъ, кабъ я за каралеваго сына пашла, тобъ я адной голкай [2]) весь дворъ абшила.» Другая каже: «кабъ я за каралеваго сына пашла, тобъ я адной булкай весь дворъ абкармила.» А трецяя каже: «кабъ я за каралеваго сына пашла, тобъ два сыны́ прывела: на лбѣ па мѣсяцу, у патылици [3]) па звѣздацци.» Прыѣхау кароль да таё (жениться), што казала: «два сыны прывела-бъ»; дакъ яны живуць гадокъ, другій, стала яна у ценжи [4]). Паѣхау круль и прыказывая мацяри: што Богъ дасьць жонци, то нехай [5]) гадуя [6]). Адъѣхау іонъ миль двацдать, дакъ Богъ дау жонци дзиця; прывела яна два сыны: на лбѣ па мѣсяцу, на патылици па звѣздацци. Написала жонка карту [7]) — што Богъ дау два сыны: на лбѣ па мѣсяцу, на патылици па звѣздацци; парабакъ [8]) панесъ карту да яго́ и зайшоу да іѣ сестры начавацъ и не вѣдау, што яго́ пани сестра. Легъ іонъ спаць; дакъ яна узяла дай адкрыла карту, тое скасавала [9]), што было написано: на лбѣ па мѣсяцу, на паталици па звѣздацци, и написала, што ни ужъ, ни гадъ — ни знаць што прывела. Той чоловѣкъ дагаиу круля, подау листъ. Іо́нъ прачитау «Што ей Богъ дау, то нехай ни трацицъ безъ мене.» Уже назадъ іонъ

---

1) Бѣлье (bielizna). 2) Иголкой. 3) На затылкѣ. (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 174). 4) Забеременѣла. Ciężа — беременность. (Słownik. Polsko-Ross., т. 1, стр. 63). 5) Пусть. 6) Вскармливаетъ, воспитываетъ. (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 38). 7) Грамоту, письмо. 8) Батракъ, наймитъ, слуга. (Этногр. сборн., ч. 2, стр. 116). 9) Kasowac — смарать, вытереть написанное. (Słownik Polsko-Ross., т. 1. стр. 258).

ишоу и зайшоу туды зноу начаваци; яна узяла зноу листы, адкрыла и тое скасавала, што іонъ написау, и написала: пакуль [1]) іонъ вернецца, кабъ пахавацъ [2]) тые сыны. Якъ іонъ прышоу, кралева жана перечитала и стала плакацъ; ей жаль было тые харошіе сынки пахавацъ. На дворѣ выкапала двѣ магилки и пахавала; вырасли два явары — залатая галинка [3]) и сребраная. Прыѣхау круль да хаты и адправиу [4]) за тое, што пахавали безъ яго́.

Паѣхау іонъ жаницца да другой да жониная сестры. Жывуць яны, дакъ яна каже то: «мой мужу найясьнѣйши! кабъ мы гэтые явары ссѣкли да зробили ложко [5]) сабѣ.» — «Ахъ, мужу мой найясьнѣйши! пасячомъ мы гэто ложко и спалимъ, а попелъ на дарогу высыплемъ.» Гнау пастухъ авечки; адна ауца забѣгла и по́пелу ухвацила, прывела два бараны: на лбѣ па мѣсяцу, на патылицы па звѣздацци. Дакъ яна [6]) знелюбила тыхъ бараноу, велѣла парѣзацъ и кишки на улицу выкинуць. Першая [7]) жонка вышла, кишки пададбрала, зварила и зъѣла, и стала у ценжи и прывела два сыны́: на лбѣ па мѣсяцу, на патылицы па звѣздацци. Дакъ тые сыны́ растуць, дакъ растуць, и шапачкау не знимаюць. Дакъ круль захацѣу, кабъ хто шоу байки баяць [8]); дакъ тамъ сказали: есць два браты, яны умѣюць байки баяць. Дакъ яны прышли байки баяць.

Стали баяць байку: «бызу сабѣ круль з' кралеунаю; прывела кралеуна два сыны: на лбѣ па мѣсяцу, на патылицы па звѣздацци. Послѣ круль паѣхау на палявання(ь)е [9]), написала каралеуна карту и паслала. Чоловѣкъ зайшоу на начь да сестры; яна узяла, адкрыла карту и написала, што ни ужъ, ни гадзи-

---

1) Покуда. 2) Похоронить, зарыть. 3) Вѣтвь (gałąź). 4) Отпустилъ (отъ себя жену). 5) Ложе, кровать. 6) Новая королева. 7) Прежняя. (8 Сказки сказывать. 9) На охоту.

на — ни знаць што прывела кралеуна. Круль прачитаушы адписау, што нехай гадуюцца ци ужъ, ци гадзина. Чоловѣкъ, шоушы да дому, и зноу туда зайшоу, гдзѣ начавау. Яна адкрыла и написала, кабъ пахавала да майго прыѣзду. Дакъ яна [1] выкапала двѣ ямы-магилы, и закапала; и вырасли два явары — залатая галинка и серебненкая. Яна [2] нацялася, кабъ пасѣчь и ложко зрабиць, и стала яна спаць, и стау ёй ценжаръ [3] робицца; яна велѣла гэто ложко пасѣчь и спалиць, и на дворъ попелъ выкинуць. Пастухъ авечки гнау; адна авечка попелу захвацила и стала котная [4], прывела два бараны: на лбѣ па мѣсяцу, на патылицы па звѣздацци. Каралеуна [5] велѣла тые бараны парѣзаць и кишки на улицу выкинуць; ана [6] вышла на улицу, кишки падабрала, прынесла у хату, сварила и съѣла и у ценжи стала, прывела два сыны: на лбѣ па мѣсяцу, на патылицы па звѣздацци.» Хлопчики гэтые скланилисе да шапачки зняли, такъ и засвяцили весь пакой. — Другую жонку на жалѣзную барану рясцагали, а першую (круль) узяу и стали жиць.

8.

КОРОЛЕВНА И РАЗБОЙНИКИ.

Быу сабѣ круль съ крулёвай, и мѣли адну дачку вельми харошую, и да iѣ сваталися дванадцаць кавалерау [7], а тые кавалеры были усѣ разбойники. Ты(е) разбойники прасили, кабъ кали-нибудзь яна да ихъ прышла багато-убраная. Аднаго разу, безъ вѣдама айца [8], яна сабралася дый пашла па той

---

1) Мать. 2) Злая сестра. 3) Ciężar—тягость. (Słownik Polsko-Ross., т. 1, стр. 63). 4) Суягная. 5) Новая. 6) Прежняя королева. 7) Жениховъ. (Этногр. сборн., ч. 2, стр. 118). 8) Отца.

дарозѣ, па якой яны ёй паказали. Идзе яна дакъ идзе лѣсамъ, ажъ у лѣсѣ станць палацъ [1]. Вайшла у той палацъ, ажъ у першой хацѣ стаяць бочки з' кровёй [2] чоловѣчай, у другой хацѣ усё чоловѣчіе голавы, ноги, руки, у трецей усё тулубы [3] чоловѣчіе, у чацвёртай самые боты [4] и чаравики [5], у пятой адзенё [6] суконное и матеріи, у шостой и у сёмой сребро и брилянты, а восмая — тая хата, гдзѣ жили разбойники. Хадзила яна, хадзила па усѣхъ пакояхъ, и якъ пачула [7] стукъ — схавалася падъ ложко. Сядзиць яна тамъ, ажъ уходзяць тые дванадцаць разбойникоу и прыводзяць съ сабою нѣякую вельми харошую и багатую панну; узяли яну разабрали [8] да гола, палажили на калодку и зарѣзали, а послѣ зачали знимаць персцёнки з' рукъ, и з' аднаго пальца никакъ [9] не магли зняць. Адзинъ каже, што аддайце мнѣ гэты персцёнакъ. «Добра!» казали усѣ. Іонъ узяу сакеру и якъ рубнуу, дакъ палецъ з' персцёнкомъ палецѣу падъ тое ложко, гдзѣ сядзѣла кралеуна. Разбойникъ палѣзъ падъ ложко шукаць [10] перецёнка; але якъ было цёмно, то не знашоу перецёнка и адлажиу да заутра. Кралеунѣ ажъ млосно [11] зробилося з' страху, бо яна чула усю ихъ гутарку [12]. Яны гаварили, кабъ якъ-нибуць звясци кралеуну да себе убраную и послѣ забиць. Доуго гуляли, пили, ѣли разбойники, а якъ надышла поуначъ, дакъ усѣ парасходзилисе: адзинъ пашоу у лѣсъ, други пашоу на гасцинецъ [13], треци на други гасцинецъ, а решта [14] паразходзились у усѣ стораны. Краулеуна, якъ яны павыходзили, вылязла зпадъ ложка дый пашла просто да дому. Прышоушы

---

1) Домъ, дворецъ. 2) Съ кровью. 3) Туловища. 4) Сапоги. (Опыт. обл. великор. слов., стр. 14). 5) Башмаки (ibidem, стр. 256). 6) Одежда, платье. 7) Послышала. 8) Раздѣли. 9) Никакъ, никакимъ образомъ. 10) Искать. (Этнограф. сборн., ч. 2, стр. 118). 11) Тошно. (Опытъ обл. великор. словаря., стр. 114). 12) Разговоръ. 13) Большая дорога. 14) Остальные (reszta, польск.).

да дому, яна ничаго никаму не казала, што бачила, и лягла спакойне спаць.

На други дзень рано разказала кралеуна абъ усёмъ свайму бацьку, и іонъ канечне захацѣу ихъ палавиць. Ажъ таго самаго дня прыѣжджаюць усѣ тые разбойники на абѣдъ да караля. Доуго сядзѣли тые разбойники, а послѣ стали абѣдаць. Якъ тольки зачали ѣсци, кралеуна зачала такъ разказваць: «мнѣ снилося сегодня, што пашла да васъ у госьци. Ишла я, дакъ ишла той дарогай, якой вы мнѣ паказали, ажъ стаиць палацъ; ухаджу я у той палацъ, ажъ у першой хацѣ стаяць бочки з' кровёй чоловѣчай, у другой хацѣ галавы, ноги, руки, у трецемъ пакои тулубы чоловѣчіе, у чацвёртомъ пакои самые боты и чаравики, у пятомъ пакои адзенё суконное и матеріи, у шостомъ пакои самое сребро и брилянты. А послѣ пачула стукъ и схавалася падъ ложко. Сядзѣла я тамъ, сядзѣла, ажъ уходзяць дванадцаць мущинъ и прывяли съ сабою адну вельми харошую и багатую панну; палажили яну на калодку и зарѣзали. Послѣ пазнимали персцёнки з' рукъ, але аднаго персцёнка никакъ не магли зняць. Дакъ адзинъ разбойникъ каже: аддайце мнѣ гэты персцёнакъ, я ягȯ зниму. Яны аддали той персцёнакъ и іонъ адрубау яго з' пальцамъ; але той палецъ палецѣу падъ тое ложко, гдзѣ я сядзѣла.» Кали гэто разказвала кралеуна, разбойники усѣ пачерванѣли 1) и дагадалися, што кралеуна была у ихъ и усё бачила. Послѣ кралеуна вынала персцёнакъ з' пальцамъ съ кишени 2) и сказала: «гэто, што я гаварила, мнѣ не снилося, але было прауда!» Тые разбойники, бачучи, што будзе кепско 3), съ-за стала дый у ноги 4) празъ окна; але тамъ сядзѣли прыгатаваные людзи, каторые ихъ усѣхъ палавили, павязали и прывели да

---

1) Покраснѣли, побагровѣли. 2) Изъ кармана или мѣшка. (Опытъ обл. великор. слов., стр. 83). 3) Плохо (польск. kiepsko). 4) Т. е. бѣжать.

караля. Кароль заразъ кавау прыгатавац жалѣзныя бораны и усѣхъ дванадцаць разбойникау паразцягаць; а кралеуну аддау замужъ за аднаго великаго кралевича. Весел(ь)е [1] было гучное [2], а па весели паѣхали да таго палацу, гдзѣ жили разбойники, и пазабирали усё багацтво, и прыѣхаушы назадъ, дали балъ, на которомъ и я быу, медъ вино пиу, па барадзѣ цекло, у роцѣ не было.

9.

СЧАСТЬЕ И НЕСЧАСТЬЕ.

Быу чоловѣкъ бѣдны, не мѣу ни снасцины [3], ни скацины, а дзѣцей мѣу шматъ [4]. Прышла вясна, а яму нима чимъ гарацъ; людзи идуць съ сахою и скацинаю, а іонъ идзе з' жалязникомъ. Встрѣчая іонъ двѣ панны, а тыя панны были: адна — Счасцё, а другая Несчасцё. Пытаюць яго: «куды, чоловѣче, идзешъ?» Такъ іонъ каже: «панначки мап, кралеуначки! мае такое несчасцё: людзи идуць съ скацинаю, а я съ жалязникомъ; нема чимъ праживиць [5] дзѣцей.» Дакъ тыя адна з' другою гаворачи кажуць: «надаре(и)мъ мы яго». Дакъ Счасцё каже: «кали твой [6], то ты яго и надари.» Дакъ выняли и дали яму дзесяць рублёу, и сказали: «идзи да хаты и купи сабѣ вала.» Дакъ іонъ прышоу да хаты и тые гроши [7] сховау у гаршокъ, гдзѣ быу попелъ. Назаутра прышла да яго сусѣдка, кума багатая, дый каже: «чи нима у васъ попелу, бо мая палотна вельми рудыя [8]?» — Вазьми сабѣ вотъ у гар-

1) Свадьба (Этногр. сбор., ч. 2, стр. 120). 2) Шумное, громкое. 3) Домашней рухляди. (Снасть—Опытъ обл. великор. словаря, стр. 209). 4) Довольно, много (Опытъ обл. великор. слов., стр. 267). 5) Прокормить. 6) Т. е. безталанный, несчастливый. 7) Деньги. 8) Замараны, нечисты (Опытъ обл. великор. словар., стр. 193).

нушку [1]) станцъ, сказала бѣднаго чоловѣка жонка. Мужикъ, каторага не было дома [2]), стау аглядацца и никъ не убачину гарщка съ попеламъ, дый стау на жонку (кричать): куды дзѣла грошы з' гарщкомъ? Жонка зачала бажицца, што не вѣдала, штò тамъ были грошы, и сказала, што гарщокъ узяла сусѣдка кума. А послѣ мужикъ (пошелъ) да кумы и стау прасицъ, кабъ аддала грошы. Яна каже, што я не бачила ихъ у цебе никали. Мужикъ пашоу да пана, и тамъ не знашоу справы [3]); бо панъ сказау — што ты грошей никали не мѣу, а хочешъ тольки у іѣ адабрацъ. Итакъ грошы мужика прапали.

Плакау іонъ, плакау, дый изноу идзе съ жалязнякомъ, ажъ устрѣчая тыя двѣ панны. Іонъ ихъ не пазнау, а яны яго пазнали. А послѣ пытаюцъ такъ само [4]), якъ упяродъ [5]); и іонъ имъ такъ само адказау, якъ упяродъ, и яны дали яму двадцацъ рублёу. Мужикъ изноу, прышоушы да дому, схавау грошы у гумнѣ у патруху [6]). Назаутра прышла тая самая кума и зачала прасицъ патрухи для целятъ, и жонка бѣднаго мужика изноу дала патруху, бо не вѣдала, што тамъ грошы. Мужикъ, прышоушы да дому, пашоу у гумно вынядъ грошы и изноу не знашоу. Прышоу у хату и стау свàрицца [7]) на жонку: куды дзѣла грошы з' патрухаю? Жонка сказала, што кума прыхадзила и забрала патруху. Дакъ той мужикъ такъ само, якъ упяродъ, хадзиу и да кумы, и да пана; але нигдзѣ не знашоу справы. Усѣ казали, што у цебе никали грошей не было.

Мужикъ паплакау, дый изноу идзе и спатыкае [9]) тыя самыя панны, и яны дали яму тольки два грошы и сказали: «идзи

---

1) Маленькой горшокъ съ ручкой (ibid., стр. 36). 2) Когда приходила кума. 3) Суда, расправы, правды. 4) Точно. 5) Впередъ, прежде. 6) Мякина, труха. 7) Браниться (Этногр. сборн., ч. 2, стр. 116). 8) Встрѣчаетъ (ibidem, стр. 117).

да рѣчки Нёмна 1), тамъ будуць лавиць рыбу, дый ниякъ не зловяць. Ты папраси, кабъ на твоё счасцё закинули.» Іонъ такъ и зробиу 2); пашоу да Нёмна и папрасиу, кабъ на яго счасцё закинули. Якъ закинули, дакъ такъ много выцягнули рыбы, што негдзѣ было дзѣць. Рыбаки запыталися: «кольки бы табѣ дацъ за гэто?» Іонъ каже, што прадайце мнѣ за два гроши. Яны прадали адну рыбку за два гроши, а другую дали яму̀ даромъ. Мужикъ, узяушы тыя рыбки, пашоу да дому и аддау жонци, кабъ зварила. Жонка вельми была рада съ дзѣцьми з' тыхъ рыбакъ и не варила, а палажила такъ. Ажъ ѣхау адзинъ панъ черезъ тое сяло; той мужикъ пашоу адчинищь 3) варота и зачау смѣяцца, а панъ запытауся: «чаго ты смѣешся!» Іонъ сказау, што у мене есць такая рыбка: хто на рыбку гляне, то кожды смѣецца. Таму пану вельми захоцѣлосе рыбки, и за тую рыбку дау мужику пару валоу, пару коней и тольки збожа 4), кольки мужикъ хацѣу. Итакъ мужикъ знашоу сваё счасцё у двухъ грошахъ.

(Всѣ восемъ сказокъ записаны старшимъ учителемъ новогрудскаго дворянскаго училища М. Дмитріевымъ въ новогрудскомъ уѣздѣ, гродненской губерніи.)

10.

НАДЗЕ́Й ПАПОВЪ УНУКЪ 5).

Какъ не въ какимъ чарстви, не въ какимъ гасударстви, какъ живъ 6) попъ, попъ удовъ 7), и какъ была у евтаго папа доцъ яго́ радная. Ета, братицъ ты, такъ ёнъ бярёгъ яе, и

1) Нѣмана. 2) Сдѣлалъ. 3) Отворить. 4) Жита хлѣба. 5) Внукъ. — Сказка эта напечатана въ 1 выпускѣ Этнографическаго сборника, стр. 247—250. 6) Окончаніе *въ* вмѣсто *лъ* произносится грубо, какъ бы *у*; тоже должно замѣтить и о произношеніи слова *дамовъ* — домой. 7) Вдовый.

какъ ёнъ ни ѣдзить куды у приходъ, ёнъ завсягды вязется ей гастинцыки, що евта прихожани знаютсь, що ёсь у нашаго папа доцъ и надабитсь ей какъ-нибутсь гастинцыкавъ паслатсь. И паѣхавъ ёнъ у приходъ — вёрстъ за двинадцать дзиревня, ну ета ёнъ з' прицастамъ паѣхавъ, и тамъ ёнъ прицаствивъ цалавѣка; ну ладна, и прибярягли [1]) ягó воцинна [2]) харашо. Ну ёнъ и забывъ, щобы гастинца доцки дали, ну ёнъ и сѣвъ з' евтсимъ и паѣхавъ домовъ. И ѣдзитсь ёнъ па дароги, и гаритсь цалавѣццая галава на дароги, и уся [3]) згарѣла, тóльки пóпилъ [4]) ядинъ астаéтцы. Ёнъ было праѣхавъ, патомъ и уздумавъ: «щожъ я праѣхавъ, видзь цалавѣццая галава гаритсь, дай я вазьму, у карманъ евтатъ папялокъ улажу̀, связу дамовъ и пагрябу.» Ну узялъ ёнъ у карманъ ягó и усыпавъ, сѣвъ нá лашадзь, апять и паѣхавъ дамовъ. Ну, пріяжжаитсь къ двару, и сувстрикаитсь [5]) ягò дóцка, з' лошадзи знимаитсь яго; у ягó забалѣла галава, вѝдна з' вѣтру, и яна спатсь ягó палажила на парину. Ну, патомъ яна уздумала ета: «ахъ, батсюшка-жъ мой нябóсь гастинца привёзъ!» Яна и цапъ [6]) у карманъ; евтатъ жи папялокъ абаратився ларцыкамъ. Ну ета яна выхватсила етатъ ларцыкъ, и кáжитсь [7]): «ну, ларцыкъ! харашо; а ня знаю, какъ ягó атлажитсь [8])». Ну, вотъ яна выхватсила и лизнула ягó и забяреминила. Хто носитсь па надзѣлямъ, а яна па цасамъ; дайшло да таго уремя [9]), що радзить, и радзѝла; ну, сійцасъ патомъ ягó и ахристсѝли, наркли имя Надзей, паповъ унукъ.

Патомъ сталъ рось етатъ маладзеницъ [10]); хто растéтсь па гадамъ, а ёнъ па цасамъ; шесь [11]) надзѣль концылась — на ву-

---

1) *Берéчь* — ласково принимать, угощать (Опытъ обл. великорус. словаря, стр. 9). 2) Очень. 3) Вся. 4) Пепелъ. 5) Встрѣчаетъ. 6) *Цапнуть* — хватить (Этногр. сборн., выпускъ 1, стр. 246). 7) Говоритъ. 8) Открыть. 9) Время. 10) Младенецъ. 11) Шесть.

личу къ рябятамъ шулугу [1] ганятсь пайшовъ. Вдáритсь ёнъ на шулугѣ, шулуга лятсить, тольки звижжить; каму вдáритсь у нагу, нага процъ, каму вдáритсь у руку, такъ рука процъ, каму у галаву, галава процъ. Ета атцы евтихъ дзятей и приходзятсь къ священьнику етаму, и приходзятсь къ священьнику съ прозьбай: «батсюшка! ни пусшайтсе свайго унука на вуличу гулятсь къ рябятамъ, больна [2] много ёнъ шкоды [3] дзѣлаитсь.» Каторый гавóритсь — майму галавў атарвавъ, другéй гавóритсь — майму руку атарвавъ; ни пусшайтсе, гавóрютсь, батсюшка, какъ можна. Ну, харашо, могъ ёнъ вуздержатсь ягó да самаго лѣта; ёнъ вырасъ парядашнай, и гаваритсь ёнъ: «ну, дзѣдушка любезнай, щожъ мы будзимъ дзѣлатсь-рабатáтсь?» Дрянно́ [4] дзѣдъ ягó узрадовався и гавóритсь: «доцъ мая любезная! Слава табѣ, Госпадзи! гавóритсь, далъ Богъ наслѣдницка какóга; Богъ пайславъ! И какéй хлапатнэй [5])! що я буду з' нимъ дзѣлатсь? Ну, етанимъ рабатáтсь. Пóйдзимъ, гавóритсь, унўцыкъ мой, ляда [6] вывалимъ.» — Пóйдзимъ, дзѣдушка! И зайшли яны у бало́та, и выбрали яны мѣста такоя принадобная [7]). Дзѣдъ ставъ нацынатсь ель валитсь, ёнъ (внукъ) гавóритсь: «дзѣдушка, ты ня поцынай, мяне бласлави.» — Ну, гавóритсь дзѣдушка, унуцыкъ, Богъ тсябе блаславитсь! Ёнъ сійцасъ, какъ нáцавъ, какъ пóцавъ, да какъ ставъ валитсь. анда лѣсъ трящитсь; такъ сяканéтсь з' аднагó бока тапаромъ, съ другóга дзерива(о) палятсѣла. Да двинадцатага цасу ёнъ вывалилъ палтары дясатсины ляда. Дзѣдъ кáжитсь: «нўжна сѣць мéльця [8]) да жечь.» А ёнъ гавóритсь: «дзѣдушка,

---

1) *Шулуга* — небольшой шаръ, свитый изъ лыкъ (Этногр. сборникъ, вып. 1, стр. 246). 2) Очень. 3 Убытка, вреда. 4) Очень, весьма (Опытъ обл. великорус. словаря, стр. 51). 5) Хлопотливой. 6) *Ляда*—болото или другое неудобное мѣсто, поросшее кустарникомъ и лѣсомъ. (Опытъ обл. велик. словаря, стр. 108). 7) Хорошее. 8) Мельче.

мы и такъ у груддё [1] складзёнъ». У три дни ета ляда паспѣла сѣятсь. Узйли яны з' дѣдамъ и пасѣяли, да врадзився-жъ авёсъ, такъ етакай авёсъ нисказанна̀й. Ну, паваднився въ евтатъ авёсъ мядзвѣдзь. Пасматрѣвъ попъ, схадивши, ляда— многа зъѣдзина ау(в)са. Приходзитсь ёнъ дамовъ, спрашиваитсь унукъ: «що, дзѣдушка, ти какаво наша ляда?»—Дрянно́, унуцыкъ, харашо, тольки-жъ повадзилась какая-то дзикая лошадзь, дрянно́ ись [2] и многа (и)зъяну сдзѣлала. «Какъ такъ, дзѣдушка, скольки трудився я, а яна, евтакая шельма, скольки зъяну надзѣлала! пайду пакаравулю. Пайщи-тка минѣ кольки ни на ёсь пяноцки.» [3] Сѣвъ ёнъ, звивъ абротсь [4], пайбѣдавъ, въ лѣсъ пайшовъ. Приходзитсь ёнъ въ ляда и вдивився ёнъ удалъ добрай моладзицъ: «ахъ, Богъ мой, кольки шкоды сдзѣлала, теирпѣтсь ни вазможна!» и сѣвъ ёнъ сирёдъ ляда на пни. Ну, и сидзитсь; патомъ сійцасъ мядзвѣдзь йдзитсь з' лѣсу, и пряма у авёсъ, и взнався [5] и панёсъ [6] авёсъ смунитсь [7]. Ёнъ добрай моладзицъ и вдивився: «щожъ евта за дива, я евтакихъ лашадзей не видывавъ; щожъ ета за аказія такая, какъ яна авёсъ каститсь» [8]. Ета падходзитсь ёнъ — мядзвѣдзь — къ няму близка, къ самому ка пню. Мядзвѣдзь ётага и ни внываитсь [9], що цалавѣкъ стаитсь; ёнъ думаитсь, що ета пень стаитсь, и падходзитсь къ няму близка. Ёнъ сійцасъ са пня, и цапъ яго́ за вушй и схватавъ; ета схватавъ и притиснувъ къ замли яго́. Мядзвѣдзь думаитсь: що такѐй, и хатсѣвъ паправитца; ну вужъ по́зна, ёнъ яму̀ и папясца [10] ня давъ, узявъ яго́ етай абротою забратавъ [11] и дамо́въ павёвъ.

---

1) *Грудъ*—куча (Опытъ областн. великор. словаря, стр. 42). 2) Ѣстъ. 3) Пеньки. 4) Пеньковая узда (оброть). 5) *Нятьcя*—взяться, приняться, начать (Опытъ областн. великор. словаря, стр. 131). 6) Началъ (Этнограф. сборн., выпускъ 1, стр. 245). 7) Мять? (Опытъ обл. словаря, стр. 117). 8) Сдѣлать порчу, повредить (Этногр. сбор., вып. 1, стр. 244). 9) Не унываетъ. 10) Поправиться (Этногр. сборн., вып. 1, стр. 245). 11) Надѣлъ оброть, зануздалъ (Опытъ обл великорус. словаря, стр. 59).

И вёвъ ёнъ яго дамовъ, мядавѣдзь какоя дзерива захватситсь— з' корнямъ варотситсь. Ну, и привёвъ ёнъ яго дамовъ, привязавъ сиредзь двара къ сталбу и приходзитсь у вызбу. «Ну, ты Госпадзи, гаворитсь, какая лошадзь, дзѣдушка, разъѣлась [1])! Какъ я умарився, тянумши яе дамовъ!» Дзѣдъ вышавъ на дворъ и вжахнувся [2]). «Пасматри-тка, гаворитсь, доцъ мая любезная, що твой сынокъ, а мой унуцыкъ сдзѣлавъ» — и колькя время дзивавалися яны. Ёнъ (внукъ) гаворитсь: «ни дзивуйтися, а гаворьти, що мы надъ етай лошаддю дзѣлатсь будзимъ, какъ яна сильна дужа, и ще на ёй рабататсь?» — Вази, кажитсь, дзѣдъ, унуцыкъ, дровы. Взявъ ёнъ етага мядзвѣдзя и запрёгъ яго у тсалѣгу, и панёсъ ёнъ вазитсь дровы на мядзвѣдю, и у три дни усё цыста [3]) загрузивъ, абклавъ кругомъ усё сялёние. Етимъ прицетникамъ ни выйтси, ни выихатсь: усё загрузивъ цыста! И приходзятсь ети прицетники къ етаму свящельнику и гаворютсь: «дзѣ хоцьте дзѣньте яго, щобъ ёнъ ня бывъ; щожъ ета за аказія, що у три дни усё сяло загрузивъ, ни выйтси, ни выихатсь никакъ ни вазможна.» — Ахъ, доцъ моя, гаворитсь дѣдъ, що мы будзимъ дзѣлатсь. жалка табѣ сына, а мнѣ унука; нуш(ж)ъ пошлимъ яго, куды хошъ ёнъ — туды и ступай! Ну, призываитсь ёнъ къ сабѣ унука, и гаворитсь: «ну, унукъ мой любезнай, приходзятсь прицетники съ прозьбай; жалка мнѣ тсибе, а ступай ты, унуцыкъ, куда ты уздумавъ, на всѣ цатыри стораны.» — Эхъ, дзѣдушка мой любезнай! вы-бъ давно и сказали мнѣ евта, я и пашовъ, бы николькя ня медлимши. Матушка мая любезна! спяки мнѣ каравашицку [4]). Матсь яго спякла яму каравашицку, улажила у хатомацку [5]).

Встававъ ёнъ ранёшинька, вмывався бялёшинька. Узявъ ёнъ евту хатомацку, надзѣвъ яе на плецы, блаславится: «матушка

---

1) Въ Этнограф. сборникѣ напечатано: «разъѣлалась». 2) Ужаснулся. 3) Чисто. 4) Коровай — коврига хлѣба. 5) Котомка.

мая любевная и деъдушка мой радзимай, благлавитее на путсь, на дарогу». Памалився ёнъ Богу и пашовъ, и вышавъ ёнъ у цыста поля, и наставивъ [1]) ёнъ ни путсёмъ, ни дарогай, и наставивъ ёнъ лясамъ драмуцымъ, грязямъ тапуцымъ, и ишовъ ёнъ семь дёнъ, безъ полдёнъ, ротъ на апашку, и языкъ на атмашку; вышавъ ёнъ у тридзесятую землю, у тридзесятая чарства, и выходзитсь ёнъ у цыстая поля, у крутыя горы, — и гулянтсь Гарыня-багатырь; и горы капкомъ [2]) капаитсь. Приходзитсь Надзей, паповъ унукъ, къ няму и гаворитсь: «Богъ помацъ, Гарыня-багатырь! куды какая въ тсибе сила нязамѣтная. Какъ ты, гаворитсь, гарамъ капаишь, какъ шулугу?» А ёнъ гаворитсь яму: «эхъ, гаворитсь, удалъ моладзицъ! ни вдивляйся ты маей сили. Въ тридзевятай зямли у тридзясятамъ чарстви, гаворитсь, какъ ёсь Надзей паповъ унукъ, такъ у таго ня евтакая сила! какъ привёвъ ёнъ мядавѣдзя з' лѣсу, да на мядзвѣдзи усё цысто сяло загрузивъ. Яго, гаворитсь, воранъ кастёвъ ни заноситсь, добрай моладзй конь ни завозитсь!» А ёнъ гаворитсь: «ахъ, братъ Гарыня-багатырь! ня воранъ кости заноситсь, а самъ добрай моладзицъ заходзитсь.» А ёнъ говоритсь: «ахъ, братъ, тыкъ евта ты Надзей паповъ унукъ! вазьми, братъ, мяне у мяньшіи братья.» Ёнъ яго и узявъ, и яны многа хадзили, и многа богатырёвъ пабядзили, и многа гарадовъ захватсили; патомъ яны пажанились и багата жили.

(Записана въ тверской губерніи, ржевскомъ уѣздѣ, священникомъ С. Разумихинымъ.)

---

1) Направился. 2) Ногою (Этнограф. сбор., вып. 1, стр. 244).

11.

СКАЗКА ОБЪ ИЛЬѢ МУРОМЦѢ.

Не-въ-которомъ царствѣ, не-въ-которомъ государствѣ жилъ-былъ мужичокъ и съ хозяюшкою. Живётъ онъ богатой рукой, всего у него довольно; капиталъ хорошій имѣетъ. И говорятъ они промежъ собой сидя съ хозяйкою: «вотъ, хозяйка! довольно всего у насъ, только у насъ дѣтей нѣту; станемъ просить Бога, авось Господи намъ создастъ дѣтище хотя бы на послѣдяхъ, при старости.» Стали просить Бога, и забрюхатѣла она и время пришло — родила дѣтище. Прошолъ годъ, и два, и три года прошли, ноги у него не ходятъ, а должно-бъ ему ходить; восемнадцать годовъ прошло — всё безъ ногъ сидитъ. Вотъ пошолъ отецъ съ матерью на покосъ убирать сѣно, и остался сынъ одинъ. Приходитъ къ нему нищенской братія и проситъ у него милостыньку: «хозяинушка! сотвори старичку Господню милостыньку Христа ради!» Вотъ онъ ему и говоритъ: «старичокъ Господень, не могу я тебѣ подать милостыньку; я безъ ногъ.» Вошолъ старичокъ въ избу; «нутка, говоритъ, встань-ка съ постели, дай мнѣ ковшичекъ.» Вотъ взявши, далъ ему ковшичекъ. «Поди, говоритъ, принеси мнѣ водицы.» Принёсъ ему воды и подаётъ въ ручки: «извольте, старичокъ Господень!» Вотъ онъ ему пазат(д)ъ и отдаётъ: «выпей, говоритъ, въ ковшѣ всеё воду.» Опять посылаетъ онъ его за водою: «опять сходи, принеси другой ковшикъ воды.» Шедши онъ за водою, за которое дерево не ухватится — изъ корню выдернетъ. Старичокъ Господень и спрашиваетъ у него: «слышишь ли теперь въ себѣ силу?» — «Слышу, старичокъ Господень! Сила теперь во мнѣ есть большая: кабы утвердить въ подвселенну такое кольцо, я бы смогъ поворо-

тить подвселенную.» Какъ принёсъ онъ другой ковшикъ, старичокъ Господень выпилъ полковша, а другую половину далъ ему выпить: силы у него и поубавилось. «Будетъ, говоритъ онъ, съ тебя и этой силы!» Помолился старичокъ Господень Богу и пошолъ домой: «оставайся, говоритъ, съ Богомъ!»

Скучно ему лежать, и пошолъ онъ копать въ лѣсъ, свою силу пробовать. И ужех(ас)нулся народъ, что онъ сдѣлалъ, сколько лѣсу накопалъ! Вотъ идетъ и отецъ съ матерью съ покосу. Что это такое? лѣсъ весь вырытъ; кто такой вырылъ? Подходятъ ближе. Жена и говоритъ своему мужу: «хозяинъ, вѣдь это нашъ Илюшенька роетъ!»—Дура, говоритъ онъ, не можетъ нашъ Илюшенька это сдѣлать; пусте(я)ки, что это нашъ Илюшенька!» И подошли къ нему: «ахъ, батюшка ты нашъ, какъ тебѣ Господь создалъ это?» Вотъ и говоритъ Илья: «пришолъ ко мнѣ старичокъ Господень, милостыньку просить сталъ; я ему и отвѣчаю: старичокъ Господень, не могу я тебѣ милостыньку подать; я безъ ногъ. Вотъ онъ ко мнѣ и пришолъ въ избу; нутка, говоритъ, встань-ка съ постели, дай мнѣ ковшичекъ. Всталъ я и далъ ему ковшичекъ. Поди, говоритъ, принеси мнѣ водицы. Принёсъ ему воды и подалъ въ ручки. Выпей, говоритъ старичокъ, въ ковшѣ всеё воду. Выпилъ—и стала во мнѣ сила великая!»

Вотъ сходятся мужики на улицу, говорятъ промежъ собою: «вона какой онъ сталъ сильный, могучій богатырь! (называютъ эдакъ мужики Илью) вишь онъ надѣлалъ каку ко́пать! надобно, говорятъ, въ городѣ объявить про него.» Вотъ узналъ объ немъ и государь, что есть такой сильный, могучій богатырь; призвалъ его къ себѣ, и показался [1]) онъ государю, и нарядилъ его государь въ платье, како слѣдуетъ. И показался онъ всѣмъ, и служить сталъ хорошо. Вотъ и говоритъ

1) Понравился, полюбился.

государь: «сильный, могучій ты богатырь! подымешь ли мой дворецъ подъ уголъ?» — Извольте, ваше царское величество! хошь на бокъ, какъ угодно подыму его. Вотъ у царя дочь прекрасная, красавица такая, что не можно вздумать, ни взгадать, ни въ бумагѣ перомъ написать. И показалась она ему оченно, и хочетъ съ ней обвѣнчаться.

Вотъ какъ-то государь и поѣхалъ въ друго государство къ королю къ другому. Пріѣзжаетъ къ другому королю, а у другаго короля тоже весьма хороша дочь, и повадился къ ней змѣй летать объ двѣнадцати головъ, всеё её изсушилъ: совсѣмъ извелась! Вотъ государь и говоритъ этому королю: «у меня есть такой сильный могучій богатырь, онъ убьётъ змѣя объ двѣнадцати головъ.» Король и проситъ: «пожалуйте—ко мнѣ его пришлите.» Вотъ какъ пріѣхалъ онъ въ свое государство, и разговариваетъ съ своей государыней: «у эдакого-то короля повадился змѣй объ двѣнадцати главъ летать къ дочери, всеё её извёлъ, изсосалъ.» И говоритъ: «Илья Ивановичъ! не можешь ли ты послужить, его убить?»—Извольте, ваше царское величество, могу; я его убью. Вотъ государь и говоритъ: «на почтѣ поѣдешь и трахтами пойдёшь, такъ и такъ-то возьмешь.» — Я верхомъ одинъ поѣду, пожалуйте мнѣ жеребца. «Войди въ конюшню, говоритъ ему государь, и выбирай любаго.» А дочь проситъ его въ другой комнатѣ: «не ѣздите, Илья Ивановичъ; васъ убьетъ змѣй объ двѣнадцати головахъ, не сможете съ нимъ сладить.» Онъ и говоритъ: «извольте оставаться и ничего не думать; я пріѣду въ сохранности и въ добромъ здоровьѣ.» Пошолъ въ конюшню жеребца себѣ выбирать; пришолъ къ жеребцу къ первому, наложилъ на жеребца руку, тотъ спотыкнулся; перепробовалъ всѣхъ жеребцовъ въ конюшнѣ: на котораго ни наложитъ руку—всякой спотыкается, ни одинъ не удержитъ. Пришолъ къ самому послѣднему жеребцу — такъ, въ забросѣ стоялъ — ударилъ его по спинѣ рукой; онъ только заржалъ.

И говоритъ Илья: «вотъ мой вѣрный слуга, не спотыкнулся!» Приходитъ къ государю: «выбралъ, ваше царское величество, себѣ жеребца, слугу вѣрнаго.» Отпущаютъ его съ молебномъ, съ добрыми порядками.

Сѣлъ на добраго коня, ѣхалъ долго ли, мало ли, подъѣзжаетъ къ горѣ: прекрутая, большая гора и на ней все песокъ; насилу въѣхалъ. На горѣ стоитъ столбъ, на столбѣ подписано три дороги: по одной дорогѣ ѣхать — самъ сытъ будешь, конь голоденъ; по другой дорогѣ ѣхать—конь сытъ, самъ голоденъ; по третей дорогѣ ѣхать—самого убьютъ. Вотъ онъ взялъ да и поѣхалъ по этой дорогѣ, по которой самого убьютъ; а онъ на себя надѣялся. Долго ли, мало ли ѣхалъ лѣсами дремучими: не можно взглянуть — такой лѣсъ! а тутъ сдѣлалась въ лѣсу ела́нь [1]) такая широкая, а на ней стоитъ избушка. Подъѣзжаетъ онъ къ избушкѣ и говоритъ: «избушка, избушка! стань къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ.» Избушка поворотилася, стала къ лѣсу задомъ, къ нему передомъ. Слѣзаетъ онъ съ добраго коня и привязываетъ его къ столбу. И услышала это баба-ега, и говоритъ: «кто такой невѣжа пріѣхалъ? Русскаго духу и дѣт(д)ъ мой и прадѣт(д)ъ не слыхали, а теперьча и сама русской духъ хочу очьми видѣть.» Вотъ взявши ударила она жезломъ по двери, и дверь отворилась. А у ней въ рукахъ коса кривая, и хочетъ она ею взять богатыря за шею и срѣзать ему голову. «Постой, баба-ега! говоритъ онъ, я съ тобой поправлюсь.» Взялъ у ней выдернулъ косу эту изъ рукъ, схватилъ её за волосы, ударилъ её, и говоритъ: «ты бы прежде спросила, какой я фамиліи, какого роду и какого поведенія, и куды ѣду.» Вотъ она и спрашиваетъ: «какой вы фамиліи, какого роду и куда ѣдете?» — Меня зовутъ Илья Иванычъ, а ѣду туда-то. «Пожалуйте, говоритъ, Илья Ивановичъ, ко мнѣ

---

1) Поляна въ лѣсу (Опытъ областн. великорус. словаря, стр. 54).

въ горницу. Вотъ онъ и пошолъ къ ней въ горницу; она сажаетъ его за столъ, ставитъ на столъ кушанья и напитки всякіе и пот(д)чиваетъ, а дѣвушку послала баньку топить для него. Вотъ покушалъ онъ и выпарился, перестоялъ у неё(я) сутки, и собирается опять въ путь-дорогу, куда надлежитъ. «Извольте, говоритъ баба-ега, я напишу письмо къ сестрицѣ, чтобы она васъ не тронула, а приняла бы съ честью съ хорошею... А то она васъ убьетъ, какъ завидитъ!» Отдаётъ ему письмо и провожаетъ его съ честью доброю, хорошею. Вотъ садится богатырь на добраго коня, и поѣхалъ лѣсами дремучими; ѣхалъ много ли, мало ли: не можно взглянуть — такой лѣсъ! и пріѣзжаетъ на ела́нь — такая широкая ела́нь, а на ней стоитъ избушка наслана. Подъѣзжаетъ онъ къ избушкѣ и слѣзаетъ съ добра̀ коня, и привязываетъ своего добра коня къ столбу. Услышала это бабаега, что онъ привязываетъ къ столбу коня, и закричала: «что такое? Русскаго духу и дѣт(д)ъ мой, и прадѣт(д)ъ не слыхали, а теперьча и сама русской духъ очьми хочу видѣть.» Вотъ она ударила жезломъ по двери; дверь отворилася. И хватаетъ она его саблею по шеи; онъ и говоритъ: «ты не моги со мною барахтаться! вотъ тебѣ письмо сестрица прислала.» Она прочитала и принимаетъ его честью къ себѣ въ домъ: «пожалуйте ко мнѣ въ гости!» Идетъ Илья Ивановичъ. Она сажаетъ его за столъ, и становитъ на столъ кушанья всякія, напитки и наѣдки [1]), пот(д)чиваетъ, а сама послала дѣвушку топить для него баньку. Покушавши, пошолъ выпарился въ банѣ. Двое сутокъ онъ у ней перестоялъ, самъ отдохнулъ, и доброй конь его отдохнулъ. Сталъ на добра коня садиться, и провожаетъ она его съ честью: «ну, Илья Иванычъ, говоритъ, теперича тебѣ не проѣхать; тутъ Соловей-

---

1) Сласти.

разбойникъ ждётъ, на семи дубахъ у него гнѣздо свито, онъ не допуститъ на тридесятъ верстъ—свистомъ оглушитъ!»

Вотъ онъ ѣхалъ долго ли, мало ли, подъѣзжаетъ къ тому мѣсту, что послышалъ свистъ отъ Соловья-разбойника, и какъ до половины дороги доѣхалъ, конь его спотыкнулся. Вотъ онъ и говоритъ: «не спотыкайся, добрый конь! ужь послужи мнѣ.» Подъѣзжаетъ къ Соловью-разбойнику, онъ всё свищетъ. Подъѣхавши къ гнѣзду, взялъ стрѣлу, нате(я)нулъ и пустилъ въ него — и упалъ Соловей съ гнѣзда. Вотъ онъ его на землѣ и ударилъ однова [1], чтобы не до смерти убить, и посадилъ къ себѣ въ корока [2] на сѣдло, и ѣдетъ къ дворцу. Видятъ его изъ дворца и говорятъ: «Соловей-разбойникъ везётъ кого-то въ корокахъ!» Подъѣзжаетъ богатырь ко дворцу и подаетъ бумагу. Подали королю отъ него бумагу; тотъ прочиталъ и приказалъ его впустить. Вотъ и говоритъ король Ильѣ Иванычу: «велите Соловью-разбойнику засвистать.» А Соловей-разбойникъ говоритъ: «вы бы накормили и напоили Соловья-разбойничка; у меня уста запеклися.» Вотъ и принесли ему винца, а онъ говоритъ: «что мнѣ штофикъ! вы бы бочоночикъ принесли мнѣ порядочный.» Принесли ему бочонокъ вина, вылили въ ведро. Онъ выпилъ заразъ и говоритъ: «еще бы Соловью-разбойничку двѣ ведёрочки, такъ выпилъ бы!»—да ужь не дали ему. И проситъ король: «Ну, прикажи, говоритъ, ему засвистать.» Илья велѣлъ ему засвистать, а короля и всю его фамилію [3] поставилъ къ себѣ подъ руки, подъ мышки: «а то (говоритъ) онъ оглушитъ васъ!» Какъ засвисталъ Соловей-разбойникъ, насилу остановилъ его Илья Иванычъ, ударилъ его жезломъ—онъ и пересталъ свистать, а то было попадали всѣ!

---

1) Одинъ разъ (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 138). 2) Торока — мѣшокъ, сума за сѣдломъ (ibidem, стр. 230). 3) Семью.

Вотъ и говоритъ король Ильѣ Иванычу: «послужишь ты мнѣ вотъ эдакую службу, какъ я стану тебя просить? къ моей дочери вотъ ли(е)таетъ змѣй о двѣнадцати головъ; какъ бы его убить?»—Извольте, ваше королевское величество! что для васъ угодно—всё сдѣлаю. «Пожалуста, Илья Ивановичъ; вотъ въ такомъ-то часу прили(е)титъ змѣй къ моей дочери, такъ постарайся!» — Извольте, ваше королевское величество!... Лежитъ королевна въ своей комнатѣ; въ двѣнадцать часовъ и летитъ къ ней змѣй. Вотъ и стали они драться: какъ ни ударитъ Илья, такъ съ змѣя голова долой; какъ ни ударитъ, голова долой! Дрались много ли, мало ли время, осталась одна голова; и послѣднюю голову съ него сшибъ: ударилъ жезломъ и разшибъ её всю. Радёхонька же королевна встала, пришла къ нему и его благодарила; доложила отцу съ матерью, что убитъ змѣй: всѣ де головы посбивалъ! Король и говоритъ: «благодарю тебя; изволь послужить сколько-нибудь у меня.»— Нѣтъ, говоритъ, я поѣду въ свое государство. Отпустилъ его король отъ себя съ честью хорошею. Вотъ онъ и поѣхалъ опять тою-же дорогою. Какъ пріѣхалъ къ первой бабѣ-егѣ ночевать, приняла она его съ честію; и къ другой пріѣхалъ, и та приняла его съ честью со всякою. Пріѣхалъ въ свое государство, и подалъ государю отъ того короля бумагу. И государь принялъ его съ честію, а дочь государева насилу дождалася: «ну тятинька, извольте, я за него замужъ пойду.» Отецъ съ ней воли не снялъ: «ну, коли угодно, такъ поди!» Обвѣнчалися и топерича живутъ.

(Сообщена П. В. Кирѣевскимъ.)

12.

СЕМЬ СИМЕОНОВЪ [1]).

Жилъ-былъ мужикъ со старухой среди поля. Пришелъ часъ: мужикъ Богу душу отдалъ; а старуха, погодя немного мѣста, родила семь близнецовъ-однобрюшниковъ, что̀ по прозванію семь Симеоновъ. Вотъ они ростутъ, да ростутъ, всѣ одинъ въ одного и лицемъ, и статьями, и каждое утро выходятъ пахать землю всѣ семеро. Случилось такъ, что тою стороной ѣхалъ царь; видитъ съ дороги, что далеко въ полѣ пашутъ землю никакъ барщиной — такъ много народу! — а ему вѣдомо, что въ той сторонѣ не причитается барской земли. Вотъ посылаетъ царь своего конюшаго узнать, что за̀ люди такіе пашутъ, какого роду и званія? барскіе или царскіе, дворовые ли какіе или наемные? Приходитъ къ нимъ конюшій, спрашиваетъ: «что вы за̀ люди такіе есть, какого роду и званія?» Отвѣчаютъ ему: «а мы такіе люди, что мать родила насъ семь Симеоновъ-однобрюшниковъ, а пашемъ мы землю отцову и дѣдину.» И разсказываетъ, воротясь, конюшій царю все, какъ слышалъ. Удивляется царь. «Такого чуда не слыхивалъ я!» говоритъ онъ, и тутъ-же посылаетъ сказать семи Симеонамъ-однобрюшникамъ, что онъ ждетъ ихъ къ себѣ въ теремъ на услуги и посылки.

Собрались всѣ семеро и приходятъ въ царскія палаты, становятся въ рядъ. «Ну, говоритъ царь, отвѣчайте: х(к)ъ какому мастерству кто способенъ, какого ремесла кто придерживается?» Выходитъ старшій: «я, говоритъ, могу сковать желѣзный столбъ сажо́нъ въ двадцать вышиною.» — А я, говоритъ

---

1) См. выпускъ 2, № 26.

второй, могу уставить его въ землю.—А я, говоритъ третій, могу взлѣсть на него и осмотрѣть кругомъ далёко, далёко, все, что по бѣлому свѣту творится. —А я, говоритъ четвертый, могу срубить корабль, что ходитъ пó морю, какъ пó суху. — А я, говоритъ пятый, могу торговать разными товарами по чужимъ землямъ. — А я, говоритъ шестой, могу съ кораблемъ, людьми и товарами нырнуть въ море, плавать подъ водою, и далѣ вынурнуть опять, гдѣ надо.—А я—воръ, говоритъ седьмой; могу украсть, что приглядится иль полюбится. «Такого ремесла я не терплю въ своемъ царствѣ-государствѣ, отвѣчалъ сердито царь послѣднему, седьмому Симеону, и даю тебѣ три дни сроку выбираться изъ моей земли, куда тебѣ любо; а всѣмъ другимъ шестерымъ Симеонамъ приказываю остаться здѣсь.» Пригорюнился седьмой Симеонъ, заслышавъ рѣчи царскія; не знаетъ, какъ ему быть и что дѣлать. Въ то время царю была пó сердцу красавица-царевна, что живетъ за горами, за морями, и никакъ не могъ онъ достать её, чтобъ оженитъся. Вотъ бояре, воеводы царскіе, и вспомнили, что воръ, молъ, пригодится, и можетъ быть съумѣетъ похитить чудную царевну, и стали они просить царя оставить вора Симеона до поры, до времени. Подумалъ царь и приказалъ его оставить.

Вотъ на другой день царь собралъ бояръ своихъ и воеводъ и весь народъ, приказываетъ семи Симеонамъ показать свои ремесла. Старшій Симеонъ, не долго мѣшкая, сковалъ желѣзный столбъ въ двадцать сажȯнъ вышиною. Царь приказываетъ своимъ людямъ уставить желѣзный столбъ въ землю; но какъ ни бился народъ, не могъ его уставить. Тогда приказалъ царь второму Симеону уставить желѣзный столбъ въ землю. Симеонъ второй, не долго думая, поднялъ и уперъ столбъ въ землю. Затѣмъ Симеонъ третій взлѣзъ на этотъ столбъ, сѣлъ на маковку и сталъ глядѣть кругомъ далече, какъ и что творится

по бѣлу свѣту; и видитъ синія моря, на нихъ какъ пятна мрѣютъ корабли, видитъ села, города, народа тьму; но не примѣчаетъ той чудной царевны, что полюбилась царю [1]). И сталъ пуще глядѣть во всѣ виды, и вдругъ запримѣтилъ: у окна въ далекомъ теремѣ сидитъ красавица-царевна, румяна, бѣлолица и тонкокожа, ажъ видно — какъ мозги переливаются по косточкамъ [2]). «Видишь?» кричитъ ему царь. — Вижу. «Слѣзай же поскорѣе внизъ и доставай царевну, какъ тамъ знаешь, чтобъ была мнѣ во что бы ни стало!» Собрались всѣ семеро Симеоновъ, срубили корабль, нагрузили его всякимъ товаромъ и гостьми, и всѣ вмѣстѣ поплыли моремъ доставать царевну по-за сизыми горами, по-за синими морями. Ѣдутъ, ѣдутъ между небомъ и землей, пристаютъ къ невѣдомому острову у пристани. А Симеонъ меньшой взялъ съ собою въ путь сибирскаго кота ученаго, что можетъ по цѣпу [3]) ходить, вещи подавать, разны нѣмецки штуки выкидать. И вышелъ воръ-Симеонъ съ своимъ котомъ, съ сибирскимъ, идетъ по острову, а товарищей-ребятъ проситъ не выходить на землю, пока онъ самъ не прійдетъ назадъ. Идетъ по острову, приходитъ въ городъ, и на площади предъ царевниными теремомъ забавляется съ котомъ ученымъ, съ сибирскимъ: приказываетъ ему вещи подавать, черезъ плетку скакать, нѣмецкія штуки выкидать. На ту пору царевна сидѣла у окна и завидѣла невѣдомаго звѣря, какого у нихъ нѣтъ и не водилось отродясь. Тотчасъ же посылаетъ прислужницу свою узнать, что̀ за звѣрь такой, и продажной али нѣтъ? Слушаетъ воръ-Симеонъ красную молодку, царевнину прислужницу, и говоритъ: «звѣрь мой — котъ сибирской; а продавать — не продаю ни за какія деньги, а коли крѣпко кому онъ полюбится, тому подаритъ

---

1) Въ подлинномъ спискѣ читаемъ: «что повредила царя». 2) Или: какъ мозжечокъ изъ косточки въ косточку переливается. 3) По цѣпи.

— подарю.» Такъ и разсказала прислужница своей царевнѣ. а царевна снова подсылаетъ свою молодку къ Симеону-вору: «крѣпко, молъ, звѣрь твой полюбился!» Пошелъ Симеонъ во теремъ царевнинъ и принесъ ей въ даръ кота своего сибирскаго; проситъ только за это — пожить въ ея теремѣ три дни и покушать царскаго хлѣба-соли, да еще прибавляетъ: «научитъ тебя, прекрасная царевна, какъ играться и забавляться съ невѣдомымъ звѣремъ, съ сибирскимъ котомъ.» Царевна позволила, и воръ-Симеонъ остался ночевать въ царскомъ теремѣ. Пошла вѣсть по палатамъ, что у царевны завелся дивный, невѣдомый звѣрь; собрались всѣ: и царь, и царица и царевичи, и царевны, и бояре, и воеводы, всѣ глядятъ, любуются — не налюбуются на веселаго звѣря, ученаго кота. Всѣ желаютъ достать и себѣ такого и просятъ царевну; но царевна не слушаетъ никого, не даритъ никому своего сибирскаго кота, гладитъ его по шерсти шелковой, забавляется съ нимъ день и ночь, а Симеона приказываетъ поить и угощать въ волю, чтобъ ему было хорошо. Благодаритъ Симеонъ за хлѣбъ-соль, за угощенье и за ласки, и на третій день проситъ царевну пожаловать къ нему на корабль, поглядѣть на устройство его и на разныхъ звѣрей виданныхъ и невиданныхъ, вѣдомыхъ и невѣдомыхъ, что привезъ онъ съ собою. Царевна успросилась у батюшки-царя, и вечеркомъ съ прислужницами и няньками пошла смотрѣть корабль Симеона и звѣрей его виданныхъ и невиданныхъ, вѣдомыхъ и невѣдомыхъ. Приходитъ; у берега поджидаетъ её Симеонъ меньшой, и проситъ царевну не прогнѣваться и оставить на землѣ нянекъ и прислужницъ, а самой пожаловать на корабль: «тамъ де много звѣрей разныхъ и красивыхъ; какой тебѣ полюбится, тотъ и твой! а всѣхъ одарить, кому что полюбится — и нянекъ, и прислужницъ — не могимъ.» Царевна согласна, и приказываетъ нянькамъ да прислужницамъ подождать её на берегу,

а сама идётъ за Симеономъ на корабль глядѣть дива дивныя, звѣрей чудныхъ. Какъ взошла — корабль и отплылъ, и пошелъ гулять по синему морю. Царь ждетъ — не дождется царевны. Приходятъ няньки и прислужницы, плачутся, разсказывая свое горе. И распалился гнѣвомъ царь, приказываетъ сейчасъ же устроить погоню. Снарадили корабль, натѣснили народу, и погнался царской корабль за царевной. Чуть зрѣетъ далече — плыветъ корабль Симеоновъ, и не вѣдаетъ, что за нимъ царская погоня летитъ — не плыветъ! Вотъ ужь близко! Какъ увидали семь Симеоновъ, что погоня ужь близко, вотъ-вотъ догонитъ! — нырнули и съ царевной, и съ кораблемъ. Долго плыли подъ водою и поднялись наверхъ тогда, какъ близко стало до родной земли. А царская погоня плавала три дня, три ночи, ничего не нашла; съ тѣмъ и возвратилась.

Пріѣзжаютъ семь Симеоновъ съ прекрасной царевной домой, глядь — на берегу высыпало народу, что гороху, премногое множество! Самъ царь поджидаетъ у пристани, и встрѣчаетъ гостей заморскихъ, семерыхъ Симеоновъ съ прекрасной царевной, съ радостью великою. Какъ сошли они на берегъ, народъ сталъ кричать и шумѣть; а царь поцѣловалъ царевну во уста сахарныя, повелъ во палаты бѣлокаменныя, посадилъ за столы дубовые, скатерти браныя, угостилъ всякими напитками медовыми и наѣдками сахарными, и въ скорости отпраздновалъ свадьбу съ душею-царевной — и было веселье и большой пиръ, что на весь крещеный міръ! А семи Симеонамъ далъ волю по всему царству-государству жить да поживать привольно, торговать безпошлинно, владѣть землей жалованной безобидно; всякими ласками обласкалъ и домой отпустилъ съ казной на разживу.

Была и у меня клячонка-восковыя плечонки, плеточка гороховая. Вижу: горитъ у мужика овинъ; клячонку я поста-

вилъ, пошелъ овинъ заливать. Покуда овинъ заливалъ, клячо̀нка растаяла, плеточку вороны расклевали. Торговалъ кирпичемъ, остался не при чемъ; былъ у меня шлыкъ, подъ воротню шмыгъ, да калешку [1] сшибъ, и таперя больно. Тѣмъ и сказкѣ конецъ! [2].

(Записана въ тверской губерніи, новоторжскомъ уѣздѣ, г. Петромъ Сокальскимъ.)

13.

КОСОРУЧКА.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ, жилъ купецъ богатый; у него двое дѣтей, сынъ и дочь. И померли отецъ съ матерью. Братецъ и говоритъ сестрицѣ: «пойдемъ, сестрица, съ эстого города вонъ; вотъ я займусь въ лавочкѣ — будемъ торговать, тебѣ найму фатерку [3] — будешь жить.» Ну вотъ они пошли въ другую губерню. Пришли въ другу губерню. Вотъ братъ опредѣлился, нанялъ лавочку съ краснымъ товаромъ. Вздумалось братцу жениться; вотъ онъ женился, взялъ таку себѣ жену — волшебницу. Собратся братъ въ лавочку торговать и приказыватъ сестрицѣ: «смотри,

---

1) Ногу (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 78: ка̀льги).

2) *Варіантъ:* А я тамъ была, да медъ пила, по усамъ текло, а въ ротъ не попало. Дали мнѣ шлыкъ, да въ подворотню меня шмыркъ; дали мнѣ колпакъ, да и ну меня толкать; дали мнѣ щуку на серебреномъ блюдѣ, я — щупать щупать! Анъ ни щуки, ни блюда и донынѣ нѣтъ! Дали мнѣ гороховую плетку и восчаную лошадку; я стала смотрѣть, анъ лошадка растаяла, а плетку воробьи расклевали! и до сихъ поръ пѣшкомъ хожу. Дали мнѣ синiй сарафанъ да красные коты́; летитъ синица и кричитъ: «синь да хорошъ!» а я думала: скинь да положь! — взяла да и скинула. Дали мнѣ кузовъ, а я и ну гузать! (медлить). 3) Квартиру.

сестрица, въ домѣ.» Женѣ ненавистно стало, что онъ приказыватъ сестрѣ. Только она отрафила [1]) — какъ мужу возвратиться, взяла перебила всю небель [2]), и ожидаетъ мужа. Она встрѣчаетъ его и говоритъ: «вотъ какая у тебя сестра, перебила у насъ въ кладовой всю небель!» — Что же, это наживное дѣло, отвѣчаетъ мужъ.

Вотъ на другой день отправляется въ лавку, прощается съ женою и сестрой, и приказыватъ сестрѣ: «смотри, сестрица, пожаласта, въ домѣ какъ можно лучше.» Вотъ жена это узнала время, въ какое быть мужу, входитъ въ конюшню и мужнинову любимому коню голову снесла саблей. Стоитъ на крыльцѣ и ждетъ его. «Вотъ, говоритъ, какая сестра твоя! любимому коню твоему, говоритъ, голову снесла!» — Эхъ, собачье собакамъ ѣсть, отвѣчаетъ мужъ.

На третій день опять идетъ мужъ въ лавки, прощается и говоритъ сестрѣ: «смотри, пожаласта, за хозяйкой, чтобъ она сама надъ собой что не сдѣлала, али надъ младенцемъ, паче чаянія она родитъ.» Она какъ родила младенца, взяла и голову срубила. Сидитъ и плачетъ надъ младенцемъ. Вотъ приходитъ это мужъ. «Вотъ кака̀ твоя сестрица! не успѣла я родить младенца, она взяла и саблей ему голову снесла.» Вотъ мужъ ничего не сказалъ, залился слезьми и пошолъ отъ нихъ прочь.

Приходитъ ночь. Въ самую полночь онъ подымается и говоритъ: «сестрица милая! собирайся, поѣдимъ мы съ тобой къ обѣдни.» Она и говоритъ: «братецъ родимой! нынче, кажется, праздника никакого нѣтъ.»—Нѣтъ, сестрица, есть праздникъ, поѣдимъ. «Еще рано, говоритъ, намъ ѣхать, братецъ!»—Нѣтъ. ваше (дѣло) дѣвичье, скоро ли, говоритъ, вы уберетесь! Сестрица милая стала убираться; убирается не убирается она, руки

---

1) Потрафила. 2) Мебель.

у ней всё отваливаются. Подходитъ братецъ и говоритъ: «ну, проворнѣй, сестрица, одѣвайся. — Вотъ, говоритъ, еще рано, братецъ! «Нѣтъ, сестрица, не рано — время.» Собралась сестрица. Сѣли и поѣхали къ обѣднѣ. Ѣхали долго ли, не мало; подъѣзжаютъ къ лѣсу. Сестра говоритъ: «что это за лѣсъ?» Онъ отвѣчаетъ: «это ограда вокругъ церкви.» Вотъ за кустикъ зацѣпились дрожечки. Братецъ говоритъ: «встань, сестрица, отцѣпи дрожечки.» — Ахъ, братецъ мой милый, я не могу, я платье замараю. «Я, сестрица, тебѣ новое платье куплю, лучше этого.» Вотъ она встала съ дрожекъ, стала отцѣпливать, — братецъ ей по локоть ручки отрубилъ, самъ вдарилъ по лошади и уѣхалъ отъ неё. Осталась сестрица, залилась слезьми и пошла по лѣсу. Вотъ она сколько ни шла, долго ли, коротко ли ходила по лѣсу, вся ощипалась, а слѣду не найдётъ, какъ выйти изъ лѣсу. Вотъ тропиночка вышла и вывела её изъ лѣсу уже чрезъ нѣсколько годовъ. Вышла она съ эстого лѣсу и приходитъ въ купеческій городъ, и подходитъ къ богатищему купцу подъ окна милостину просить. Въ-у этого купца сынъ былъ, единый какъ глазъ во лбу, и влюбился онъ въ нищенку. Говоритъ: «папенька съ маменькой, жените мене(я).» — На кого же тебе женить? «На этой нищенкѣ.» — Ахъ, другъ мой, развѣ въ городѣ у купцовъ нѣтъ дочерей хорошихъ? «Да жените; ежели вы мене не жените, я что-нибудь, говоритъ, надъ собой сдѣлаю.» Вотъ имъ это обидно, что̀ одинъ сынъ какъ глазъ во лбу; собрали всѣхъ купцовъ, все священство, и спрашиваютъ: что присудятъ, женить ли на нищенкѣ, или нѣтъ? Вотъ священники сказали: «стало его судьба такая, что его Богъ благословляетъ на нищенкѣ жениться.»

Вотъ онъ съ нею пожилъ годъ и другой, и отправляется въ другую губерню, гдѣ её(я) братъ, значитъ сидитъ въ лавочкѣ. Вотъ онъ прощается и про́ситъ: «папенька съ маменъ-

кой! не оставьте вы мою жену; не равнѝ она родить, вы пишите ко мнѣ тотъ разъ и тотъ часъ.» Какъ уѣхалъ сынъ, такъ чрезъ два-ли, чрезъ три-ли мѣсяца жена его родила: по локти въ золотѣ, по бокамъ часты̀ звѣзды, во лбу свѣтёлъ мѣсяцъ, противъ сердца красно солнце. Какъ отецъ съ матерью обрадовались, такъ тотчасъ сыну своему любимому письмо стали писать. Посылаютъ старичка съ запиской съ вестою поскоряючи. А невѣстка ужь, значить, узнала объ этомъ, зазываетъ старичка: «поди, батюшка, сюда, отдохни.» — Нѣтъ, мнѣ некогда, на скорую руку посылаютъ. «Да поди, батюшка, отдохни, пообѣдаешь.» Вотъ посадила его обѣдать, а сумочку его унесла, вынула записочку, прочитала, изорвала её на мелкія клочьи, и написала другую: что твоя, говоритъ, жена родила — половина собачьяго, половина вѣдмежачьяго [1]; прижила въ лѣсу съ звѣрями. Приходитъ старичокъ къ купеческому сыну, подаетъ записку; онъ прочиталъ, да слезьми и залился. Написалъ письмо, что до мово пріѣзду не трогать; самъ пріѣду и узнаю, какой младенецъ народился. Вотъ, потомъ это волшебница опять зазываетъ старичка: «поди посиди, отдохни», говоритъ. Вотъ онъ зашолъ, она кой-какъ опять заговорила его, вытащила у него записку, прочитала, изорвала, и написала, что какъ записка на дворъ, такъ чтобъ ее долой со двора согнать. Принесъ старикъ эту записочку; прочитали и огорчились отецъ и мать: «чтожъ это, говорятъ, онъ насъ въ изъянъ ввелъ? женили мы его, стало ему жена ненадобна стала!» Жаль имъ не такъ жену, какъ жаль младенца. Взяли благословили ее и младенца, привязали младенца къ её грудямъ, и отпустили со двора.

---

1) Медвѣжьяго.

Вотъ она пошла, залилась горькими слезьми, шла долго ли, коротко ли—всё чистое поле, нѣтъ ни лѣсу, ни деревни нигдѣ. Подходитъ она къ лощинѣ, и такъ ей напиться захотѣлось. Глянула въ правую сторону — стоитъ колодезь. Вотъ ей напиться-то хочется, а наклониться боится, чтобъ не уронить робенка. Вотъ поглазилось [1] ей, что будто бы вода ближе стала. Она наклонилась, робенокъ и выпалъ, и упалъ въ колодезь. И ходитъ она вкругъ колодезя и плачетъ: какъ младенца достать изъ воды? Подходитъ старичокъ и говоритъ: «что ты, раба, плачешь?» — Какъ мнѣ не плакать! я наклонилась къ колодцу воды напиться, младенецъ мой упалъ въ воду. «Поди нагнись, возьми его.» — Нѣтъ, батюшка, у меня рукъ нѣтъ — одни локоточки. «Да поди нагнись, возьми робенка!» Вотъ она подошла къ колодезю, стала протягивать руки, ей Господь и пожаловалъ — очутились цѣлыя руки. Она нагнулась; достала робенка и стала Богу молиться на всѣ четыре стороны.

Помолилась Богу, пошла и пришла ко двору, гдѣ её братъ и мужъ, и просится ночевать. Вотъ мужъ говоритъ: «братъ, пусти нищенку; нищенки умѣютъ и сказки, и приказки, и правды умѣютъ сказывать.» Вотъ невѣстка говоритъ: «у насъ негдѣ ночевать, тѣсно!» — Нѣтъ, братъ, пусти пожаласта; смерть люблю, какъ нищенки сказываютъ сказки и приказки! Вотъ пустили ее. Она и сѣла на печку съ младенцемъ своимъ. Мужъ и говоритъ: «ну, душенька, скажи-ка намъ сказочку.... ну, хоть какую стбрьицу [2] скажи.» Она и говоритъ: «сказки я не умѣю сказывать и приказки, а умѣю правду сказывать. Слушайте, говоритъ, господа! какъ я вамъ буду правду сказывать» — и начала разсказывать: «въ нѣкоторомъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ, жилъ купецъ богатый; у него двое

---

1) Почудилось, показалось. 2) Исторьицу.

дѣтей, сынъ и дочь. И померли отецъ съ матерью. Братецъ и говорить сестрицѣ: пойдемъ, сестрица, съ вэтого города. И пришли они въ другу губерню. Братъ опредѣлился, нанялъ лавочку съ краснымъ товаромъ. Вотъ вздумалось ему жениться; онъ женился — взялъ себѣ жену волшебницу...» Тутъ невѣстка заворчала: «вотъ пошла вякать [1]), б.... этакая!» А мужъ говорить: «сказывай, сказывай, матушка; смерть люблю такія стӧріи!» — «Вотъ, говорить нищенка, собиратся братъ въ лавочку торговать и приказываетъ сестрицѣ: смотри, сестрица, въ домѣ! Жена обижается, что онъ всё сестрѣ приказыватъ; вотъ она по злости всю небель переколотила...» И какъ она всё разсказала, какъ онъ [2]) её къ обѣдни повёзъ ручки отрѣзалъ, какъ она родила, какъ невѣстка заманӯла [3]) старичка,—невѣстка наизнова кричить: «вотъ, начала чуху [4]) городить!» Мужъ говорить: «братъ, вели своей женѣ замолчать; вѣдь стӧрія-то славная!» Вотъ она досказала, какъ мужъ писалъ, чтобъ оставить робенка до пріѣзда; а невѣстка ворчить: «вотъ чушь какую пӧрить!» Вотъ она досказала, какъ она пришла къ дому этому; а невѣстка заворчала: «вотъ, б...., начала орать!» Мужъ говорить: «братъ, вели ей замолчать; что она всё перебиваить?» Вотъ досказала, какъ её пустили въ избу и какъ начала она имъ правды сказывать... Тутъ она указываетъ на нихъ и говорить: «вотъ мой мужъ, вотъ мой братъ, а эта моя невѣстка!» Тутъ мужъ вскочилъ къ ней на печку, и говорить: «ну, мой другъ, покажи же мнѣ младенца, правду ли писали отецъ и мать.» Взяли робеночка, развили [5])—такъ всю комнату и освѧ(ѣ)тило! «Вотъ правда-истина, что не сказки-то говорила: вотъ моя жена,

---

1) Надоѣдать разсказами, болтать пустяки (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 34). 2) Т. е. братъ. 3) Заманила, зазвала. 4) Вздоръ, пустяки. 5) Т. е. сняли свивальникъ и пеленки.

вотъ мой сынъ — по локти въ золотѣ, по бокамъ часты звѣзды, во лбу свѣтёлъ мѣсяцъ, а противъ сердца красно солнце!»

Вотъ братъ взялъ изъ конюшни самую что̀ ни лучшую кобылицу, привязалъ къ хвосту жену свою, и пустилъ её по чисту̀ полю. Потѐль [1] она её мыкала, покель принесла одну косу её, а самоё растрепала по полю. — Тогда запрягли тройку лошадей и поѣхали домой къ отцу, къ матери; стали жить да поживать, добра наживать; я тамъ была, и мёдъ-вино пила, по усамъ текло и въ ротъ не попало.

(Записана К. О. Александровымъ-Дольникомъ со словъ женщины ливенскаго уѣзда, орловской губерніи [2]).

14.

СКАЗКА О ЛИХѢ ОДНОГЛАЗОМЪ.

Жилъ одинъ кузнецъ. «Что, говоритъ, я горя никакого не видалъ. Говорятъ: лихо на свѣтѣ есть; пойду, поищу себѣ лихо.» Взялъ и пошелъ, выпилъ хорошенько и пошелъ искать лихо. На встрѣчу ему портной. «Здравствуй!» — Здравствуй. «Куда идешь?» — Что, братъ, всѣ говорятъ: лихо на свѣтѣ есть; я никакого лиха не видалъ, иду искать. «Пойдемъ вмѣстѣ. И я хорошо живу и не видалъ лиха; пойдемъ, поищемъ.» Вотъ они шли, шли; зашли въ лѣсъ, въ гу̀стый, темный, нашли маленькую дорожку, пошли по ней —

1) До тѣхъ поръ; покель—пока. 2) За сообщеніе этой сказки и слѣдующей приношу мою благодарность Н. И. Второву. Имъ же доставлены и разсказы, напечатанные подъ №№ 23 (a и b) и 24.

по узенькой дорожкѣ. Шли, шли по этой дорожкѣ, видятъ: изба стоитъ большая. Ночь; некуда идти. «Сёмъ, говорятъ зайдемъ въ эту избу.» Вошли; никого тамъ нѣту, пусто, нехорошо. Сѣли себѣ и сидятъ. Вотъ и идетъ высокая женщина, худощавая, кривая, одноокая. «А! говоритъ, у меня гости. Здравствуйте.» — Здравствуй, бабушка! мы пришли ночевать къ тебѣ. «Ну хорошо; будетъ что̀ поужинать мнѣ!» Они перепугались. Вотъ она пошла, беремя дровъ большое принесла; принесла беремя дровъ, поклала въ печку, затопила. Подошла къ нимъ, взяла одного, портнаго, и зарѣзала, посадила въ печку и убрала. Кузнецъ сидитъ и думаетъ: что дѣлать, какъ быть? Она взяла-поужинала. Кузнецъ смотритъ въ печку и говоритъ: «Бабушка, я кузнецъ. — Что умѣешь дѣлать-ковать? «Да я все умѣю.» — Скуй мнѣ глазъ. «Хорошо, говоритъ; да есть ли у тебя веревка? Надо тебя связать, а то ты не дашься; я бы тебѣ вковалъ глазъ.» Она пошла, принесла двѣ веревки, одну потоньше, а другую толще. Вотъ онъ связалъ ее одною, которая была потоньше. «Ну-ка, бабушка, повернися!» Она повернулась и разорвала веревку. «Ну, говоритъ, нѣтъ, бабушка! эта не годится.» Взялъ онъ толстую веревку да этою веревкою скрутилъ ее хорошенько: «повернись-ка, бабушка!» Вотъ она повернулась — не порвала. Вотъ онъ взялъ шило, разжогъ его, наставилъ на глазъ-то ей, на здоровый, взялъ топоръ да обухомъ какъ вдаритъ по шилу. Она какъ повернется и разорвала веревку, да и сѣла на порогѣ. «А, злодѣй, теперича не уйдешь отъ меня!» Онъ видитъ, что опять лихо ему; сидитъ, думаетъ: что дѣлать? Потомъ пришли съ поля овцы; она загнала овецъ въ свою избу ночевать. Вотъ кузнецъ ночевалъ ночь. Поутру стала она овецъ выпускать. Онъ взялъ шубу да вывернулъ шерстью вверхъ, да въ рукава-то надѣлъ и подползъ къ ней какъ овечка. Она все по одной

выпускала; какъ хватитъ за спинку, такъ и выкинетъ ее. И онъ подползъ; она и его хватила за спинку и выкинула. Выкинула его, онъ всталъ и говоритъ: «прощай, Лихо! натерпѣлся я отъ тебя лиха; теперь ничего не сдѣлаешь.» Она говоритъ· «постой, еще натерпишься, ты не ушелъ!»

И пошелъ кузнецъ опять въ лѣсъ по узенькой тропинкѣ. Смотритъ: въ деревѣ топорикъ съ золотой ручкой; захотѣлъ себѣ взять. Вотъ онъ взялся за этотъ топорикъ, рука и пристала къ нему. Что дѣлать? никакъ не оторвешь. Оглянулся назадъ: идетъ къ нему Лихо и кричитъ: «вотъ ты, злодѣй, и не ушелъ!» Кузнецъ вынулъ ножичекъ, въ карманѣ у него былъ, и давай эту руку пилить; отрѣзалъ ее и ушелъ. Пришелъ въ свою деревню и началъ показывать руку, что теперь видѣлъ Лихо. «Вотъ говоритъ, посмотрите — каково оно: я, говоритъ, безъ руки, а товарища моего совсѣмъ съѣла.» Тутъ и сказкѣ конецъ.

(Записана въ воронежской губерніи, въ нижнедѣвицкомъ уѣздѣ, Н. И. Второвымъ.)

15.

СПИСОКЪ СЪ СУДНАГО ДѢЛА СЛОВО ВЪ СЛОВО, КАКЪ БЫЛЪ СУДЪ У ЛЕЩА СЪ ЕРШОМЪ.

«Рыбамъ господамъ: великому Осетру и Бѣлугѣ, Бѣлойрыбицѣ, бьетъ челомъ Ростовскаго озера сынчишко боярской Лещъ съ товарищи. Жалоба, господа, намъ на злаго человѣка на Ерша Щетинника и на ябедника. Въ прошлыхъ, господа, годѣхъ было Ростовское озеро за нами; а тотъ Ершъ злой человѣкъ Щетинникъ(овъ) наслѣдникъ лишилъ

насъ Ростовскаго озера, нашихъ старыхъ жировъ [1]); расплодился тотъ Ершъ по рѣкамъ и по озерамъ; онъ собою малъ, а щетины у него, аки лютыя рох(г)атины, и онъ свидится съ нами на стану — и тѣми острыми своими щетками подкалываетъ наши бока и прокалываетъ намъ ребра, и суется по рѣкамъ и по озерамъ, аки бѣшеная собака, путь свой потерявъ. А мы, господа христіански! лукавствомъ жить не умѣемъ, а браниться и тягаться съ лихими людьми не хотимъ, а хотимъ быть оборонены вами праведными судьями.»

Судьи спрашивали отвѣтчика Ерша: «ты, Ершъ, истцу Лещу отвѣчаешь ли?» Отвѣтчикъ Ершъ рече: «отвѣчаю, господа! за себя и за товарищевъ своихъ въ томъ, что то Ростовское озеро было старина дѣдовъ нашихъ, а нынѣ наше, и онъ Лещъ жилъ у насъ въ сусѣдствѣ на днѣ озера, а на свѣтъ не выхаживалъ. А я, господа! Ершъ божіею милостію, отца своего благословеніемъ и матерними молитвами не смутщикъ, не воръ, не тать и не разбойникъ, въ приводѣ нигдѣ не бывалъ, воровскаго у меня ничего не вынимывали; человѣкъ я доброй, живу я своею силою, а не чужею; знаютъ меня на Москвѣ и въ иныхъ великихъ городахъ князи и бояря, стольники и дворяня, жильцы московскіе, дьяки и подъячіе и всякихъ чиновъ люди, и покупаютъ меня дорогою цѣною и варятъ меня съ перцомъ и съ шав(ф)раномъ и ставятъ предъ собою честно, и многіе добрые люди кушаютъ съ похмѣлья и кушавши поздравляютъ.»

Судьи спрашивали истца Леща: «ты, Лещъ, чѣмъ его уличаешь?» Истецъ Лещъ рече: «уличаю его божіею правдою да вами праведными судьями.» Судьи спрашивали истца Леща: «кому у тебя вѣдомо про Ростовское озеро и о рѣкахъ и о

---

1) Жи́ра, жи́рова — хорошее житье, довольство (Опытъ обл. великорусс. словаря, стр. 57).

востокахъ [1]), и на кого шлешься?» Истецъ Лещъ рече: «шлюся я, господа! изъ виноватыхъ [2]) на добрыхъ людей разныхъ городовъ и области(ей); есть, господа, человѣкъ доброй, живетъ въ нѣмецкой области подъ Иваномъ-городомъ въ рѣкѣ Нарвѣ, по имени рыба Сигъ, да другой, господа, человѣкъ доброй, живетъ въ новогородской области въ рѣкѣ Волховѣ, по имени рыба Лодуга.» Спрашивали отвѣтчика Ерша: «ты, Ершъ, шлешься ли на лещеву правду, на таковыхъ людей?» И отвѣтчикъ Ершъ рече: «слатися, господа, намъ на таковыхъ людей не умѣть: Сигъ и Лодуга люди богатые, животами прожиточны, а Лещъ такой же человѣкъ заводной—шлем(т)ся въ послушеству(о).» [3]) И судьи спрашивали отвѣтчика Ерша: «почему у тебя такіе люди недрузья и какая у тебя съ ними недружба?» Отвѣтчикъ Ершъ рече: «господа мои судьи! не дружбы у насъ съ ними никакой не было, а слатися на нихъ не смѣемъ, для того что Сигъ и Лодуга люди великіе, а Лещъ такой же человѣкъ заводной; они хотятъ насъ маломочныхъ людей испродать [4]) напрасно.»

Судьи спрашивали истца Леща: «еще кому у тебя вѣдомо Ростовское озеро и о рѣкахъ и о востокахъ, и на кого шлешься?» Истецъ Лещъ рече: «шлюсь я, господа! изъ виноватыхъ есть человѣкъ доброй, живетъ въ Переславскомъ озерѣ, рыба Сельдь.» Судьи спрашивали отвѣтчика Ерша: «ты, Ершъ, шлешься ли на лещевую правду?» Отвѣтчикъ же Ершъ рече: «Сигъ и Лодуга и Сельдь съ племяни [5]), а Лещъ такой же человѣкъ заводной; въ сусѣдствѣ имаются, гдѣ судятся — ѣдятъ и пьютъ вмѣстѣ, про насъ не молвятъ.»

И судьи послали пристава Окуня и велѣли взять съ собою въ понятыхъ Мня [6]), приказали взять въ правдѣ переславскую

---

1) Истокахъ. 2) Т. е. изъ прикосновенныхъ дѣлу, вѣдающихъ о дѣлѣ. 3) Ссылается на свидѣтельство. 4) Разорить тяжбою. 5) Тоже, что — «съ родни». 6) Налима.

Сельдь. Приставъ же Окунь емлетъ въ понятыхъ Миня, и Мень Окуню-приставу сулитъ посулы великіе, и рече: «господине Окуне! азъ не гожуся въ понятыхъ быть: брюхо у меня велико — ходить не смогу, а се глаза малы — далеко не вижу, а се губы толсты — передъ добрыми людьми говорить не умѣю.» Приставъ же Окунь емлетъ въ понятыхъ Головля и Е(я)зя. И Окунь поставленъ(вилъ) въ правдѣ переславскую Сельдь. И судьи спрашивали въ правдѣ у переславской Сельди: «Сельдь, скажи ты намъ про Леща и про Ерша и промежъ ими про Ростовское озеро.» Сельдь же рече въ правдѣ: «Леща съ товарищи знаютъ; Лещъ человѣкъ доброй, христіянинъ божій, живетъ своею, а не чужею (силою); а Ершъ, господа, злой человѣкъ Щетинникъ» [1].

.... знаешь ли его? Осетръ же рече: «азъ, господа [2], не въ правдѣ [3]) *мне* (и не) въ послушествѣ, а впрямь (скажу): слышалъ про того Ерша, что сварятъ его въ ухѣ, а столько не ѣдятъ, сколько расплюютъ. Да еще, господа, вамъ скажу божіею правдою о своей обидѣ: когда я шелъ изъ Волги рѣки къ Ростовскому озеру и къ рѣкамъ жировать, и онъ меня встрѣтилъ на устьѣ Ростовскаго озера и нарече мя братомъ; а я лукавства его не видалъ, а спрошать про него злаго человѣка никого не лучилось, и онъ меня вопроси: братецъ Осетръ, гдѣ идеши? И азъ ему повѣдалъ: иду къ Ростовскому озеру и къ рѣкамъ жировать. И рече ми Ершъ: братецъ Осетръ, когда азъ шелъ Волгою рѣкою, тогда азъ былъ толще тебя и дôлѣ (долѣе т. е. длиннѣе), бока мои терли у Волги рѣки береги(а), очи мои были аки полная чаша, хвостъ же

---

1) Здѣсь въ рукописи опущена ссылка Леща на новое свидѣтельство. Такимъ свидѣтелемъ выведенъ Осетръ; въ началѣ же сказки онъ поставленъ судьею: очевидная запутанность въ текстѣ рукописи. 2) Въ рукописи: «господа мы». 3) Т. е. не ради суда.

мой былъ аки большой судовой парусъ; а нынѣ, братецъ Осетръ, видишь ты и самъ, каковъ я сталъ скуденъ, иду изъ Ростовскаго озера. Азъ же, господа, слышавъ такое его прелес(т)ное [1] слово, и не пошелъ въ Ростовское озеро къ рѣкамъ жировать; дружину свою и дѣтей голодомъ поморилъ, а самъ отъ него въ конецъ погинулъ. Да еще вамъ, господа, скажу: тотъ-же Ершъ обманулъ меня Осетра, стараго мужика, и приведе меня къ неводу и рече ми: братецъ Осетръ, пойдемъ въ неводъ; есть тамъ рыбы много. И я его нача посылати напредь. И онъ Ершъ мнѣ рече: братецъ Осетръ, коли меньшей братъ ходитъ напредь большаго [2]? И я на его, господа, прелес(т)ное слово положился и въ неводъ пошелъ, обратился въ неводъ да увязъ, а неводъ что боярской дворъ — (вой)итти ворота широки, а вытти узки. А тотъ Ершъ за неводъ выскочилъ въ е(я)чею [3], а самъ мнѣ насмѣхался: ужели ты, братецъ, въ неводу рыбы наѣлся! А какъ меня поволокли вонъ изъ воды, и тотъ Ершъ нача прощатися: братецъ, братецъ Осетръ! прости, не поминай лихомъ. А какъ меня мужики на брегу стали бить дубинами по головѣ, и я нача стонать, и онъ Ершъ рече ми: братецъ Осетръ, терпи Христа ради!»

Конецъ суднаго дѣла. Судьи слушали суднаго дѣла и приговорили: Леща съ товарищи оправить, а Ерша обвинить. И выдали истцу Лещу того Ерша головою и велѣли казнить торговою казнію — бити кнутомъ и послѣ кнута повѣсить въ жаркіе дни противъ солнца за его воровство и за ябедничество. А у суднаго дѣла сидѣли люди добрые: дьякъ былъ Сомъ съ большимъ усомъ, а доводчикъ Карась, а списокъ съ суд-

---

1) Въ рукоп. здѣсь вставлены слова: «къ рѣкамъ жированье». 2) Въ рукоп. вставлены здѣсь слова: «кои честь». 3) Ячея — пространство клѣтокъ у мережи (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 275).

наго дѣла писалъ Вьюнъ, а печаталъ Ракъ своей заднею клещею, а у печати сидѣлъ Вандышъ [1]) переславской. Да на того-же Ерша выдали правую грамоту: гдѣ его застанутъ въ своихъ вотчинахъ, тутъ его безъ суда казнить.

Речетъ Ершъ судьямъ: «господа судьи! судили вы не по правдѣ, судили по мздѣ. Леща съ товарищи оправили, а меня обвинили.» Плюнулъ Ершъ судьямъ въ глаза и скочилъ въ хворостъ: только того Ерша и видѣли!

(Заимствована изъ рукописнаго сборника XVIII столѣтія, принадлежащаго И. Е. Забѣлину.)

16.

ТЕРЕМОКЪ МЫШКИ [2]).

Лежитъ въ полѣ лошадиная голова. Прибѣжала мышка-норышка [3]) и спрашиваетъ: «теремъ-теремокъ! кто въ теремѣ живетъ?» Никто не отзывается. Вотъ она вошла и стала жить въ лошадиной головѣ. Пришла лягушка-квакушка: «теремъ-теремокъ! кто въ теремѣ живетъ?» — Я мышка-норышка; а ты кто? «А я лягушка-квакушка.» — Ступай ко мнѣ жить. Вошла лягушка и стали себѣ вдвоёмъ жить. Прибѣжалъ заяцъ: «теремъ-теремокъ! кто въ теремѣ живетъ?» — Я мышка-норышка да лягушка-квакушка; а ты кто? «А я на-горѣ-увертышъ.» — Ступай къ намъ. Стали они втроёмъ жить. Прибѣжала лисица: «теремъ-теремокъ! кто въ теремѣ живетъ?» — Мышка-норышка, лягушка-квакушка, на-горѣ-увертышъ; а ты кто? «А я вездѣ-поскокишъ.» — Иди къ намъ.

---

1) Снятокъ, маленькая рыбка (Словарь Академіи Росс., ч. 1, стр. 382).
2) Смотри вып. IV, № 31. 3) Отъ слова: «нора».

Стали четверо жить. Пришелъ волкъ: «теремъ-теремокъ! кто въ теремѣ живетъ?» — Мышка норышка, лягушка квакушка, на-горѣ-увертышъ, вездѣ-поскокишъ; а ты кто? «А я изъ-за кустовъ-хватышъ.» — Иди къ намъ. Стали пятеро жить. Вотъ приходитъ къ нимъ медвѣдь: «теремъ-теремокъ! кто въ теремѣ живетъ?» — Мышка-норышка, лягушка-квакушка, на-горѣ-увертышъ, вездѣ-поскокишъ, изъ-за-кустовъ-хватышъ. «А я всѣхъ-васъ-давишъ!» — сѣлъ на голову и раздавилъ всѣхъ.

(Записана въ московскомъ уѣздѣ.)

17.

МЕДВѢДЬ.

Жила-была старуха. Избушка ея стояла на отлетѣ отъ села. дворъ былъ плохо огороженъ, а скотинки-то было вдоволь: одна корова да шесть овецъ. Зимой всюду бродятъ волки да медвѣди; вотъ къ этой старухѣ и повадился по ночамъ ходить медвѣдь — овецъ ѣсть. Разломалъ назади плетень. съѣлъ овцу. съѣлъ и другую. Старуха зачала караулить и накинула на себя такую дурѐнь [1], что и ночь стала у нѐй какъ день. Сняла она съ зарѣзанныхъ медвѣдемъ овецъ шерстку, и всю ноченьку сидитъ себѣ да прядетъ. Вотъ медвѣдь много разъ приходилъ, хочется ему съѣсть овечку — не тутъ-то было! Только медвѣдь за плетень, а старуха скрипъ дверью и выйдетъ на дворъ. Медвѣдь съ досады пересталъ ходить по задамъ, а подойдетъ подъ окно къ старухиной избѣ и запоетъ пѣсню: «скрипи-скрипи скрипка на липовой ножкѣ! и вода-то спитъ, и земля-то спитъ; она бабушка не спитъ, свою

1) Дурь.

шерстку прядетъ!» Выйдетъ старуха за ворота посмотрѣть — кто такъ хорошо поетъ, а медвѣдь шасть назадъ къ плетню, стябритъ [1] овцу и уйдетъ въ лѣсъ. Такъ-то всѣхъ овецъ и перетаскалъ. Бѣдная старушка сломала свою избушку и поселилась на кутѣ у своего брата; стали они вмѣстѣ жить да поживать, добра наживать да лиха избывать.

(Записана въ тамбовской губерніи.)

18.

КОТЪ И БАРАНЪ [2].

Жилъ себѣ старикъ да старуха, у нихъ былъ котъ да баранъ. Старуха укопъ копитъ [3], а котъ проказитъ. «Старикъ, говоритъ старуха, у насъ на погребѣ нездорово!» — Надо поглядѣть, говоритъ ей старикъ, не со стороны ли кто блудитъ [4]. Вотъ пошла старуха на погребъ и усмотрѣла: котъ сдвинулъ лапкой съ горшка покрышку и слизываетъ себѣ сметанку; выгнала кота изъ погреба и пошла въ избу, а котъ напередъ прибѣжалъ и запрятался на печи въ углу. «Хозяинъ! сказываетъ старуха, вотъ мы не вѣрили, что котъ блудитъ, а онъ самой и есть; давай его убьемъ!» Котъ услыхалъ эти рѣчи, какъ бросится съ печки да бѣгомъ къ барану въ хлѣвъ, и началъ его обманывать: «брате баранъ! меня хотятъ завтра убити, тебя зарѣзати.» И сговорились они оба бѣжать ночью отъ хозяина. «Какъ же быть? спрашиваетъ баранъ; радъ бы я съ тобой лыжи навострить, да вѣдь хлѣвъ-то запертъ!» — Ничего! Котъ тотчасъ взобрался на дверь, скинулъ лапкой

---

1) Утащитъ, украдетъ. 2) Смотри вып. IV, № 23 и 26. 3) Собираетъ сметану и сливки на масло. 4) Проказничаетъ.

веревочку съ гвоздя и выпустилъ барана. Вотъ и пошли они путемъ-дорогою, нашли волчью голову и взяли съ собой; шли-шли, увидѣли: далеко въ лѣсу свѣтится огонекъ, они и пустились прямо на огонь. Подходятъ, а вокругъ огня грѣются двѣнадцать волковъ. «Богъ помочь вамъ, волкамъ!» — Добро жаловать, котъ да баранъ! «Брате, спрашиваетъ баранъ у кота, что намъ вечерять [1] будетъ?» — А двѣнадцать-то волчьихъ головъ! поди выбери, которая пожирнѣе. Баранъ пошелъ въ кусты, поднялъ повыше волчью голову, что̀ дорогой-то нашли, и спрашиваетъ: «эта ли, брате котъ?»—Нѣтъ, не эта, выбери получше. Баранъ опять поднялъ ту-же голову и опять спрашиваетъ: «эта ли?» Волки такъ напугались, что рады бы убѣжать, да безъ спросу не смѣютъ. Четверо волковъ и стали проситься у кота и барана: «пустите насъ за дровами! мы вамъ принесёмъ.» И ушли. Остальные восемь волковъ еще пуще стали бояться кота да барана: коли двѣнадцать смогли поѣсть, а осьмерыхъ и подавно поѣдятъ. Стало еще четверо проситься за водою. Котъ отпустилъ: «ступайте, да скорѣе ворочайтесь!» Послѣдніе четыре волка отпросились сходить за прежними волками: отчего-де не ворочаются? Котъ отпустилъ, еще строже наказалъ — поскорѣе приходить назадъ; а самъ съ барономъ радъ, что они ушли-то.

Волки собрались вмѣстѣ и пустились дальше въ лѣсъ. Попадается имъ медвѣдь Михайло Ивановичъ. «Слыхалъ ли ты, Михайло Ивановичъ, спрашиваютъ волки, чтобы котъ да баранъ съѣдали по двѣнадцати волковъ?» — Нѣтъ, робятушки, не слыхивалъ. «А мы сами видѣли этакого кота да барана.»— Какъ бы, робятушки, и мнѣ посмотрѣть, какова ихъ храбрость. «Эхъ, Михайло Иванычъ, вить больно котъ-атъ ретивъ, нельзя къ нему поддоброхотаться: того и гляди, что въ клочки

---

1) Ужинать.

изорветъ! Даромъ что мы прытки надъ собаками и зайцами, а тутъ ничего не возьмешь. Позовемъ-ка лучше ихъ на обѣдъ.» Стали посылать лисицу: «ступай, позови кота да барана.» Лисица начала отговариваться: «я хоть и прытка, да неувертлива: какъ бы они меня не съѣли!» — Ступай! . . . Дѣлать нечего, побѣжала лисица за котомъ и бараномъ. Воротилась назадъ и сказываетъ: «обѣщались быть; ахъ, Михайло Ивановичъ, какой котъ-то сердитой! сидитъ на пнѣ да ломаетъ его кохтями: это на насъ точитъ онъ свои ножи! А глаза такъ и выпучилъ! . . .» Медвѣдь струхнулъ, сейчасъ посадилъ одного волка въ сторожа на высокой пень, далъ ему въ лапы утирку [1]) и наказалъ: «коли увидишь кота съ бараномъ, махай утиркою: мы пойдемъ — ихъ повстрѣчаемъ.» Стали готовить обѣдъ; четыре волка притащили четыре коровы, а въ повара медвѣдь посадилъ сурка.

Вотъ идутъ въ гости котъ да баранъ; завидѣли караульнаго, смекнули дѣло и стакнулись межъ собою. «Я, говоритъ котъ, подползу тихонько по травѣ и сяду у самаго пня супротивъ волчьей рожи, а ты, братъ баранъ, разбѣжись и что есть силы ударь его лбомъ!» Баранъ разбѣжался, ударилъ со всей мочи и сшибъ волка; а котъ бросился ему прямо въ морду, впѣпился кохтями и исцарапалъ до крови. Медвѣдь и волки какъ увидѣли то — зачали межъ собою растобаривать [2]): «ну, робятушки, вотъ какова рысь кота да барана! Евстифейка-волка умудрились сшибить и изувѣчить съ какого высокаго пня, а намъ гдѣ ужь на землѣ устоять! Имъ, знать, наше готовленье-то не-почемъ; они придутъ не угощаться, а насъ патнать. А, братцы! не лучше ли намъ схорониться?» Волки всѣ разбѣжались по лѣсу, медвѣдь вскарабкался на сосну, сурокъ спрятался въ нору, а лиса забилась подъ колодину. Котъ съ ба-

---

1) Полотенце. 2) Разговаривать.

ражомъ принялись за наготовленныя кушанья. Котъ ѣстъ, а самъ мурлычитъ: мало, мало! обернулся какъ-то назадъ, увидѣлъ, что изъ норы торчитъ сурковъ хвостъ, испугался да какъ прыснетъ на сосну. Медвѣдь устрахался [1]) кота, да напрямикъ съ сосны на землю и ринулся и чуть-чуть не задавилъ лисы подъ колодиной. Побѣжалъ медвѣдь, побѣжала лиса. «Знать ты, кумаёкъ, ушибся?» спрашиваетъ лисица.—Нѣтъ, кумушка, еслибъ я не спрыгнулъ — котъ бы давно меня съѣлъ!

(Записана во владимірской губерніи, гороховецкомъ уѣздѣ.)

19.

КОТЪ, КОЗЕЛЪ И БАРАНЪ.

Жили-были на одномъ дворѣ козелъ да баранъ; жили промежъ себя дружно: сѣна клокъ — и тотъ пополамъ, а коли вилы въ бокъ — такъ одному коту Васькѣ. Онъ такой воръ и разбойникъ, за каждый часъ на промыслѣ, и гдѣ плохо лежитъ — тутъ у него и брюхо болитъ. Вотъ однажды лежатъ себѣ козелъ да баранъ и разговариваютъ промежъ себя; гдѣ ни взялся котишко-мурлышко, сѣрый лобишко, идетъ да таково жалостно плачетъ. Козелъ да баранъ и спрашиваютъ: «котъ-котокъ, сѣринькой лобокъ! о чемъ ты ходя плачешь, на трехъ ногахъ скачешь?» — Какъ мнѣ не плакать? била меня старая баба, била-била, уши выдирала, ноги поломала да еще удавку припасала.»—А за какую вину такая тебѣ погибель? «Эхъ, за то погибель была, что себя не опознал да сметанку слизалъ.» И опять заплакалъ котъ-мурлыко. «Котъ-котокъ, сѣрый ло-

1) Устрашился.

бокъ! о чемъ же ты еще плачешь?» — Какъ не плакать? баба меня била да приговаривала: ко мнѣ придетъ зять, гдѣ будетъ сметаны взять? за неволю придется колоть козла да барана! Заревѣли козелъ и баранъ: «ахъ ты, сѣрой котъ, безтолковой лобъ! за что ты насъ-то загубилъ? Вотъ мы тебя забодаемъ!» Тутъ мурлыко вину свою приносилъ и прощенья просилъ. Они простили его, и стали втроемъ думу думать: какъ быть и что дѣлать? «А что, середній братъ баранко! спросилъ мурлыко, крѣпокъ ли у тебя лобъ: попробуй-ка о ворота.» Баранъ съ разбѣгу стукнулся о ворота лбомъ: покачнулись ворота, да не отворились. Поднялся старшій братъ мрасище[1] -козлище, разбѣжался, ударился — и ворота отворились.

Пыль столбомъ подымается, трава къ землѣ приклоняется, бѣгутъ козелъ да баранъ, а за ними скачетъ на трехъ ногахъ котъ-сѣрой лобъ. Усталъ онъ и возмолился названнымъ братьямъ: «ни то старшій братъ, ни то средній братъ! не оставьте меньшаго братишку на съѣденье звѣрамъ.» Взялъ козелъ, посадилъ его на себя, и понеслись они опять по горамъ, по доламъ, по сыпучимъ пескамъ. Долго бѣжали, и день, и ночь, пока въ ногахъ силы хватило. Вотъ пришло крутое крутище, станово становище; подъ тѣмъ крутищемъ скошеное поле, на томъ полѣ стогà чтò города стоятъ. Остановились козелъ, баранъ и котъ отдыхать; а ночь была осенняя, холодная. Гдѣ огня добыть? думаютъ козелъ да баранъ; а мурлышко уже добылъ бересты, обернулъ козлу рога и велѣлъ ему съ баранкомъ стукнуться лбами. Стукнулись козелъ съ бараномъ да таково крѣпко, что искры изъ глазъ посыпались; берестечко такъ и зарыдало [2]). «Ладно, молвилъ сѣрой котъ, теперь обогрѣемся» — да за словомъ и затопилъ стогъ сѣна.

---

1) Мрась—негодяй (Опытъ обл. великорус. словаря, стр. 117). 2) Вспыхнуло, затрещало.

Не успѣли они путёмъ обогрѣться, глядь — жалуетъ незванный гость мужикъ-сѣрячекъ Михайло Ивановичъ. «Пустите, говоритъ, обогрѣться да отдохнуть: что-то не можется» 1). — Добро жаловать, мужикъ-серячекъ муравейничекъ 2)! Откуда, братъ, идешь? «Ходилъ на пасику да подрался съ мужиками, отъ того и хворь 3) прикинулась; иду къ лисѣ лѣчиться.» Стали вчетверомъ темну ночь дѣлить: медвѣдь подъ стогомъ, мурлыко на стогу, а козелъ съ бараномъ у теплины 4). Идутъ семь волковъ сѣрыхъ, восьмой бѣлой, и прямо къ стогу. «Фу-фу, говоритъ бѣлый волкъ, не русскимъ духомъ пахнетъ. Какой такой народъ здѣсь? давайте силу пытать!» Заблеяли козелъ и баранъ со страстей 5), а мурлышко такую рѣчь повелъ: «ахти, бѣлой волкъ, надъ волками князь! не серди нашего старшаго; онъ, помилуй Богъ, сердитъ! — какъ расходится, никому не сдобровать. Аль не видите у него бороды: въ ней-то и сила, бородою онъ звѣрей побиваетъ, а рогами только кожу сымаетъ. Лучше съ честью подойдите да попросите: хотимъ дескать поиграть съ твоимъ меньшимъ братишкомъ, что подъ стогомъ-то лежитъ.» Волки на томъ козлу кланялись, обступили Мишку и стали его задирать. Вотъ онъ крѣпился, крѣпился да какъ хватитъ на каждую лапу по волку; запѣли они Лазаря, выбрались кое-какъ да поджавъ хвосты — подавай Богъ ноги.

А козелъ да баранъ тѣмъ времячкомъ подхватили мурлыку и побѣжали въ лѣсъ, и опять наткнулись на сѣрыхъ волковъ. Котъ вскарабкался на самую макушку ели, а козелъ съ бараномъ схватились передними ногами за еловой сукъ и повисли. Волки стоятъ подъ елью, зубы оскалили и воютъ глядя на

---

1) Не здоровится. 2) Мелкой породы медвѣдь, который любитъ разгребать муравьиныя кучи и лакомиться муравьиными яйцами (Рус. Вѣстн. 1857, № 12, стр. 463). 3) Болѣзнь. 4) Огня (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 228). 5) Со страху.

козла и барана. Видитъ котъ-сѣрый лобъ, что дѣло плохо, сталъ кидать въ волковъ еловыя шишки да приговаривать: «разъ волкъ! два волкъ! три волкъ! всего-то по волку на брата. Я мурлышко давича двухъ волковъ съѣлъ и съ косточками, такъ еще сытёхонекъ; а ты большой братимъ за медвѣдями ходилъ, да не изловилъ, бери себѣ и мою долю!» Только сказалъ онъ эти рѣчи, какъ козелъ оборвался и упалъ прямо рогами на волка. А мурлыко знай свое кричитъ: «держи его, лови его!» Тутъ на волковъ такой страхъ нашелъ, что со всѣхъ ногъ припустили бѣжать безъ оглядки. Такъ и ушли.

20.

ЛИСА И ДЯТЕЛЪ.

Жилъ былъ дятелъ на дубу, свилъ себѣ гнѣздышко, свёсъ три яичка и высидѣлъ три дѣтёнка. Повадилась къ нему лиса ходить; стукъ-стукъ хвостищемъ по сырому дубищу: «дятелъ, дятелъ! полѣзай съ дубу долой. Мнѣ дубъ нада — *сѣчихичики* (?) гнуть.» — Ей, лисынка! не дала ты мнѣ и одного дѣтёнышка-то высидѣть. «Ей, дятелъ! брось ты мнѣ, я его выучу кузнешному.» Дятелъ ей бросилъ, а она кустикъ за кустикъ, лѣсокъ за лѣсокъ, да и съѣла.

Опять идетъ къ дятлу, и стукъ-стукъ хвостищемъ по сырому дубищу: «дятелъ, дятелъ! полѣзай съ дубу долой, мнѣ дубъ нада — сѣчихичики гнуть.» — Ей, лисынька! не дала ты мнѣ и одного дѣтёнышка-то высидѣть. «Ей, дятелъ! брось ты мнѣ, я его выучу башмашному.» Дятелъ ей бросилъ, а она кустикъ за кустикъ, лѣсокъ за лѣсокъ, да и съѣла.

Опять идетъ къ дятлу, и стукъ стукъ хвостищемъ по сырому дубищу: «дятелъ, дятелъ! полѣзай съ дубу долой, мнѣ

дубъ нада — сѣчихичики гнуть.» — Ей, лисынька! не дала ты мнѣ и одного дѣтёнышка-то высидѣть. «Ей, дятелъ! брось ты мнѣ, я его выучу портняжному.» Дятелъ бросилъ ей, а она кустикъ за кустикъ, лѣсокъ за лѣсокъ, да и съѣла.

(Записана въ нижегородской губерніи, васильскомъ уѣздѣ, членомъ—сотрудникомъ Географич. Общества іеромонахомъ Макаріемъ.)

21.

СВИНЬЯ И ВОЛКЪ, ПѢТУХЪ И ЛИСА [1].

Какъ волки озарничали,
Себя величали,
Сходила свинья со двора,
Сводила за собой махынькихъ и бѣленькихъ [2];
Она думала — пò лѣсу-лѣсу,
Анъ у [3] колосъ у овёсъ.
У ней были зубки ловки,
Усё схватывала головки.
Подходила къ волку близко,
Поклонилась ему низко:
«Здравствуй, волкъ-волчокъ!
Не будетъ ли съ тебя
Махынькихъ и бѣленькихъ?»
— Эхъ, ты свинушка!
Я глазами окину —
И тебя не покину.
Взялъ за щетину

1) Смотри вып. I, стр. 5; вып. II, стр 111; вып. IV-й №№ 2, 14 и 37, в. 2) Т. е. поросятъ. 3) Вмѣсто *въ*.

И повалилъ на спину,
И сталъ косточки объѣдать,
А мякушко у кучку сбирать.
Бѣжала непорочная лисица:
«Охъ ты, кумъ-куманёкъ!
Некупленое у тебя, дешевое;
Не подѣлишь-ли масца?»
— Эхъ ты, кумушка!
Вѣдаешь, Ермакъ
Зап . . . . . . на-тощакъ?
И тебѣ того не миновать. —
Лисица слышитъ нерадостны рѣчи,
Назадъ, назадъ да и бѣжать!
Прибѣжала во городъ Козельскъ;
Во городѣ во Козельскѣ
Сидитъ красное чадо —
Пѣтухъ на дубу.
«Охъ ты пѣтухъ-пѣтушокъ!
Спущайся ты на низящее.
Съ низящего на землящее;
Я твою душу
На небеса взнесу.».
Пѣтухъ сдуру лисицу послухалъ,
Слѣзалъ на низящее,
Съ низящего на землящее.
Лисица стала пѣтушка вертѣть,
Пѣтушку не въ мочь стало терпѣть,
. . . .
Охъ, ты лисица, жолтая княгиня!
Какъ у нашего у батюшки
Маслицемъ (блинки) поливаютъ,
Тебя въ гости поджидаютъ;

Тамъ-то не по нашему,
Пироги съ кашею.
Станемъ поминать
Сидора да Макара,
Третьяго Захара,
Трёхъ Матрёнъ
Да Луку съ Петромъ,
Дѣда-мироѣда,
Бабку-бѣльматку (?),
Тюшу да Катюшу,
Бабушку Матрю(ё)шу!

(Записана П. И. Якушкинымъ въ калужской губерніи, лихвинскомъ уѣздѣ.)

22.

ЛИСА, ВОЛКЪ, МЕДВѢДЬ И ЗАЯЦЪ.

Жилъ себѣ старикъ со старушкой, и у нихъ только и было имѣнья, что одинъ боровъ. Пошелъ боровъ въ лѣсъ жолуди ѣсть. На встрѣчу ему идетъ волкъ. «Боровъ, боровъ, куда ты идешь?» — Въ лѣсъ жолуди ѣсть. «Возьми меня съ собою.» — Я бы взялъ, говоритъ, тебя съ собою, да тамъ яма есть глубока, широка; ты не перепрыгнешь. «Ничего, говоритъ, перепрыгну.» Вотъ и пошли; шли. шли по лѣсу и пришли къ этой ямѣ. «Ну, говоритъ волкъ, прыгай.» Боровъ прыгнулъ — перепрыгнулъ. Волкъ прыгнулъ да прямо въ яму. Ну, потомъ боровъ наѣлся жолудей и отправился домой. На другой день опять идетъ боровъ въ лѣсъ. На встрѣчу ему медвѣдь. «Боровъ, боровъ, куда ты идешь?» — Въ лѣсъ жолуди ѣсть. «Возьми, говоритъ медвѣдь, меня съ собою.» — Я бы взялъ тебя, да тамъ яма глубока, широка,

ты не перепрыгнешь. «Небось, говоритъ, перепрыгну.» Подошли къ этой ямѣ. Боровъ прыгнулъ — перепрыгнулъ; медвѣдь прыгнулъ — прямо въ яму угодилъ. Боровъ наѣлся жолудей, отправился домой. На третій день боровъ опять пошелъ въ лѣсъ жолуди ѣсть. На встрѣчу ему косой заяцъ. «Здравствуй, боровъ!» — Здравствуй, косой заяцъ! «Куда ты идешь?» — Въ лѣсъ жолуди ѣсть. «Возьми меня съ собою.» — Нѣтъ, косой, тамъ яма есть широка, глубока, ты не перепрыгнешь. «Вотъ не перепрыгну, какъ не перепрыгнуть!» Пошли и пришли къ ямѣ. Боровъ прыгнулъ — перепрыгнулъ; заяцъ прыгнулъ — попалъ въ яму. Ну, боровъ наѣлся жолудей, отправился домой. На четвертый день идетъ боровъ въ лѣсъ жолуди ѣсть. На встрѣчу ему лисица; тоже просится, чтобъ взялъ ее боровъ съ собою. — Нѣтъ, говоритъ боровъ, тамъ яма есть глубока, широка, ты не перепрыгнешь. «И-и, говоритъ лисица, перепрыгну!» Ну и она попалась въ яму. Вотъ ихъ набралось тамъ въ ямѣ четверо, и стали они горевать, какъ имъ ѣду добывать.

Лисица и говоритъ: «давайте-ка голосъ тянуть; кто не вытянетъ — того и ѣсть станемъ.» Вотъ начали тянуть голосъ; одинъ заяцъ отсталъ, а лисица всѣхъ перетянула. Взяли зайца, разорвали и съѣли. Проголодались и опять стали уговариваться голосъ тянуть: кто отстанетъ — чтобъ того и ѣсть. «Если, говоритъ лисица, я отстану, то и меня ѣсть, все равно!» Начали тянуть; только волкъ отсталъ, не могъ вытянуть голосъ. Лисица съ медвѣдемъ взяли его, разорвали и съѣли. Только лисица надула [1]) медвѣдя, дала ему немного мяса, а остальное припрятала отъ него, и ѣстъ себѣ потихоньку. Вотъ медвѣдь начинаетъ опять голодать, и говоритъ: «кума, кума, гдѣ ты берешь себѣ ѣду?» — Экой ты кумъ! ты возьми-ка просунь

1) Обманула.

себѣ лапу въ ребра, зацѣпись за ребро — такъ и узнаешь какъ ѣсть. Медвѣдь такъ и сдѣлалъ, зацѣпилъ себя лапой за ребро, да и околѣлъ. Лисица осталась одна. Послѣ этого, убра́мши медвѣдя, начала лисица голодать.

Надъ этой ямой стояло древо, на этомъ древѣ вилъ дроздъ гнѣздо. Лисица сидѣла-сидѣла въ ямѣ, все на дрозда смотрѣла, и говоритъ ему: «дроздъ, дроздъ, что ты дѣлаешь?» — Гнѣздо вью. «Для чего ты вьешь?» — Дѣтей выведу. «Дроздъ, накорми меня; если не накормишь — я твоихъ дѣтей поѣмъ.» Дроздъ горевать, дроздъ тосковать, какъ лисицу ему накормить. Полетѣлъ въ село, принесъ ей курицу. Лисица курицу убрала и говоритъ опять: «дроздъ, дроздъ, ты меня накормилъ?» — Накормилъ. «Ну напои-жъ меня.» Дроздъ горевать, дроздъ тосковать, какъ лисицу напоить. Полетѣлъ въ село, принесъ ей воды. Напилась лисица и говоритъ: «дроздъ, дроздъ, ты меня накормилъ?» — Накормилъ. «Ты меня напоилъ?» — Напоилъ. «Вытащи-жъ меня изъ ямы.» Дроздъ горевать, дроздъ тосковать, какъ лисицу вынимать. Вотъ началъ онъ палки въ яму метать; наметалъ такъ, что лисица выбралась по этимъ палкамъ на волю — и возлѣ самаго древа легла — протянулась. «Ну, говоритъ, накормилъ ты меня, дроздъ?» — Накормилъ. «Напоилъ ты меня?» — Напоилъ. «Вытащилъ ты меня изъ ямы?» — Вытащилъ. «Ну разсмѣши-жъ меня теперь.» Дроздъ горевать, дроздъ тосковать, какъ лисицу разсмѣшить. «Я, говоритъ онъ, полечу, а ты, лиса, иди за мною.» Вотъ хорошо, полетѣлъ дроздъ въ село; сѣлъ на ворота къ богатому мужику, а лисица легла подъ воротами. Дроздъ и началъ кричать: «Бабка, бабка, принеси мнѣ сала кусокъ! Бабка, бабка, принеси мнѣ сала кусокъ!» Выскочили собаки и разорвали лисицу. Я тамъ была, медъ-вино пила, по губамъ текло, въ ротъ не попало. Дали мнѣ синій кафтанъ; я пошла, а вороны летятъ да кричатъ: синь кафтанъ, синь кафтанъ! Я ду-

мала: скинь кафтанъ, взяла да и скинула. Дали мнѣ красный шлыкъ. Вороны летятъ да кричатъ: красный шлыкъ, красный шлыкъ! Я думала, что краденый шлыкъ, скинула—и осталась ни съ чѣмъ.

(Записана въ воронежскомъ уѣздѣ К. О. Александровымъ-Дольникомъ.)

23.

ОВЦА, ЛИСА И ВОЛКЪ.

У крестьянина изъ гурта бѣжала овца. На встрѣчу ей попалась лиса и спрашиваетъ: «куда тебя, кумушка, Богъ несетъ?» — О-ихъ, кума! была я у мужика въ гуртѣ, да житья мнѣ не стало: гдѣ баранъ сдуритъ, а все я, овца, виновата! вотъ и вздумала уйти — куды глаза глядятъ. «И я тоже! отвѣчала лиса; гдѣ мужъ мой курочку словитъ, а все я, лиса, виновата. Побѣжимъ-ка вмѣстѣ.» Чрезъ нѣсколько времени повстрѣчался имъ бирюкъ. «Здорово, кума!» — Здравствуй! говоритъ лиса. «Далече ли бредешь?» Она въ отвѣтъ: «куда глаза глядятъ!» — да какъ разсказала про свое горе, бирюкъ молвилъ: «и я также! гдѣ волчица зарѣжетъ ягненка, а все я, бирюкъ, виноватъ. Пойдемте-ка вмѣстѣ.» Пошли. Дорогою бирюкъ и говоритъ овцѣ: «а что, овца, вѣдь на тебѣ тулупъ-то мой?» Лиса услышала и подхватила: «взаправду, кумъ, твой?» — Вѣрно мой! «Побожишься?» — Побожусь! «Къ присягѣ пойдешь?» — Пойду. «Ну, иди, цѣлуй присягу.» Тутъ лиса смѣтила, что мужики на тропинкѣ поставили капканъ; она привела бирюка къ самому капкану и говоритъ: «ну, вотъ здѣсь цѣлуй!» Только что сунулся бирюкъ сдуру — а капканъ щолкнулъ и ухватилъ его за морду. Лиса съ овцой тотчасъ убѣжали отъ него по добру по здорову.

24.

ВОЛКЪ, КОБЫЛА, СОБАКА, ЛИСА И МУЖИКЪ.

Попался было бирюкъ въ капканъ, да кое-какъ вырвался и сталъ пробираться въ глухую сторону. Завидѣли его охотники и стали слѣдить. Пришлось бирюку бѣжать черезъ дорогу, а на ту пору шелъ по дорогѣ съ поля мужикъ съ мѣшкомъ и цѣпомъ. Бирюкъ къ нему: «сдѣлай милость. мужичокъ, схорони меня въ мѣшокъ! за мной охотники гонятъ.» Мужикъ согласился, запряталъ его въ мѣшокъ, завязалъ и взвалилъ на плеча. Идетъ дальше, а на встрѣчу ему охотники. «Не видалъ ли, мужичокъ, бирюка?» спрашиваютъ они.—Нѣтъ, не видалъ! отвѣчаетъ мужикъ. Охотники поскакали впередъ и скрылись изъ виду. «Что ушли мои злодѣи?» спросилъ бирюкъ.—Ушли. «Ну, теперь выпусти меня на волю.» Мужикъ развязалъ мѣшокъ и выпустилъ его на вольной свѣтъ. Бирюкъ сказалъ: «а что, мужикъ, я тебя съѣмъ!»—Ахъ, бирюкъ, бирюкъ! я тебя изъ какой неволи выручилъ, а ты меня съѣсть хочешь! «Старая хлѣбъ-соль забывается», отвѣчалъ бирюкъ. Мужикъ видитъ, что дѣло-то плохо, и говоритъ: «ну коли такъ, пойдемъ дальше, и если первой, кто съ нами встрѣтится, скажетъ по твоему, что старая хлѣбъ-соль забывается, тогда дѣлать нечего — съѣшь меня!» Пошли они дальше. Повстрѣчалась имъ старая кобыла. Мужикъ къ ней съ вопросомъ: «сдѣлай милость, кобылушка-матушка! разсуди насъ. Вотъ я бирюка изъ большой неволи выручилъ, а онъ хочетъ меня съѣсть!» и разсказалъ ей все, что̀ было. Кобыла подумала-подумала и сказала: «я жила у хозяина двѣнадцать лѣтъ, принесла ему двѣнадцать жеребятъ, изо всѣхъ силъ на него работала, а какъ стала стара и пришло мнѣ не въ моготу работать — онъ взялъ да и стащилъ меня подъ яръ; ужь я

лѣзла-лѣзла, насилу вылѣзла, и теперь вотъ плетусь куда глаза глядятъ. Да, старая хлѣбъ-соль забывается!» — Видишь, моя правда! молвилъ бирюкъ. Мужикъ опечалился и сталъ просить бирюка, чтобъ подождалъ до другой встрѣчи. Бирюкъ согласился и на это. Повстрѣчалась имъ старая собака. Мужикъ къ ней съ тѣмъ-же вопросомъ. Собака подумала-подумала и сказала: «служила я хозяину двадцать лѣтъ, оберегала его домъ и скотину, а какъ состарѣлась и перестала брехать [1] — онъ прогналъ меня со двора, и вотъ плетусь я куда глаза глядятъ. Да, старая хлѣбъ-соль забывается!» — Ну, видишь, моя правда! Мужикъ еще пуще опечалился и упросилъ бирюка обождать до третьей встрѣчи, а тамъ дѣлай, какъ знаешь, коли хлѣба-соли моей не попомнишь. Въ третій разъ повстрѣчалась имъ лиса. Мужикъ повторилъ ей свой вопросъ. Лиса стала спорить: «да какъ это можно, чтобы бирюкъ, эдакая большая туша, могъ помѣститься въ эдакомъ маломъ мѣшкѣ?» И бирюкъ, и мужикъ побожились, что это истинная правда; но лиса все-таки не вѣрила, и сказала: «а ну-ка, мужичокъ, покажъ какъ ты сажалъ его въ мѣшокъ-то!» Мужикъ разставилъ мѣшокъ а бирюкъ всунулъ туда голову. Лиса закричала: «да развѣ ты одну голову пряталъ въ мѣшокъ?» Бирюкъ влѣзъ совсѣмъ. «Ну-ка, мужичокъ, продолжала лиса, покажи, какъ ты его завязывалъ?» Мужикъ завязалъ. «Ну-ка, мужичокъ, какъ ты въ полѣ хлѣбъ-то молотилъ?» Мужикъ началъ молотить цѣпомъ по мѣшку. «Ну-ка, мужичокъ, какъ ты отворачивалъ?» Мужикъ сталъ отворачивать, да задѣлъ лису по головѣ и убилъ ее до смерти, приговаривая: «старая хлѣбъ-соль забывается!»

(Обѣ сказки: эта и предыдущая записаны въ астраханской губерніи, черноярскомъ уѣздѣ, волостнымъ писаремъ Волконидинымъ.)

---

1) Лаять.

25.

УДАЛОЙ БАТРАКЪ.

У одного мирошника[1]) былъ работникъ. Мирошникъ послалъ его засыпать на ковшъ пшеницы, а работникъ пошелъ и засыпалъ-то на камень. Мельница завертѣлася и пшеница вся разметалася. Хозяинъ какъ пришелъ на мельницу и какъ увидѣлъ размётанную пшеницу — и согналъ работника. Работникъ пошелъ домой, въ свое село, и заплутался. Вотъ зашелъ онъ въ эдакіе кусты и легъ спать. Приходитъ бирюкъ; видитъ, что работникъ спитъ, и подошелъ къ нему близко, сталъ его обнюхивать, а работникъ-та ухватилъ бирюка за хвостъ, убилъ его, и снялъ съ него шкуру!

Вотъ работникъ вышелъ на гору, а на горѣ стояла пустая мельница; онъ у(въ) етой мельницы(ѣ) и остановился ночевать. Пріѣхали три человѣка, разбойники; развели въ мельницѣ огонь и начали дуванъ дуванить [2]). Одинъ разбойникъ говоритъ: «я свою часть положу подъ исподъ мельницы»; другой разбойникъ: «а я подъ колесо подпихну»; а третій говоритъ: «я въ ковшъ спрячу». А работникъ лежитъ въ ковшѣ, и убоявшись, какъ-бы разбойники его не убили, вздумалъ сабѣ: «дай, я вонъ такъ-та закричу: Денисъ! ступай туда на низъ; а ты, Хв(Ѳ)ока! гляди съ бока; а ты, малой, гляди тамъ, а я тутъ! держи ихъ, ребята! бей ихъ, ребята!» Разбойники уробѣли, бросили свое имѣніе и разбѣжались.

Работникъ вылѣзъ изъ ковша, подобралъ все богатство и пошелъ домой; приходитъ и разсказываетъ отцу и матери:

1) Мельникъ (Опытъ обл. великорус. словаря, стр. 118). 2) Дѣлить грабежъ, добычу; дуванъ—раздѣлъ (Словарь Академ. Росс, ч. 2, стр. 270).

«вотъ все, що я заработалъ на мельницѣ. Поѣдемъ теперь, дѣдушка, на базаръ и купимъ сабѣ ружье и будемъ охотничать.» Поѣхали сабѣ на базаръ, купили ружье, и ѣдутъ съ базару. Вотъ работникъ и говоритъ дѣду: «ты дѣдушка, гляди, не попадется ли намъ заяцъ. лисица, а не то куница.» Ѣдутъ да оба дремлютъ и наконецъ уснули. Гдѣ ни взялись два бирюка, зарѣзали у нихъ лошадь и съѣли всю. Дѣдушка проснулся да какъ стягнётъ кнутомъ — думалъ по лошади, анъ по бирюку! бирюкъ-та попалъ въ хомутъ и давай носить, а дѣдъ правитъ. А другой бирюкъ сзади хочетъ ухватить работника, и тотъ бирюкъ-та былъ съ щербиной. Работникъ какъ стягнётъ бирюка кнутомъ, а онъ хотѣлъ кнутъ та зубами поймать, да на кнутѣ былъ узелъ, — этотъ узелъ и застрялъ у бирюка въ щербинѣ! Работникъ и потащилъ его за телегою. Одинъ бирюкъ везётъ, а другой сзади идётъ. Вотъ пріѣхали они домой; собачка выскочила и давай лаять. Бирюки испугались, одинъ какъ повернулъ круто — тележонка и опрокинулась, работникъ съ старикомъ упали на землю; тутъ бирюкъ изъ хамута выскочилъ, а работникъ кнутъ изъ рукъ выпустилъ, такъ оба бирюка и убѣжали, а старикъ съ работникомъ остались не при чемъ. Жили они богато; дворъ у нихъ кольцомъ, три жердины конецъ съ концомъ, три кола забито, три хворостины завито, небомъ накрыто, а свѣтомъ обгорожено!

(Записана въ астраханской губерніи, енотаевскомъ уѣздѣ, священникомъ Григоріемъ Рышкинымъ.)

26.

ЖЕНА-СПОРЩИЦА.

а. Собирался мужикъ въ поле, говоритъ женѣ: «не пеки блиновъ.» А жена говоритъ: «вотъ-таки напеку!» — Если

напекешь, такъ въ поле не носи. «Вотъ таки напеку и понесу!» — А понесешь, такъ черезъ мостъ не ходи. «А вотъ пойду, такъ пойду!» — А пойдешь, такъ каменьевъ въ пазуху не клади. «Вотъ накладу, такъ накладу!» — А накладешь, такъ съ мосту въ воду не сигай [1]. «Вотъ сигну, такъ сигну!» — Если прыгнешь, такъ чертей не пужай. «Вотъ распужаю, такъ распужаю!»... Ѣдитъ мужикъ съ поля, выскочилъ чертёнокъ и кричитъ ему: «дядюшка, возьми свою жену, а то намъ житья отъ нея въ водѣ нѣтъ!» — Не надо мнѣ ее, отвѣчалъ мужикъ. «Я, мужичокъ, шляпу денегъ принесу.» Мужикъ и отъ денегъ отказался, только чтобъ чертёнокъ съ женой къ нему не вязался [2].

(Записана въ воронежской губерніи, въ землянскомъ уѣздѣ, бургомистромъ Рышковымъ.)

b. *Въ* одного мужика была жена сварлива и упряма; ужь что бывало захочетъ, дакъ мужъ дай ей, и ужь непремѣнно мужъ соглашайся съ ней. Да больно она льстива была на чужую скотину; какъ бывало зайдетъ на дворъ чужая скотина, дакъ ужь мужъ и говори, что это её. Страшно надоѣла жена мужу. Вотъ однажды и зашли къ ней на дворъ барскіе гуси. Жена спрашиваетъ: «мужъ, чьи это гуси?» — Барскіе. «Какъ барскіе!» Вспылила со злости, пала на полъ. «Я умру, говоритъ, сказывай: чьи гуси?»—Барскіе. Жена охаетъ, стонетъ. Мужъ наклонился къ ней: «что ты стонешь?» — Да чьи гуси? «Барскіе.» — Ну, умираю, бѣги скорѣй за попомъ. Вотъ мужъ послалъ за попомъ; ужь и попъ ѣдетъ. «Ну, говоритъ мужъ, вотъ и священникъ ѣдетъ.» Жена спрашиваетъ: «чьи гуси?»— Барскіе. «Ну, пущай священникъ идётъ, умираю!» Вотъ ис-

1) Не прыгай (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 202). 2) Смотри вып. I, стр. 42—44; вып. II, стр. 119—120.

повѣдали ее, пріобшили, попъ в(у)шолъ. Мужъ опять: «что съ тобой, жена?» — Чьи гуси? «Барскіе.» — Ну, совсѣмъ умираю, готовь домовишше! 1) Изготовили домовишше. Мужъ подшолъ: «ну, жена, ужь и домовишше готово.» — А чьи гуси? «Барскіе.» — Ну, совсѣмъ умерла, клади въ домовишше. Положили въ домовишше, и послали за попомъ. Мужъ наклонился къ женѣ, шепчетъ: «ужь домовишше подымають, нести хотять отпѣвать въ церковь.» А она шепчеть: «чьи гуси?» — Барскіе. «Ну, несите!» Вотъ вынесли домовишше, поставили въ церкви, отпѣли панафиду 2). Мужъ подходитъ прощаться: «ужь и панафиду, говоритъ, отпѣли; выносить хотять на кладбишше.» Жена шепчеть: «чьи гуси?» — Барскіе. «Несите на кладбишше!» Вотъ и вынесли; подняли домовишше опушшать въ могилу, мужъ нагинается къ ней: «ну, жена, ужь тебя въ могилу опушшають и землей тотчасъ засыплють.» А она шепчеть: «Чьи гуси?» — Барскіе. «Ну, опушшайте и засыпайте!» Домовишше опустили и засыпали землею. Такъ уходили бабу барскіе гуси!

(Записана въ ливенскомъ уѣздѣ, орловской губерніи, К. О. Александровымъ-Дольникомъ.)

с. Была у одного мужа жена, да только такая задорная, что всё ему наперекоръ говорила. Бывало онъ скажетъ: *бритое*, а ужь она непремѣнно кричитъ: *стриженое*. Всякой день бранились! Надоѣла жена мужу; вотъ онъ и сталъ думать, какъ-бы отъ нея отдѣлаться. Идутъ они разъ къ рѣкѣ, а вмѣсто моста на плотинѣ лежитъ перекладинка. Постой, думаетъ онъ, вотъ теперь-то я ее изведу. Какъ стала она переходить по перекладинкѣ, онъ и говоритъ: «смотри же, жена, не трясись, не то какъ разъ утонешь!» — Такъ вотъ же на-

1) Домовище — гробъ. 2) Панихиду.

речно буду! Тряслась, тряслась, да и бултыхъ въ воду. Жалко ему стало жены; вотъ онъ влѣзъ въ воду, сталъ ее искать, и идетъ по водѣ въ гору.[1] «Что ты тутъ ищешь?» говорятъ ему прохожіе мужики.—А вотъ жена утонула, вонъ съ энтой перекладинки упала! «Дуракъ, дуракъ! ты бы ишелъ внизъ по рѣкѣ, а не въ гору: ее теперь, чай, снесло.» — Эхъ, братцы! молчите; она все дѣлала на перекоръ, такъ ужь и теперь, вѣрно, пошла противъ воды[2].

(Записана въ орловской губерніи, малоархангельскомъ уѣздѣ. Изъ собранія П. В. Кирѣевскаго.)

27.

КАКЪ МУЖЪ ОТУЧИЛЪ ЖЕНУ ОТЪ СКАЗОКЪ.

Жилъ себѣ дворникъ. Онъ имѣлъ *ев*(у) себе жену, которая страсть какъ любила казки, и запретила она пушшать къ себѣ въ постойшшики тѣхъ, кто не умѣлъ казки сказывать. Ну, разумѣется, мужу то убытошно, онъ и думаетъ: какъ-бы мнѣ жену отучить отъ сказокъ! Вотъ однажды въ зимнюю пору, позд(н)о ночью, идётъ себѣ старичокъ, весь иззябъ, и просится пер(е)ночевать. Мужъ выбѣгаетъ къ нему: «а што, говоритъ, умѣешь ты казки сказывать. Жена не велитъ пуш-

---

1) Вверхъ, противъ теченія.

2) Анекдотъ о женѣ, споривщей съ мужемъ, что поле не *кошено*, а *стрижено*, попадается въ сборникѣ: «Великое Зерцало», переведенномъ на русской языкъ съ польскаго въ XVII вѣкѣ. Мужъ бросилъ жену въ воду, но не переспорилъ ее; она выставила изъ воды руку «твораше знаменіе перстами на подобіе ножницъ». (Пыпина: Очеркъ литерат. исторіи старин. повѣстей и сказокъ, стр. 202, 268. Русс. Вѣстн. 1857, № 9, статья Забѣлина.)

жать никого, кто не умѣетъ казки сказывать.» Мужикъ видитъ — дѣло плохо, отъ холода чуть не мерзнетъ: «умѣю!» говоритъ. «А долго будешь сказывать?» — Да всю ночь. Ну, вотъ хорошо. Впустили мужика. Мужъ говоритъ: «ну, жена! вотъ мужикъ посулился всю ночь сказывать казки, да только съ тѣмъ, чтобъ поперечки [1] ему не дѣлать и не перебивать.» Мужикъ говоритъ: «да, поперечки не дѣлать, а то сказывать не буду.» Вотъ поужинали, легли спать; мужикъ и началъ: «летѣла сова мимо сада, сѣла на колоду, выпила воду; летѣла сова мимо сада, сѣла на колоду, выпила воду...» И пошолъ твердить все одно и тоже: «летѣла сова мимо сада, сѣла на колоду, выпила воду...» Хозяйка слушала слушала, да и говоритъ: «чтожъ эта за казка, все одно и тоже твердитъ!» — Дакъ для че-же ты мене перебиваешь? вѣдь я говорилъ, чтобы мнѣ поперечки не дѣлать; вѣдь эта такъ ужь казка сказывается въ началѣ, а тамъ пойдетъ другое. — Вотъ мужъ, услыхамши это, а ему то и нужно было, скочилъ съ лавки и давай жену колотить: «тебѣ сказано, чтобъ ты не поперечила! и казку не дала кончить!» Ужь онъ билъ-билъ, билъ-билъ! такъ что жена возненавидѣла казки и съ тѣхъ поръ зареклась казки слушать.

(Записана въ орловской губерніи, ливенскомъ уѣздѣ. К. О. Александровымъ-Дольникомъ.)

28.

ХОРОШО ДА ХУДО.

а. Ѣхали баринъ и мужикъ. «Мужикъ, откуда ты?» — Издалеча, бачка! «А откуда?» — Изъ города Ростова, а ба-

---

1) Отъ глагола: перечить — возражать.

рина Толстова. «А великъ ли городъ?» — Не мѣрилъ. «А силенъ?» — Не боролся. «А зачѣмъ ѣхалъ?» — За покупкой дорогою: за мѣрою гороха. «Вотъ это хорошо!» — Хорошо, да не дюже! «А чтожъ?» — Ѣхалъ пьяный, да разсыпалъ. «Вотъ это худо!» — Худо, да не дюже! «А чтожъ?» — Разсыпалъ-то мѣру, а подгрёбъ-то двѣ! «А вотъ это-то хорошо!» — Хорошо, да не дюже! «Да чтожъ?» — Посѣялъ, да рѣдокъ. «Вотъ это худо!» — Худо, да не дюже! «А чтожъ?» — Хоть рѣдокъ, да стручистъ! «Вотъ это хорошо!» Хорошо, да не совсѣмъ! «А чтожъ? — Поповы свиньи повадились горохъ топтать, топтать — да и вытоптали. «Эдакъ худо!» — Худо, да не дюже! «А чтожъ?» — Я поповыхъ свиней убилъ, да два чана свѣжины насолилъ. «Вотъ это хорошо!» — Хорошо, да не дюже! «А чтожъ?» Поповы собаки [1] повадились свѣжину таскать, таскать — да повытаскали. «Вотъ это худо» — Худо, да не дюже! «А чтожъ?» — Я тѣхъ собакъ убилъ, да женѣ шубу сшилъ! «Вотъ это хорошо!» — Хорошо, да не дюже! «А чтожъ?» — Пошла моя шельма жена мимо попова двора; попъ-то узналъ да шубку снялъ. «Вотъ это худо!» — Худо, да не дюже! «А чтожъ?» — Я съ попомъ судился-судился, сиваго мерина да рыжую корову цапъ-царапъ! мое-то дѣло и выгорѣло!

(Записана въ орловской губерніи, болховскаго уѣзда. Изъ собранія П. В. Кирѣевскаго.)

b. Повстрѣчались два мужика. «Здорово, братъ!» — Здорово! «Откуда ты?» — Изъ Ростова. «Не слыхалъ ли что новаго?» — Не слыхалъ. «Говорятъ ростовскую мельницу сорвало?» — Нѣтъ; мельница стоитъ, жернова по водѣ плаваютъ, на нихъ собака сидитъ, хвостъ согнувши — повизгиваетъ, да муку полизываетъ... «А былъ на ростовской ярманкѣ?» —

---

[1] Или: кошки.

Былъ. — «Велика?» — Не мѣрилъ. «Сильна?» — Не боролся. «Чтожъ тамъ по чемъ?» — Деньги по мѣшкамъ, табакъ по рожкамъ, пряники по лавкамъ, калачи по санкамъ. «А ростовскаго медвѣдя видѣлъ?» — Видѣлъ. «Каковъ?» — Сѣрый! «Не бредь! это волкъ.» — У насъ волкъ по лѣсу побѣгиваетъ, ушми подергиваетъ! «Это заяцъ!» — Чорта ты знаешь! «Это трусъ!» [1] — У насъ то трусъ, что на дубу сидитъ да покаркиваетъ. «Это ворона!» — Чтобъ тебя лихорадка по животу порола!

(Записана въ орловской губерніи, малоархангельскомъ уѣздѣ, П. И. Якушкинымъ.)

29.

МАЛОРОССІЙСКІЕ АНЕКДОТЫ.

a. Іихавъ Остапъ зъ Ромна, а Ѳедырь у Роменъ, и зустрилысь [2]. Остапъ и пыта у Ѳедыря: «звиткиля?» [3] — Зъ Ромна, каэ [4] Ѳедырь. «А що?» — Вола. «А якъ?» — Трицять. «Гумъ!..» — Ге! И розъјихалысь соби.

b. Шовъ москаль по селу ничью, а ничь була мисяшна. Бигъ іого святый зна, кудысь мисяць и зховавсь [5]; паны кажуть, шо то було якеесь-то лунне затминня. Москаль подывывсь, що нема на неби мисяца, да-й пыта у якогось мужика, котрый іому на встичъ [6] шовъ: «а што энто на небѣ дѣлаеца?» — Да я не здѣшній, господынъ служивый, каэ мужикъ; спросйть у тутешнихъ.

---

1) Заяцъ или кроликъ. (Опытъ обл. великорусс. словаря, стр. 233). 2) Встрѣтились. 3) Откуда. 4) Говоритъ. 5) Спрятался. 6) На встрѣчу.

c. «Дѣ се ты бувъ? пыта Ничипиръ [1]) Степана, що тебе такъ довго не було выдно.»—Ге, дѣ? у татарви! «У татарви! чого?»—Воюваты ходывъ. «А чи зрубавъ хоть едыного татарюгу?» — А тожъ и ни! «А якъ же ты iого зрубавъ?» — Да такички: иду соби полемъ и бряскочу шаблюкою [2]), ажъ зиркъ [3]) — пидъ вербою лежить здоровенный татарюга и руки розкидавъ. Ото я пидкрався да изъ-за вербы iому одну руку и витявъ [4]) шаблюкою, а винъ лежить; я iому и другу витявъ, а винъ усе лежить! «Э. дурный [5]) же ты, Степане! каэ Ничипиръ, ты бъ iому голову першъ [6]) витявъ.»—Ге! каже, я и самъ такъ думавъ, да головы не було!

d. «Що-то за сушь така! казавъ панъ пысарь пану голови, колыбъ-то дощикъ спрызнувъ — то усе-бъ полизло изъ земли.»—Ковинька [7]) тоби на языкъ, пане пысарю! каэ голова: аже-жъ тамъ у мене тры жинки, да не дай-же-то Боже, якъ воны вылизуть!

e. Заснувъ мужикъ на вози да и наjихавъ на верству̀; кони сталы, мужикъ и проснувся, да-й каэ: «оце бисова тиснота! да що то за розумны люде булы: не зналы дѣ постановыты верству̀!»

f. Продавъ Грыцько борошно [8]) въ губерныи [9]) и купывъ соби добры шкаповы[10]) чоботы[11]), вымазавъ ихъ добрымъ дёгтемъ, и напывся губерньской горилки[12]) въ смакъ[13]), такъ що ледви[14]) вылизъ зъ губерныи. Дали-вже не моги йты, упавъ на шляху [15]) да и заснувъ, а москали шлы да и зпялы чоботы. На другiй день ураньци jиде мужикъ зъ того села, зъ якого

1) Никифоръ. 2) Саблею. 3) Глядь. 4) Отсѣкъ; отъ глагола: тяти, тнути — сѣчь, бить. 5) Глупой. 6) Напередъ. 7) Закорлючка. 8) Муку́ (Словарь малоросс. Чужбинскаго, стр. 15). 9) Въ губернскомъ городѣ. 10) Шкаповый — яловый (см. словарь, приложенный къ Энеидѣ Котляревск., стр. 25); т. е. сапоги изъ телячьей кожи. 11) Сапоги. 12) Водки. 13) Въ сласть. 14) Едва. 15) На дорогѣ.

бувъ и Грыцько. Ого винъ, бачъ—той що ј̈хавъ, пидходе до Грыцька да и буде іого: «вставай, кажу, Грыцько!» — Да ще рано, каэ Грыцько. «Да яке тоби рано?»—Геть [1]), кажу тоби! каэ Грыцько розсердывшись. «Бачъ, ще-й гниваеця! прыйми хочь ногы зъ шляху, дай проj̈хаты.» Глянувъ Грыцько на свои ногы и баче, що нема чобитъ, да и каэ: «се не мои, мои въ чоботахъ!»

g. «Шо це зъ тобою робыця? каэ батько своему сынови, чи у тебе лыхоманка, чи що, шо ты нычого и не ј̈сы? Чи ј̈въ ты сёгодня що?»—Ни, каэ сынъ; маты ураньци дала краюшку хлиба да черству, я хотивъ въ ведро обмочиты да не влизла, дакъ я и сухую згрызъ; бильшъ [2]) нычого не ј̈въ.

h. Сивъ Охрымъ зъ своею жинкою Солохою на велыкописны запуски [3]) запускаты. Солоха чи що зъј̈ла, чи не зъј̈ла, а Охрымъ усе поj̈въ и печене и варене, да ще цилу макитру [4]) гречаныхъ выреныкивъ вмьявъ [5]), и не здужа, сердека, вже встаты зъ покутя, да-й каэ жинци: «Солóха, Солóха! нэ [6]) лышинь сюда подушки.» — На що тоби? хиба на прыносци мисьця мало? «Ой лышечко-жъ мини!» гвалтуе Охрымъ. «Да що тамъ таке зъ тобою?» — Ой, голубочко-жъ моя Солóха! скажи-жъ мини: чи уси миряне сёгодня ј̈лы вареныки?» — А якъ-же усв! «Про-о-пáлы-жъ теперычки уси міряне!»

i. Зибралыся зъ нашего села хлопци, може ихъ тамъ було и зъ семеро, або й бильшъ. Да пишлы въ губерныю на ярманокъ. Ходять соби по ярманку, да-й думають, шобъ то губерньске купыты, да таке, шобъ усимъ було въ дыковыну. Ажъ зиркъ, москаль несе фузію [7])! «А шо, браця [8]), каэ ко-

---

1) Прочь. 2) Больше. 3) Великопостное заговѣнье. 4) Макитра — большая глиняная ендова (Малор. словарь, приложен. къ Энеидѣ Котляревскаго, стр. 13). 5) Умялъ, съѣлъ. 6) Дай (см. словарь въ Трудахъ Общ. любит. росс. словесности при Москов. Университ., кн. VII, стр. 300). 7) Ружье. 8) Братцы.

валь [1]: чи мы купемо фузію у москаля?» — А що-жъ, гукнулы [2] хлопци, колы куповать, то й купемо! Ото-й купылы фузію, купылы маку—се то бачъ: пороху, купылы и шроту [3], дай пишлы до дому. Идучи дорогою, одынъ хлопець и каэ: «а шо, браця. трельнемо [4] зъ фузін!» — Колы трельнемо, то-й трельнемо! «А хто буде трилять?» пытае одынъ. «Да хто-жъ, гукнули уси, якъ не коваль, се вже звисно!« Ото коваль узявъ фузію, усыпавъ въ нее жменю [5] маку, да и хотивъ уже трилять. «Тривай [6], тривай! гукнулы хлопци, а ще мы не сыпалы маку.»—Ну, сыпте и вы, каэ коваль. Хлопци повну фузію насыпалы макомъ, да-й кажуть: «отъ теперычки трилай, а мы зъ бокивъ станемо да будемо дывытысь [7], якъ вона палне.» [8] — А куды трилять? пытаецця коваль. «Да туды на татарву», гукнулы хлопци. Коваль трельнувъ—и фузію упустывъ, и самъ упавъ, а писля якъ очунявся [9] да поглядивъ, що вся у нього морда въ пасоци [10], а хлопци — дѣ якій безъ очій, а дѣ якій зовсимъ мертвый лежить, ажъ жахъ [11] іого пронавъ. А дали и каэ: «Оце, бисова фузія! скильки тутъ людей побыла! чого жъ вона наробыла [12] у татарви?»

k. «Прохоре! каэ Омелько, а на шо оце у тебе высе рушныця [13], хиба ты уміишъ трилять?»—Отъ таке! каже Прòхиръ, а тожъ и не умію? ластивку кулею [14] такъ и счешу. «Эге, а зыбьешъ кулею у мене зъ головы шапку?» — Зыбью́. «Ни, не зыбьешъ!» — Ни, зыбью́ «А шо?..» — Кварту горилки. «Добре!» Ото и пишлы Прохиръ и Омелько у поле;

---

1) Кузнецъ. 2) Закричали, воскликнули. 3) Дроби (Тр. Общ. любит. росс. словесн., кн VII, стр. 325). 4) Стрѣльнемъ. 5) Горсть (ibidem, стр. 296). 6) Погоди (ibidem, стр. 311). 7) Смотрѣть. 8) Выпалитъ. 9) Очнулся. 10) Въ крови (Тр. Об. люб. рос. слов., кн. VII, стр. 310, и Оп. области. великор. словаря, стр. 153). 11) Ужасъ, страхъ (Труды Общ. люб. рос. сл., кн. VII, стр. 296). 12) Надѣлала. 13) Ружье 14) Пулею.

сивъ Прохиръ на пни, а Омелько видмиравъ [1] пьятнадцять ступынивъ да-й циле прямисенько въ Прохореву кучму [2], а Прохиръ тильки зна натягуе шапку, щобъ не збывъ јију Омелько. Трельнувъ Омелько. Прохиръ якъ снипъ покатывся. «А шо, каэ Омелько самъ соби, не збывъ, пропала кварта горилки!» А дали якъ пидыйшовъ да побачывъ, шо Прохиръ зовсимъ умеръ, знявъ зъ іого кучму—ажъ куля навзкризь голову пробыла. «Эге, сказавъ самъ соби, оце я понызывъ!»

l. Купывъ соби мужикъ новы шкаповы чоботы, жинци накупывъ каблучковъ [3], а доци сережки. Прышовъ празныкъ, ото уси и понадивалы свои обновки. Мужикъ сивъ на покутя, выставывъ ногу и човга [4], щобъ то бачылы іого чоботы, и каэ жинци: «а чому се у насъ хата не метена?» Жинка выставыла поперєдъ себе руки, разтопырыла пальци, щобъ то бачылы јију каблучки, да-й каже: «чи я-жъ не казала!» А дочка замотала головою, такъ що сережки зателипалысь [5], да каэ: «оце лыхо, скилько јију разивъ на день месты?»

m. Накынувъ Грыцько коня арканомъ да-й тягне на гору, а кинь тягне пидъ гору; арканъ хоть и дуже крипкій бувъ да порвавсь, а кинь сторчъ [6] головою покатывсь. Баче Грыцько, шо кинь перевертнемъ чеше, да-й каже: «оце бисова скотына яка сылна! бачъ, новый арканъ якъ перегорывъ!» А Ныкыта и пыта у Грыцька: «яка-жъ скотына, чи та, що перевернулась, чи та, що стоить?»

n. Продавъ мужикъ товаръ да пишовъ дёгтю купыты, да увыйшовъ въ таку, бачъ, лавку, дѣ фиги-миги продають и всяки ласощи [7]. Выйшовъ, поставывъ мазныцю биля чобота да и

---

1) Отмѣрилъ. 2) Кучма — особливый родъ крестьянской шапки (Тр. Об. люб. рос. словесности, кн. VII, стр. 304). 3) Колецъ, перстней (ibidem, стр. 299). 4) И колышитъ, качаетъ. 5) Телипаться — болтаться (ibidem, стр. 518). 6) Торчма, стремглавъ. 7) Лакомства (Словарь при Энеидѣ Котляревскаго, стр. 12).

дывыця. Купець iого и пыта: «чого се тоби надошно?» — Я дывлюсь, каэ мужикъ, що тутечки продаеця? Купець и розсердывся на мужика да-й закрычавъ: «дураки, дураки, дураки!» — Оце да-й расходъ на ныхъ велыкiй, каэ мужикъ; оце ты тильки одынъ и зоставсь!

о. «Дывысь, тату! [1] видъ чого се: иншiй колосокъ, якъ поглянешъ, такъ до земли и прыпада, а иншiй якъ стовбуръ [2] стоить?» — Гай, гай! каэ батько, бачу, шо ты ще не розуинный и того не втелепавъ, зъ дуба выри(о)съ, а ума, бачу, не вынисъ! ото котрый повный, то такъ до земли и прыпада, а котрый пустый, то такъ до горы и дереця. «Отъ теперъ-же-то я, тату, й догодавсь — видъ чого се нашъ пысарь Иванъ Гургуня такъ до горы нисъ дере!»

р. «Хто тамъ до тебе прijиздывъ учора, пытае панъ у свого мужика, шо ты до мене прыбигавъ за самоваромъ?» — Да якiйсь панъ. «Да якiй-же, якъ iого прозвище?» — Оце-й забувъ. Такось, якъ на птаха скидаеця: je птахъ такiй. «Сорочиньскiй?» каэ панъ. — Ни. «Горобьевскiй» — И то ни! «Сыныцькiй?» — Да ни. А шобъ iого! отъ на уми вертыця, да не згадаю [3]... Вербицкiй, Вербицкiй, пане! насылу згадавъ. «Ты-жъ казавъ, що iого прозвище на птаха скидаеця?» — Ге! да шо, хиба птахъ на вирби и не сидить?

q. Прыходе мужикъ до пана, выйшовъ у горницю да-й ставъ, а у пана бувъ попугай, котрый тильки и умивъ казаты: дуракъ мужикъ! Мужикъ стоить у пороги, а попугай усе каэ: дуракъ мужикъ! А мужикъ усе iому кланиеця, а дали и каже: «звините, ваше благородье! я думавъ, що вы птыця.»

г. Прысудылы козаки повисыты цыгана за то, що кобылу вкравъ. «Ой, батечки! каэ цыганъ, не вишайте-жъ мене за

---

1) Отець. 2) Обрубокъ каменный или деревянный. 3) Не вспомню.

шію, а луче пидъ мышки, за тымъ що я лоскоту дуже боюся!»

s. Шовъ мужикъ гаемъ [1], а жидъ за нымъ. Мужикъ и прыдержавъ гильку [2], а дали пустывъ, гилька и фыльнула [3] жида по маршизи [4] такъ, що-й око выбыла. «Ай, веймиръ, зацвенькавъ жидюга ухватывшись за пыку [5], а дали и каэ мужикови: спасиби со придерзавъ, а то и обои мозе оцы выбыла!»

t. Шовъ мужикъ полемъ, а за нымъ шовъ жидъ. Дывыця мужикъ: на земли лежать часы; винъ и пиднявъ, а жидъ тее побачывъ, да-й каэ: «цуисъ (чуешь), Иване! а со ты пиднявъ?» — А на що тоби?» Якъ на со? то мое, я іого загубывъ [6] уцора.» — Учора? да я сёгодня уранци и въ-пивдня тутечки разивъ зъ тры проходывъ, да не бачывъ ихъ. «Да со — со ты не бацывъ?» — А то, що ихъ нашъ панъ загубывъ, бо винъ тутечки сёгодня јиздывъ. «Ну, показы мини, а я-зъ тоби зказу: цы воно паньске, цы мое?» — На, гляды! «Дай-зе мини у руки.» — Ни, вже выбачай [7]. «А я-зъ тоби казу, со воно мое; я взе дамъ тоби рубль гросей.» — Не хочу! «Цуисъ, сцѣ кварту горилки.» — Не хочу! «А бодай тебе, якій ты завзятый! ну сцо-зъ ты хоцесъ?» — Нычого, понесу до пана. «Ну, колы вэе такъ, понесемъ вмисци и сказемъ, сцо вмисци й знаслы, то панъ намъ дасць сто рублывъ гросей и мозе сце й коня на прыдацу.» — Ото дило! «Ну такъ ходимъ-зе заразъ!» — Ни, нехай уранци, теперычки вже не рано. «Дай-зе мини, нехай воны у мене полезать до ранку [8]» — Ни вже, за цю мову [9] бувай здоровъ! «Ну, я-зъ до тебе завтра уранци забизу.» — Ото дило!

---

1) Лѣсомъ. 2) Вѣтвь. 3) Хлестнула. 4) По рожѣ (Тр. Общ. люб. рос. слов., кн. VII, стр. 306). 5) За лице (ibidem, стр. 312). 6) Потерялъ. 7) Не прогнѣвайся 8) До утра. 9) Мова — рѣчь.

Побигъ жидъ у свою корчму, а мужикъ прямисенько пшовъ до пана. Ото-й побачывъ іого панъ да-й пыта: «что тебѣ нужно?» — Да я, пане, найшовъ вашы часы. «Спасибо, братъ, спасибо, что принесъ; вотъ я тебѣ за это дамъ пару овецъ.» — Спасиби, пане! Да тутъ јe прыцыпка. «Какая?» Мужикъ и разказавъ панови, якъ до нёго жидъ прыцыпывся. Панъ выслухавъ да-й каэ: «нужно съ жидомъ штуку съиграть. Возьми ты, братъ, часы назадъ, а завтра приходи вмѣстѣ съ жидомъ и въ награду проси по пятидесяти батоговъ, слышишь?» — Чую. «Ну, ступай же.» Прыйшовъ мужикъ до дому, переночувавъ, а на другій день ще сонечко не всхопилось [1], якъ жидъ прыбигъ до хаты мужиковой да-й гуркотыть въ виконечко [2]. «Иванце, Иванце! цы ты спысъ?» — Сплю. «А вставай: узе пора йты до пана.» — Колы пора, то й пидемо. Прышлы до пана, а панъ якъ будто вычòго не зна, пытаеця у ихъ, чого имъ треба? «Якъ цого, пане, а зезъ(вже-жъ) я знайсовъ васы цасы, а Иванце зо мною.» — А спасибо; ну, чѣмъ же васъ наградить? «Да колы мылость ваша, пане, обизвався мужикъ, то по пьятидисать батогивъ.» — Цуръ, дурню, со ты казесъ (кажешь)! «Да те, що треба!» — Хорошо, сказалъ панъ. Эй люди! отведите ихъ на конюшню. «Ой, веймиръ! не хоцу я́ ныцого, не хоцу я ныякой награды!» — Помилуй, Лейбо, какъ-же мнѣ не наградить васъ! — Сказавшы се, панъ моргнувъ на людей, шобъ то, бачъ, схватылы жида да нéби [3] и мужика. Люды схватылы и прывелы у конюшню; прышовъ и панъ у конюшню я пыта: «кому першъ [4] даты награжден(ь)е?» — Звисно, пане, що Лейби, за тымъ що винъ першій найшовъ и першій у насъ на сели, якъ вашъ арендаторъ. «Ну, ладно! сказавъ панъ, кладите Лейбу.» Ото-й положилы Лейбу и

---

1) Не встало, не взошло. 2) Окошечко. 3) Какъ будто. 4) Напередъ, прежде.

выдщиталы іому зъ перцемъ пьятьдесять; якъ выдщиталы, тогди панъ и каэ мужикови: «ну, братъ, теперь и твоя очередь!» — Ни, пане, якъ Лейба першій найшовъ, то іому слидуе тры четверти, а мини остальне. «И то правда! сказавъ панъ, кладите Лейбу.» Положилы Лейбу, ще выдщиталы іому двацятьпьять. Мужикъ зновъ каэ: «пане, я чоловикъ зажитошный соби, маю и худобыньку 1) и хату зъ кимнатою 2) а дитокъ не маю, тильки една жинка; а у Лейбы и жинка, и дитокъ богацько 3), а хаты чортъ-ма 4), то я іому и свои двацятьпьять на дитокъ отдаю.» — Это твоя, братъ, воля! сказавъ панъ, отщитайте Лейбѣ остальные двадцать пять. Положилы сердеку и у третій разъ, да такъ выдщиталы, що водыци далы напытысь, а то може-бъ довго лежавъ. Прыбигъ жидъ до дому, а жинка и пыта іого: «цы богацько панъ давъ?» — Сотню. «Со-зъ такъ мало?» — Ай, трясьця 5) іого мамѣ! бисивъ музыкъ! давъ бы око выколоть за батоги!

п. «Чого се ты дома сидышъ, казала жинка мужикови, чому се ты не поведешъ вола въ Москву? тамъ, кажуть, хороши грόши дають за воливъ.»—Оле! и то правда, спасиби що нагадала. Ото и повивъ мужикъ вола въ Москву продавать, и стрича 6) іого у Москви москаль и каэ: «здоровъ хахолъ!»—Будте здоровы, москалю! «Што, братъ, продаешь козла?» — Якого козла? «Што ведешь за рога.» — Да се вилъ! «Што ты, безмозглый хахолъ, дурачить што-ль пришолъ?» — Да Бигъ зъ вами, се вилъ! «Да Богъ съ тобою, хахолъ, это козелъ! тебя ешшо поколотатъ, какъ будешь говорить, што это волъ.»— Отчалюйте, отчалюйте 7), москалю! я бачу, що у васъ не уси дома. «Погоди, отчалитъ хто-нибудь тебя!» Мужикъ повивъ

---

1) Худоба — имущество (Словарь при Энеидѣ Котляревскаго, стр. 23). 2) Свѣтелкою. 3) Много. 4) Нѣту. 5) Лихорадка (Тр. Общ. люб. рус. слов., кн. VII, стр. 319). 6) Встрѣчаетъ. 7) Отчаливай.

вола дали, а москаль перевулками побигъ да знову іому на ветричъ йде. «Здоровъ, хахолъ!» каэ москаль. А мужикъ и не втелепавъ [1], що то той самой москаль, що перше здоровкався, да-й каэ: «здоровы булы!» — Не продаешь ли козла? Мужикъ глядыть на москаля да-й дума: «чи воны подурилы, чи москали, що на вола кажуть козелъ!» — Ну, што вылупилъ глазища? тебя спрашиваютъ, не продаешь ли козла? «Да акій се козелъ, се вилъ.» — Гдѣ волъ? «Да осе!» — Вотъ тебѣ, проклятый хахолъ, штобъ не дурачилъ людей! и давизнувъ [2] москаль мужика по потылыци [3], и пишовъ соби. «Оце лыхо!» дума мужикъ: ужь самъ соби, сердека, не вире. «Може се манія [4] яка! побачу, що буде дали, а то й брошу — цуръ іому!» Повивъ вола дали, а москаль — що то за хытрый бувъ! — побигъ да надивъ вже мундёръ, да-й зновъ иде на ветричъ мужикови, щобъ то, бачъ, зовсимъ зъ пантолыку збыты [5]. «Эй ты, лоботрясъ! што заплатилъ за козла?» Злякавсь [6] бидный мужикъ: «оце лыхо! дума самъ соби, я й казавъ, що се манія яка, а не вилъ!» да уже зрадовавсь, що москаль озвався. «Цуръ іому, щобъ я за собою манію водывъ!... Я іого продаю» кав москалю. — А што просишь? «Да дисать корбованьцивъ.» — Што-о! ахъ ты, мужицкая твоя харя! да гдѣ же ты слышалъ, штобы за козла платили по десяти цалковыхъ? «Да не серчайте бо, господынъ служивый! вы кажить, що даете.» — Цалковой. «Накыньте хоть що-нибудь!» Москаль баче, що мужикъ зовсимъ здуривъ, ну торговаця, и выторговавъ вола за два корбованьця.

Пишовъ мужикъ до дому; выйшовъ у хату, кинувъ на пилъ батигъ и шапку, ставъ да-й дывыця на жинку. «Ну що, пытае

---

1) Не призналъ, не смекнулъ. 2) Ударилъ. 3) По затылку. 4) Призракъ, привидѣніе (Словарь при Энеидѣ Котляревскаго, стр. 13). 5) Съ разуму сбить. 6) Испугался (Тр. Общ. люб. рос. слов., кн. VII, стр. 298).

іого жинка, продавъ вола?» — Якого вола? «Да бурого, що въ Москву повивъ.» — Ге, вола! бувъ вилъ, да зкозлятывсь 1)!

х. Ны продавъ мужикъ вола въ губерныи и веде до дому; закинувъ іому ланцюгъ 2) на роги; а москали видризалы ланцюгъ да привьязалы свого брата москаля, а вола повелы зновъ на ярманокъ у губерныю. Ото привьязанный москаль якъ смыкне 3) за ланцюгъ, мужикъ и оглянувся и баче, що замисъ 4) вола привьязана служба 5). «Що се таке?» каэ самъ соби. А москаль каэ іому: «пусти меня, мужичокъ! за што ты меня привязалъ, вѣдь я табѣ ничаво не сдѣлалъ.» Мужикъ спугався да и ланцюгъ упустывъ, а москаль тымъ часомъ взявъ да утикъ 6). Вернувся знову мужикъ въ губерныю и баче, що іого вола москали вже продають на ярманци, а знакомый чоловикъ зъ ихъ же села торгуе того вола; ото винъ пидыйшовъ до нёго да-й каэ: «эй, брате, не купуй сёго вола! се не вилъ, а манія: отъ теперъ винъ зовсимъ якъ вилъ, а выведешъ за губерныю, той стане служба!»

у. Прыјихавъ Грыцько у Москву и ставъ биля дзвоныци 7) Велыкаго Ивана, да галкй й щита, а на ту биду йде москаль да й пыта Грыцька: «што ты, хахолъ, дѣлаешь?» — Галкй щитаю, господа служба! «Какъ, што? гáлки считаешь?» — Эге! «Какъ-же ты смѣешь казенныя галки считать — а?» — Хиба-жъ воны зправди казены? «А ты, безмозглой, и этаво не зналъ! пойдемъ въ полицію.» — Да за що, господа служба, въ полыцію? «Какъ за што? за галки.» — Да помылуйте! «Што тутъ съ тобою толковать, пойдемъ, говорятъ; а не то за шиворотъ потащу!» — Да помылуйте-бо! може вамъ грошей треба? «А сколько ты галокъ нащиталъ?» — Да усего тильки два десятка. «По гриввѣ за штуку!» — Да звольте-жъ,

1) Окозлятился. 2) Цѣпь, оборотъ. 3) Дернетъ, потянетъ. 4) Вмѣсто. 5) Солдатъ. 6) Убѣжалъ. 7) Колокольни.

тильки помылуйте! Полизъ у кишеню 1) Грыцько, доставъ мидякивъ 2) пригоць 3), выдщитавъ москалеви два рубли, да мерщій 4) видъ нєго, прибигъ до своихъ да-й смієця. «Чого се ты смієся?» пытаюця іого хлопци. — Кихъ, кихъ, кихъ! оце обдурывъ москаля; кажуть. що москаля не обдурышъ; я нащитавъ галóкъ може сотни зъ дви. а сказавъ іому тильки двадцять!

z. Бижить мужикъ. а на встричъ іому иде москаль; мужикъ и пыта у москаля: «москалю. москалю! чи не находывъ ты торбынки 5). а въ торбыньци выторопокъ 6) да дви 7) паляныци?» — Што? «Чы не находывъ ты торбынки, а въ торбыньци выторопокъ да дви паляныци?» — Нѣтъ, я нашолъ мяшокъ, а въ мяшкѣ заяцъ да двѣ ляпёшки. «Ни, кае мужикъ. се не мое!»

аа. Москаль побачывъ, що у мужика на горыщи 8) висе сало, да тыхесенько й полизъ. щобъ то. бачъ, іого зняты. Знявъ сало, да вмисци зъ саломъ якъ загуркотыть 9). бо стеля 10) була у хати уже труклява 11). Ото винъ и впавъ у хату, а у хати чоловикъ зъ жинкою да зъ дитками вечерялы 12). Шо тутъ робыты москалеви? винъ заразъ вскочилъ на ноги да и пыта у мужика: «а што, братъ, не были-ль здѣся наши колядники?13)» — Ни, не було. «А коли не были, такъ прощай!» И зъ симъ словомъ москаль выбигъ зъ хаты. «Оце лыхо! кае жинка чоловикови 14), мини здаеця, що у москаля було наше сало? — И то бачъ, кае мужикъ, а полизь лышинь на горыще

1) Въ карманъ (Тр. Общ. люб. рос. сл., кн. VII, стр. 301). 2) Мѣдныхъ денегъ. 3) Пригорщь, горсть. 4) Скорѣе (Тр. О. люб. рос. слов., кн. VII, стр. 306). 5) Мѣшка. 6) Заяцъ (Опытъ обл. великорусс. словаря, стр. 32). 7) Двѣ. 8) На чердакѣ. 9) Громко застучать; здѣсь: провалиться съ шумомъ. 10) Потолокъ. 11) Дряблая, гнилая (Опытъ обл. великорусс. словаря, стр. 233). 12) Ужинали. 13) Тѣ, которые славятъ по дворамъ на праздникъ коляды. 14) Мужу.

да погляды. Полизла жинка, побачыла, що нема сала, да-й каэ: «нема, чоловиче!» — Оле! ну вже-жъ хочъ москаль и вкравъ сало, за тожъ и самъ страху набрався!

bb. Шовъ мужикъ зъ поля, пидходе до своей хаты, зиркъ въ викно, а у хати москаль цюлуе іого жинку. Мужикъ мерщій у хату, а москаль прымитывъ мужика да мерщій на покути, вкрывся — небито спыть. Мужикъ шасть у хату и баче, що москаль спыть, а жинка пораеця биля пички [1]). «Хиба-жъ то я нычого й не бачывъ!» каэ мужикъ. «А що ты тамъ бачывъ?» пыта іого жинка. — Якъ що, бисова дочка! «За що ты лаешся, вражій сыну?» — Якъ за що! хиба-жъ я не бачывъ, якъ тебе москаль цюлувавъ. «Колы?» — Якъ колы! Господа служба! господа служба! каэ мужикъ москалеви; бачъ, небито й спыть! оце лыхо, въ очи обдурюють! «Што за шумъ!» каэ москаль, продыряючи очи — бачъ хоче показаты, що спавъ. — Якъ що за шумъ! А на що вы мою жинку цюлувалы? «Када?» — Якъ колы! да заразъ. «Што ты ошалѣлъ, што ли? я къ начальству пойду, пожа*люсь*, што ты мнѣ покою не даешь; на ученьи былъ, усталъ...» — Да таки и пидить, господа служба! каэ жинка, пожалуйтесь на іого. Се іому видъ пьянства такъ вздрилося [2]). «Оце лыхо! каэ мужикъ, далеби [3]) що самъ бачывъ.» — Да што ты одурѣлъ — што ли? Мужикъ здвыгнувъ плечими и дума: «а може мини й показалося.» — Какъ-же ты видѣлъ? пыта іого москаль. «Да у викно» каэ мужикъ. — А постой, я пойду погляжу.

Пишовъ москаль да и глядыть у те саме викно, у которе глядывъ и мужикъ, да и каже: «вотъ и ты цалуешь!» — Да ни, господа служба! далеби-то що ни, каэ мужикъ дывуючись. «Нѣтъ, братъ, цалуешь!» — Оце оказія! каэ мужикъ. А идить

---

1) Возится, убирается около печи. 2) Показалося. 3) Ей, по истинѣ (Тр. Общ. л. рос. сл., кн. VII, стр. 294).

вы, служба, у хату, а я ще пиду подывлюсь. Москаль выйшовъ у хату да зновъ ставъ жинку цюлуваты, а мужикъ дывыця у викно да и каэ: «цюлуете, господа служба, далеби що цюлуете!» — Вотъ я тебѣ говорю, што это окно такъ показываетъ! «А и справди, се викно не певне [1]), мороче воно насъ зъ вамы! каэ мужикъ вхôдючи у хату; треба забыты iого, господа служба! бачете, що воно зачаровано.»

сс. Прышовъ москаль на квартеру да-й каэ хозяйци: «хазявка! нѣту ли чаво поѣсть?» — Je, каэ хозяйка. «Ну такъ давай!» Ото-й постановыла Хивря передъ москалемъ повнисеньку макитру вареныкивъ, — дума соби, що москаль повной не зъjисть. Почавъ москаль поратьця биля вареныкивъ, упорався такъ, що тильки на донычку трошки [2]) зосталось. Баче москаль, що вже трохи вареныкивъ въ макитри да-й пыта Хиврю: «хазявка! а какъ называетца евта ѣда?» Хивря дуже розсердылась на москаля за вареныки да зъ сердцемъ iому й каэ: «жры мовчки!» [3]) — А славные жрмочки! каэ москаль, нельзя ли ешо подложить евтихъ жрмочковъ?

dd. Прыjихавъ зъ кiевской бурсы сынъ зажиточнаго мужика Петра Дренчика, хлопья мале, да що то розумне да презумне, таке що забуло — якъ зъ намы и говорють и якъ зовецця плугъ, або потылыця, усе по пысьменьскому раздобарюе: потылыця, каэ, не потылыця, а затылокъ. Ото ходе винъ зъ батькомъ по двору и баче, що лежать грабли, винъ и пыта батька: «тату, якъ воно зовеця?» да-й наступывъ на зубци. Ще батько и не видвитывъ iому, якъ грабли вченого паныча вчистылы по мармызи такъ, що искры зъ очiй посыпалысь. «Ай, бисовы грабли!» заскыглывъ [4]) панычъ, а батько

---

1) Обыкновенное (Тр. Об. люб. рос. слов., кн. VII, стр. 310). 2) Немножко. 3) Молча. 4) Жалобно запищалъ (Малорус. словарь Чужбинскаго, стр. 147).

й каэ: «такъ тоби й треба, сыну! вчись да розуму не провчи [1]; скоро ты забудешъ, якъ и мене звать.»

ее. Ѝхавъ Омелько зъ губерныи до дому, а школяръ тожъ бигъ до дому. Баче школяръ, що на дорози велыка калюжа [2], да-й почавъ прохаты Омелька, шобъ винъ іого перевиэъ, а Омелько й каэ: «ты, братику, вченый, перейдешъ—якъ захочешъ.»—Э, колы-жъ такъ, каэ бурсакъ, то я-жъ тоби зроблю штуку. Тильки що Омелько въјихавъ въ калюжу, а бурсакъ вбигъ за нымъ, да-й сивъ верхи на коня да-й выдрызавъ гужи у хамути, и перејихавъ черезъ калюжу; а Омелько зоставсь у калюжи. Що тутъ робыты Омелькови? треба злазыты зъ воза да ловыты коня, що бурсакъ перејихавши бросывъ на тымъ боци [3], а самъ узявъ да-й утикъ. Піймавъ Омелько коня, запригъ якъ прышлось у самой калюжи, и прыјихавъ до дому. Входе у хату и баче, що бурсакъ сидыть на покутя въ іого хати. Омелько и ротъ розявывъ да-й пыта жинку: що се? якъ се?—Да ночуваты попросився, каэ жинка. «Гу! каэ Омелько; добре, спасыби, жинко! що пустыла. Отъ теперъ-жежъ то я зъ тобою, бисове дытя, розтурбуюсь [4].» Що тутъ робыты бурсакови? утикъ бы, да Омелько и хату защепнувъ и самъ ставъ биля дверей. Ото и каэ Омелько бурсакови: «а ходы лышинь сюда, вченый панычу!» Бурсакъ пидыйшовъ. «А що се таке?» пыта Омелько и показуе на огонь. —А щожъ, дядюшка, каэ бурсакъ, якъ не огонь! «Ни, брешишъ» каэ Омелько, да якъ згарбавъ [5] школяра за чупрыну да круте, круте, да приговорюе: «брешишъ, се не огонь, а чистота!» Ажъ моторошно [6] стало бурсакови, да нычого робыты. А дали велывъ Омелько жинци прынесты кухлыкъ [7] воды, да зневъ пыта у

---

1) Проучи. 2) Лужа (Словарь при Энеидѣ Котляревскаго, стр. 10). 3) На той сторонѣ. 4) Расправлюсь; турбовать — безпокоить кого, трогать (Тр. Общ. люб. рос. слов., кн. VII, стр. 319; Опытъ обл. великор. словаря, стр. 234). 5) Сграбилъ. 6) Жутко. 7) Кувшинъ.

бурсака: що воно je?—Вода, кае бурсакъ. «Ни, брешишъ, кае Омелько, се не вода, а благодать!»—да зновъ згорбавъ бурсака за чуприну и ну крутыты, ажъ слёзы якъ горохъ сыплюця изъ очій у бурсака, а Омелько iого круте за чуприну да прыговорюе: «се не вода, а благодать!» — Ну а се що? пыта зновъ Омелько у бурсака и показуе на стелю. «Стеля, дядюшка!» кае бурсакъ. «А, бачъ, ты вченый, да не знаешъ, що се высота!» да зновъ почавъ за чуба крутыты; крутывъ, крутывъ, ажъ искры посыпалысь изъ очій у бурсака; сердека-бурсакъ ажъ упавъ! Тогди Омелько звазавъ: годи! [1].

Писля сёго Омелько зъ жинкою повечерялы, а бурсакови не далы, да-й леглы спаты. Лигъ и бурсакъ, да не спыця iому: почувъ, що мужикъ зъ жинкою захропылы, тыхесенько видсунувъ заслинку у печи, доставъ огню, и вышовъ зъ хаты да и пидложывъ той огонь пидъ стриху; хата мужикова и загорилась, а бурсакъ видсунувъ виконечко да-й крычить мужикови: «дядюшка, а дядюшка! встаньте да поглянъте, що воно робыця!» — А що тамъ таке? кае Омелько. «Якъ що? хиба-жъ вы не бачыте, що чистота побигла на высоту. А вы, дядюшка, мерщій берить благодать да йдить хату залывать!»

ff. Шовъ москаль чи въ домовый отпускъ, чи що, а iого догона конемъ Грыцько зъ нашого села — чоловикъ усимъ знакомый, той що у цвынтари [2] въ велыкій пистъ стоить зъ каламаромъ [3] да проскуры [4] подписуе, бо бувъ соби чоловикъ письменный. Iого звалы по батюшци Максымовычъ, Ото винъ догнавъ москаля, а москалю захотилося пидъjихаты, бо дуже утомывся сердека. Москаль и гукнувъ [5] Грыцьку: «здоровъ хахолъ Максимовичъ!» Грыцько не розчукавъ [6], якъ

---

1) Довольно. 2) Въ церковной оградѣ (Словарь, приложенный къ Энеидѣ Котляревскаго, стр. 24). 3) Съ чернилицею (ibidem, стр. 10). 4) Просвиры. 5) Закричалъ. 6) Не разслышалъ.

іого москаль назвавъ по імени, а тильки почувъ що по балакъ-ци такъ улучивъ [1]; опынывъ [2] коня, глядыть на москаля, потылыцю чеше и самъ сміецця. «Што, кав москаль, аль не позналъ — што ли?»—Ни, кав Грыцько. «Вотъ-те на! Нешто забылъ, какъ мы стояли въ вашей деревнѣ?»—Да чы не Иванъ вы, господа служба? «Насилу вспомнилъ, Максимычъ! а братъ твой, али сватъ, какъ бишь ево — тотъ, што водочку тово...»—Се Иванъ, да винъ мини дядько доводыцця; нема вже іого, господа служба! «Да гдѣ же онъ?»—Вмеръ. «Ой ли! а славной былъ мужикъ, царство небесное!» Москаль взявъ да-й перехрыстывсь. «Да вы, бачу, усихъ нашыхъ знаете; сидайте лышинь на визъ, я васъ пидвезу.» Москалю тильки того й хотилось. Сивъ москаль на визъ да якъ переговорывъ усе, що було, а мовчки сидиты не хотилося, и кав Грыцькови: «Максимычъ! давай, братъ, рифми говорить.» — Якъ се то рыхмы? «Да такъ, штобъ было до ладу.»—А щожъ, давай. «Вотъ, напримѣръ, какъ твоего дѣда звали?» — Кузьмою. «Я твоего Кузьму за бороду возьму.»—Ни, се не звычайно [3]; мій дидъ бувъ чоловикъ велмы поважаемый, за що іого за бороду браты? «Эхъ, братъ, не знаешь ты дѣла! ну, какъ твоего дядьку звали?»—Хиба-жъ ты не знаешъ, що Иванъ! «Твой дядько Иванъ большой болванъ.»—Бачъ, бисова служба, ще-й лаеця! А якъ-же тебе зовуть? «Леонтій.»—Э, колы Леонтій, то злизай зъ воза. «Да евто не рифма.» — Да що, хоть не рыхма, а ты геть пишовъ зъ воза!

gg. Ходывъ якійсь панъ по охоти зъ легавою собакою, зовсимъ якъ треба, а мужикъ ще до схидъ сонця вставъ да може дѣ яку й десятыну зоравъ [4] и сивъ соби снидаты хлибъ да сало. Ото панъ и пидходе до нёго и пыта: «а що се ты ро-

---

1) Попалъ. 2) Остановилъ. 3) Звичайный — обыкновенный, вѣжливый. 4) Спахалъ.

бышъ, чоловиче?» — Снидаю, пане! «Снидаешъ?» — Эге! «А щожъ ты снидаешъ?» — Що снидаю? хлѣбъ да сало. «Сало! да и собака моя не буде јисты сала, хоть брось јий.» Мужикъ и выдрызавъ шматочикъ [1] сала и кинувъ собаци да-й дывыця, що то зъ того буде, а панъ щось не наше зказавъ собаци. Собака й дывыци на сало, а јисты бонця. Мужикъ поглядуе то на пана, то на собаку, а дали зкинувъ кучму, почухавъ [2] потылыцю и каэ: «отъ теперъ-жежъ то я, пане, догадавсь, видъ чого вона не јисть сала; бачу, що и вона едыной зъ вашы породы.»

hh. Прыјихавъ якійсь панъ у свое село; винъ дѣсь въ другимъ мисци живъ довго-довго, такъ що мужики не зналы, що тамъ за панъ у ихъ. Ото и прыјихавъ да заразъ вылизъ зъ кареты и пишовъ до горници, а іого собака, чи вона мыдлянська, чи або яка, съ довгимы ушима, зосталась у карети. Ото една жинка и каэ своему чоловикови: «чоловиче! пиду лышинь я побачу, що тамъ за панъ такій!» — Иды, каэ чоловикъ. Ото-й пишла жинка на панській дворъ и баче, що стоить карета. Вона заразъ до ней и дывыця; подывылась и пишла соби до дому. Ото-й пыта јии чоловикъ: «а що, жинко, чи бачыла пана?» — А якъ-же! «А якій же винъ?» — Да якій? зовсимъ якъ нашъ барбосъ, тильки уши довши [3].

ii. Побачывъ Пудъ у паньи маленьку собачку на рукахъ, да хорошу, да мохнату-премохнату, да-й каэ самъ соби: «що то за бисови глачане, чого воны не зроблять!»

kk. «Що то за скусны [4] нимци! казавъ Нестуръ, бачъ обизяну выдумалы!

(Собраны учителемъ грайворонскаго уѣзднаго училища, въ курской губерніи, г. Островскимъ.)

---

1) Кусочикъ. 2) Почесалъ. 3) Длиннѣе. 4) Искусны.

ПРИМѢЧАНІЯ.

2.

Катигорошекъ.

Сказка эта, какъ и многія другія, начинается похищеніемъ дѣвицы лютымъ змѣемъ, который убиваетъ двухъ ея братьевъ. Осиротѣлая ихъ мать молитъ Бога, и ради этой молитвы совершается чудо: катится горошинка. «Божій даръ!» думаетъ она, подняла горошинку и съѣла—отъ того понесла и родила богатыря, будущаго побѣдителя страшныхъ сказочныхъ змѣевъ. Богатырь выросъ, названъ Покатигорошкомъ; сила его чрезмѣрна. Подобно другому сказочному богатырю, Ивану Попялову, онъ пробуетъ скованную для него желѣзную семи-пудовую булаву о свое колѣно; онъ вырываетъ дубъ съ корнемъ, разбиваетъ мизинцемъ въ щепы колоду въ четыре сажени толщины и въ двѣнадцать длины, а дуновеніемъ своихъ устъ превращаетъ ее въ пепелъ; вмѣстѣ съ змѣемъ онъ ѣстъ желѣзный хлѣбъ и желѣзные бобы [1]). Въ сказкѣ, напечатанной подъ № 10, Надзей-богатырь также чудесно родился отъ пепла сгорѣвшей головы и одаренъ громадною силою. Съ Покатигорошкомъ соединяются другіе сказочные богатыри *Вернигора* и *Вернидубъ*, имена которыхъ указываютъ уже на степень ихъ силы: одинъ поворачиваетъ горы, другой вывертываетъ дубы.

---

1) Сличи съ сказкою въ изданіи Кулиша: «Записки о южной Руси», т. 2, стр. 52.

Но оба они уступаютъ въ силѣ Покатигорошку; мы еще встрѣтимся съ ними въ другихъ народныхъ сказкахъ; въ № 10 этого выпуска тоже выведенъ богатырь *Горыня*. — Сказка о Покатигорошкѣ имѣетъ много варіантовъ, съ которыми читатели познакомятся при изданіи сказокъ изъ собранія В. И. Даля. Она сходна съ напечатанною во второмъ выпускѣ сказкою: «Иванъ Попяловъ» (N 30). Г. Максимовичъ передаетъ содержаніе украинской сказки о Катигорошкѣ (см. Русск. Бесѣда, 1856 г., т. 3, стр. 100—101): бездѣтная жонка шла по воду, увидѣла — катится по дорогѣ горошина, подняла и съѣла; родился богатырь, который, при помощи своего вѣщаго воронаго коня, совершаетъ разныя чудныя похожденія, между прочимъ захватываетъ морскую пани; но подвиги эти совсѣмъ иные, а не тѣ, какіе составляютъ содержаніе бѣлорусской сказки, нами напечатанной. — Ржаніе коня, вой собаки, крикъ сокола—все это примѣты къ бѣдѣ, несчастію.

3.

Волкъ и лиса.

Смотри еще варіантъ въ изданіи г жи Авдѣевой: «Русскія сказки для дѣтей, разсказанныя нянюшкою Авдотьею Степановною Черепьевою». (Изд.3. СПБ. 1856, стр. 48—54.) Здѣсь напечатано только *семь* сказокъ, переданныхъ просто, но безъ соблюденія мѣстныхъ оборотовъ языка. Въ прекрасной книгѣ Гаупта и Шмалера: «Volkslieder der Wenden in der Ober- und Nieder-Lausitz» (Grimma, 1843, in 4, часть 2-я, стр. 164—6) помѣщены два любопытные списка сказки о волкѣ и лисѣ: № 6 — «Битый небитаго везетъ»; № 7 — «Несчастливая рыбная ловля волка». Въ первой сказкѣ волкъ и лиса отправляются искать приключеній. Погода была чудная и мѣ-

сяцъ ярко свѣтилъ на небѣ. Вотъ пришли они къ небольшому источнику. «Что это?» спросилъ волкъ. — Гдѣ? говоритъ лиса. «Да вотъ въ водѣ!» Полный мѣсяцъ отражался въ источникѣ. —Это славный сыръ. «Я бы охотно его попробовалъ!»— Выпей напередъ воду. И волкъ принялся тянуть въ себя воду, а лиса тутъ-же заткнула его пробкою. Вылокалъ онъ всю воду до дна, а сыра нѣтъ! Послѣ того отправились они въ прядильню, гдѣ парни собрались на вечерницу. Лиса примѣтила, что здѣсь приготовлены славныя колбасы; захотѣлось ей попробовать, да какъ? у дверей лежитъ цѣпной песъ и не пуститъ. Она ототкнула у волка пробку — и вода полилась и стала наполнять комнату, все выше и выше. Тутъ всѣ напустились на волка, принялись его ругать, бить, и вытолкали вонъ; а лиса межъ тѣмъ подхватила колбасы, съѣла, и вымазалась нарочно брусникою, которая подлѣ стояла. Приходитъ къ волку, а тотъ къ ней съ укорами; лиса притворилась избитою, окровавленною, увѣрила волка, что ей и самой досталось, и уговорила пріятеля посадить ее къ себѣ на спину и отнести домой. Волкъ согласился; дорогой лиса причитываетъ: «битый небитаго несетъ!» Волкъ услыхалъ и переходя черезъ перекладину, сбросилъ ее въ ровъ съ водою. — Смотри также нѣкоторыя подробности объ этой сказкѣ въ статьѣ г. Пыпина въ Отечественныхъ Запискахъ 1856 года, № 5, стр. 9—16.

4.

Лиса и жбанъ.

Начало этой сказки сличи съ разсказами о лисѣ, напечатанными въ выпускѣ I, стр. 9—10 и выпускѣ II, стр. 109—111. Въ бѣлорусскомъ варіантѣ подробности о томъ, какъ хитрила лиса, чтобы избавить мужика отъ волка, пере-

даны съ особенною полнотою. По замѣчанію г. Пыпина, подобная сказка существуетъ у эстонцевъ, гдѣ также лиса пугаетъ медвѣдя охотниками (Отеч. Зап. 1856 года, № 5, стр. 19).

Но болѣе всего въ этой сказкѣ обращаетъ наше вниманіе— конецъ: хитрая лиса сама попадается въ просакъ и дѣлается жертвою своей собственной недогадливости и злости. Разсказъ о лисѣ и жбанѣ, сходный съ нашимъ, но переданный въ необыкновенно-увлекательной поэтической формѣ, существуетъ у чеховъ; смотри въ изданіи Шафарика — «Wýbor z literatury české» (1845 г., Прага, стр. 228—230: Bájka o lišce a čbanu). Шафарикъ относитъ эту байку къ XIII столѣтію. «Въ числѣ любимыхъ чтеній средневѣковой Европы, говоритъ онъ, были разсказы о животныхъ. Слѣдующая байка (о лисичкѣ и ведрѣ) свидѣтельствуетъ, что уже въ XIII столѣтіи у чеховъ были извѣстны подобныя сочиненія, ибо по языку своему можетъ быть отнесена она къ этой отдаленной эпохѣ. Находится она въ рукописи Градецкой (нынѣ въ книгохранилищѣ Лобковицкомъ) и напечатана въ первый разъ въ собраніи басень Пухмайера, въ Прагѣ 1795 г.; также въ сочиненіи Томсы: «Ueber Veränderungen der böhm. Spr.» 1805 г., стр. 72.» Смотри еще разсказъ о лисѣ и кувшинѣ въ IV-мъ выпускѣ «Народн. русскихъ сказокъ» (№ 19).

Приведемъ кстати еще одинъ варіантъ сказки: «Мужикъ, медвѣдь и лиса», записанный въ тульской губерніи членомъ-сотрудникомъ Русскаго Географическаго Общества, г. Мясоѣдовымъ:

Пахалъ мужикъ ниву; пришелъ къ нему медвѣдь и говоритъ ему: «мужикъ, я тебя сломаю!» — Нѣтъ, не замай (т. е. не трогай); я вотъ сѣю рѣпу, себѣ возьму хоть корешки, а тебѣ отдамъ вершки. «Быть такъ, сказалъ медвѣдь, а коли обманешь —такъ въ лѣсъ по дрова ко мнѣ хоть не ѣзди!» Сказалъ

и ушелъ въ дуброву. Пришло время: мужикъ рѣпу копаетъ, а медвѣдь изъ дубровы вылѣзаетъ. «Ну, мужикъ, давай дѣлить!» — Ладно, медвѣдюшка! давай я привезу тебѣ вершки — и отвёзъ ему возъ ботвы. Медвѣдь остался доволенъ честнымъ раздѣломъ. Вотъ мужикъ наклалъ свою рѣпу на возъ и повезъ въ городъ продавать; а на встрѣчу ему медвѣдь: «мужикъ, куда ты ѣдешь?» — А вотъ, медвѣдюшка, ѣду въ городъ корешки продавать. «Дай-ка попробовать, каковъ корешокъ!» Мужикъ далъ ему рѣпу. Медвѣдь какъ съѣлъ — «а — а! заревѣлъ, ты меня обманулъ, мужикъ! корешки твои сладеньки. Теперь не ѣзжай ко мнѣ по дрова, а то задеру!» Мужикъ воротился изъ города и боится ѣхать въ лѣсъ; пожогъ и полочки, и лавочки, и кадочки, наконецъ дѣлать нечего — надо въ лѣсъ ѣхать. Въѣзжаетъ потихонечку; откуда ни возьмись бѣжитъ лисица. «Что ты, мужичокъ, спрашиваетъ она, такъ тихо бредешь?» — Боюсь медвѣдя, сердитъ на меня, обѣщалъ задрать. «Небось медвѣдя, руби дрова, а я стану порскать (охотничій терминъ); коли спроситъ медвѣдь: что такое? скажи: ловятъ волковъ и медвѣдей.» Мужикъ принялся рубить; глядь — анъ медвѣдь бѣжитъ и мужику кричитъ: «эй, старикъ! что это за крикъ?» Мужикъ говоритъ: «волковъ ловятъ да медвѣдей.» — Охъ, мужичокъ! положи меня въ сани, закидай дровами да увяжи веревкой; авось подумаютъ, что колода лежитъ. Мужикъ положилъ его въ сани, увязалъ веревкою, и давай обухомъ гвоздить его въ голову, пока медвѣдь совсѣмъ окачурился (издохъ). Прибѣжала лиса и говоритъ: «гдѣ медвѣдь?» — А вотъ околѣлъ! «Ну чтожъ, мужичокъ, теперь нужно меня угостить.» — Изволь, лисынька! поѣдемъ ко мнѣ, я тебя угощу. Мужикъ ѣдетъ, а лиса впередъ бѣжитъ; сталъ мужикъ подъѣзжать къ дому, свиснулъ своимъ собакамъ и притравилъ лисицу. Лиса пустилась къ лѣсу и юркъ въ нору; спряталась въ норѣ и спрашиваетъ: «охъ вы, мои глазоньки, что вы смотрѣли,

когда я бѣжала?» — Охъ, лисынька, мы смотрѣли, чтобъ ты не спотыкнулась. «А вы, ушки, что дѣлали?» — А мы все слушали, далеко ли псы гонятъ. «А ты, хвостъ, что дѣлалъ?» — Я-то, сказалъ хвостъ, все мотался подъ ногами, чтобъ ты запуталась да упала, да къ собакамъ въ зубы попала. «А-а, каналья! такъ пусть же тебя собаки ѣдятъ.» И высунувъ изъ норы свой хвостъ, лиса закричала: «ѣшьте, собаки, лисій хвостъ!» Собаки за хвостъ потащили и лисицу закамшили (т. е. задавили: см. Опытъ обл. великорус. словаря, стр. 79, 88). Такъ часто бываетъ: отъ хвоста и голова пропадаетъ.

6. 13.

Жена безъ рукъ. Косоручка.

Сказка эта передается еще съ слѣдующими измѣненіями: жилъ-былъ царь, у него были сынъ и дочь. Царь померъ и остались одни—братецъ съ сестрицей. «Сестрица! говоритъ онъ, отдадимъ тебя замужъ.» — Нѣтъ, братецъ, лучше тебя напередъ женимъ. Вотъ онъ и женился, а сестрицу все не забываетъ, и при женѣ любитъ и почитаетъ ее по старому: въ иномъ дѣлѣ жены не послушаетъ, а что скажетъ сестрица — то и сдѣлаетъ. Братниной женѣ стало то завистно. Вотъ разъ какъ-то онъ уѣхалъ, жена возьми что ни есть лучшаго коня подъ золотымъ ковромъ изрубила на мелкія части. Пріѣзжаетъ мужъ, она сидитъ да плачетъ. «Чего ты плачешь?» — Какъ же мнѣ не плакать? твоя сестра-злодѣйка пришла въ конюшню да что ни есть лучшаго коня подъ золотымъ ковромъ изрубила на мелкія части. «Ну пусть волкамъ будетъ мясо!» Въ другой разъ уѣхалъ мужъ; жена взяла сокола въ золотой клѣткѣ — изрубила на мелкія части, сама сидитъ да плачетъ. Воротился мужъ. «Чего ты плачешь?» —

Какъ же мнѣ не плакать? твоя сестра-злодѣйка взяла сокола въ золотой клѣткѣ — изрубила на мелкія части. «Ну чтожъ, сова его клюй!» Опять уѣхалъ мужъ, жена взяла свое дитя, изрубила на мелкія части, сидитъ и разливается горючими слезами. Пріѣхалъ мужъ и спрашиваетъ: «чего ты плачешь?» — Какъ же мнѣ не плакать? твоя сестра-злодѣйка изрубила нашего дѣтеныша! [1]). Братъ приказалъ сестрицѣ нарядиться: «пріодѣнься-ка да поѣдемъ со мною!» Не говоря ни слова, она одѣлась; братъ взялъ топоръ и повезъ ее въ лѣсъ; остановился у дубоваго пня и говоритъ: «ну, сестра, клади свою голову на этотъ пень. Я ее отрублю!» Стала сестрица лить передъ нимъ слезы и упрашивать: «родимой мой братецъ! не руби головы, отруби лучше мои бѣлыя руки по самые локотки.» Онъ отрубилъ ей руки по самые локотки и уѣхалъ домой, а сестрица пошла скитаться по лѣсу: гдѣ день, гдѣ ночь! Ходючи по темному лѣсу, изорвалась она, всю одёжу по кустамъ оставила, и стали кусать её комары да мошки — а прогнать-то нечѣмъ! вотъ она и спряталась въ дупло. На ту пору выѣхалъ на охоту королевичъ; собаки напали на ея слѣдъ, прибѣжали къ дуплу, такъ и вьются вокругъ дерева да лаютъ. «Кто здѣсь? спросилъ королевичъ; озовись и выходи!» — Я бы вышла, говоритъ дѣвица, да я голая! «Ничего, выходи и такъ!» Вотъ она и вышла: увидалъ королевичъ, что она такая красавица, а безъ рукъ, взялъ ее одѣлъ и повезъ къ себѣ во дворецъ [2]). Только снится ему, что гово-

1) По другому разсказу, братъ, воротившись домой, привозитъ десятокъ яблокъ, пять отдалъ сестрѣ, а пять оставилъ себѣ съ женою. Этой послѣдней стало завидно; она растрепала свои косы, изорвала свое платье, заплакала и стала жаловаться на сестру, что та ее избила. И въ другой разъ сдѣлала тоже, а въ третій убила своего ребенка и сказала на сестру.

2) *Варіантъ:* День и два ходила она по лѣсу не ѣвши, не пивши; на третій день пробилась въ царской садъ и увидала яблоню, а на яблонѣ висятъ три яблочка очень низко — ртомъ достанешь. Она не утерпѣла, подо-

ритъ чей-то голосъ: возьми ты за себя замужъ эту безрукую — она породитъ тебѣ сына — по локти руки въ золотѣ, по колѣни ноги въ серебрѣ, во лбу красное солнце, на затылкѣ свѣтёлъ мѣсяцъ! Снится разъ, и два, и три раза. Вздумалъ королевичъ на ней жениться, а мать говоритъ ему: «развѣ нельзя найтить королевну, что хочешь на ней жениться? Она хоть и красавица, да рукъ нѣту.»—Ничего, говоритъ, вить ей не работать; я красоту ея и сплю — въ глазахъ вижу! Ну и женился. Стали они жить. Только королевичу понадобилось ѣхать въ то государство, откудова пришла его жена; онъ и наказываетъ своей матери: «матушка, какъ скоро родится у меня сынъ — сейчасъ напиши ко мнѣ.» Простился и уѣхалъ. Пришло время; королевичева жена родила сына—по локти руки въ золотѣ, по колѣни ноги въ серебрѣ, во лбу красное солнце, на затылкѣ свѣтелъ мѣсяцъ. Королева сейчасъ написала къ сыну письмо; посланный съ этимъ письмомъ зашелъ въ домъ къ злой братниной женѣ. Та вывѣдала обо всемъ и подмѣнила письмо другимъ, въ которомъ написала: родила де твоя жена щенка, а не сына. Какъ прочиталъ королевичъ письмо, призадумался и написалъ къ матери въ отвѣтъ, чтобъ до пріѣзда его выслали королевну изъ царства вонъ, а то де какъ пріѣду —совсѣмъ ее изрублю. Вотъ дѣлать-то нечего, привязали ей

шла, схватила зубами одно яблочко и скушала. Яблоки были завѣтныя: царь настрого приказалъ садовнику беречь ихъ, а не устережетъ — такъ около самой этой яблони грозилъ отрубить ему голову. Ввечеру пришелъ царь въ садъ и видитъ: нѣтъ одного яблока. Сталъ допрашивать садовника, да на первой разъ простилъ его. Первая вина, сказалъ, прощается, а за другую — берегись — и самъ голову положишь. На другой день садовникъ опять не углядѣлъ: дѣвица сорвала и другое яблочко и скушала. Еще разъ простилъ царь садовника. На третій день съѣла дѣвица и послѣднее яблочко. Разсердился царь, велѣлъ принести мечъ и хочетъ срубить садовнику голову. Вдругъ явилась дѣвица и говоритъ: «ваше царское величество! не прикажи рубить ему голову. Я всему дѣлу виновна, сѣки мою голову!» Царь тутъ прельстился ея красотою, и женился на ней.

ребенка полотенцемъ къ плечамъ и выслали изъ царства. Пошла она, куда глаза глядятъ. Шла долго-долго; захотѣлось ей напиться, вотъ она нагнулась къ колодцу и уронила мальчика въ воду. Стоитъ и плачетъ. Идетъ старецъ. «Что ты плачешь?»— Сына уронила въ воду, дѣдушка! «Достань его.» — О, еслибъ у меня были руки! «Нагнись только и протяни локотки.» Она нагнулась и протянула локотки — и вдругъ стали у нея руки; она взяла ребенка и стала благодарить Бога. «Ну, ступай съ Богомъ!» сказалъ старецъ и невидимо исчезъ [1]). Пошла королевна путемъ-дорогою, пришла къ своему брату, а тамъ и королевичъ; попросилась она ночевать. Пустили ее и заставляютъ сказывать сказки. Она говоритъ: «я сказывать сказки не умѣю, а умѣю сказывать правду. Только чуръ меня не перебивать, а кто перебьетъ — съ того голова долой!» На томъ и положили... (Продолжается сказка также, какъ и напечатанная въ текстѣ: «Косоручка».) Узналъ королевичъ свою жену и обрадовался. Братнину жену тотчасъ присудили привязать къ злому жеребцу и пустить въ чистое поле. Понёсъ ее жеребецъ и размыкалъ по полю: гдѣ ударилась она головою — тамъ сдѣлалась высокая могила, гдѣ ударилась задомъ—тамъ стала глубокая долина. А королевичъ и теперь живетъ съ своею королевною да радуется.

Въ собраніи сказокъ братьевъ Гриммовъ (ч. I, N 31) встрѣчается такое же сказаніе (Das Mädchen ohne Hände): жилъ-былъ мельникъ въ большой нищетѣ. Однажды рубилъ онъ дрова. Пришелъ къ нему старикъ (это былъ — чортъ) и

---

1) *Варіантъ:* Захотѣла она распеленать свое дѣтище — и не можетъ; аплакала горько. Идетъ старичокъ сѣдой-сѣдой и спрашиваетъ ее: чего плачешь? Она все ему разсказала. «Ну, говоритъ старичокъ, шевельни своими плечами — у тебя будутъ руки!» Она шевельнула три раза плечами—и стали у ней руки попрежнему... Оглянулась поблагодарить старика, смотритъ — нѣтъ никого!

сказалъ: «полно съ топоромъ возиться! я сдѣлаю тебя богачемъ, если пообѣщаешь отдать мнѣ то, что позади твоей мельницы.» Мельникъ подумалъ, и пообѣщалъ. «Смотри же, черезъ три года я явлюсь къ тебѣ!» сказалъ чортъ съ страшнымъ хохотомъ. Воротился мельникъ домой. Жена и спрашиваетъ: «откуда вдругъ явилось у насъ въ домѣ такое богатство?» Мужъ разсказалъ. «Ахъ! съ ужасомъ воскликнула мельничиха; это былъ чортъ, и ты обѣщалъ ему дочь: она стояла за мельницей!» Дочь мельника была прекрасна и скромна, боялась Бога и не вѣдала грѣха. Время между тѣмъ шло, и вотъ настала пора. Она умылась чисто и сдѣлала вокругъ себя мѣломъ кругъ. Явился чортъ, но не въ силахъ былъ къ ней приблизиться. Съ гнѣвомъ приказалъ онъ мельнику: «унеси всю воду, чтобъ не могла она больше умываться.» Мельникъ исполнилъ приказаніе. На другое утро опять явился чортъ, но дѣвица прослезилась на руки и онѣ были совершенно чисты. Чортъ не могъ ничего сдѣлать и сказалъ мельнику: «отруби ей руки!» — Какъ мнѣ отрубить руки своему собственному дѣтищу? Злой духъ началъ грозить: «если не сдѣлаешь этого, я тебя унесу!» Несчастный отецъ передалъ обо всемъ дочери. «Милой отецъ! отвѣчала она, дѣлай со мною, что хочешь: я твое дитя.» Положила свои руки и дала отрубить ихъ. Въ третій разъ пришелъ чортъ; но она такъ много и такъ долго плакала на свои обрубленныя руки, что онѣ были совсѣмъ чисты, — и чортъ потерялъ на нее право. — Такъ начинается нѣмецкая сказка, и это начало интересно именно тѣмъ, что указываетъ на преданіе объ очистительномъ значеніи воды и слёзъ. Дальше сказка продолжается такъ: безрукая дочь не осталась дома; съ восходомъ солнца пустилась она въ путь, шла день и ночь и пришла къ королевскому саду. При свѣтѣ мѣсяца увидѣла она деревья съ прекрасными плодами; но кругомъ сада была вода. Цѣлый день не ѣла бѣдняжка и, чувствуя мучительный

голодъ, преклонила колѣна и стала молиться Богу. Вдругъ явился ангелъ въ бѣлой одеждѣ, заперъ воду и по осушенному рву провелъ ее въ садъ. Здѣсь стояло дерево съ отличными грушами, и плоды эти были всѣ на счету. Она подошла и скусила съ дерева одну грушу, а потомъ скрылась въ лѣсной чащѣ. Садовникъ видѣлъ и дѣву и ангела, и принялъ ее за духа. На другой день узналъ обо всемъ король, и самъ пришелъ ночью въ садъ. Опять пришла въ королевскій садъ дѣвица. «Кто ты, духъ или человѣкъ?» Она отвѣчала: «я несчастная, всѣми оставленная, кромѣ Бога!» — Если весь міръ тебя оставилъ, я не оставлю! сказалъ король, взялъ ее въ свой замокъ и сдѣлалъ своею женою. — Послѣдующій разсказъ совершенно сходенъ съ нашею сказкою: король уѣзжаетъ, жена рожаетъ прекраснаго малютку, мать короля посылаетъ къ нему письмо съ этимъ радостнымъ извѣстіемъ, посланный на пути засыпаетъ; чортъ подмѣняетъ письмо другимъ, въ которомъ написано, что королева родила урода; подмѣняетъ онъ и отвѣтное письмо короля другимъ, въ которомъ требуетъ, чтобъ королеву съ ребенкомъ убили и въ знакъ исполненія такого приказа сберегли ея глаза и языкъ. Мать короля велѣла убить оленя, а королеву отпустила съ привязаннымъ назади ребенкомъ въ дикій лѣсъ; Богъ посылаетъ хранить ее ангела. Семь лѣтъ она живетъ въ лѣсу, въ избушкѣ, и по милости божіей отрубленныя руки снова у ней выросли. Воротясь домой и узнавъ о томъ, что случилось, король отправляется искать королеву и даетъ обѣтъ: не пить и не ѣсть, пока не найдетъ своей подруги. Богъ укрѣпляетъ его силы, и послѣ долгаго странствованія онъ наконецъ находитъ и жену и сына. — Между нѣмецкими варіантами этой сказки (Kinder- und Hausmärchen 1856, т. III (Геттингенъ), стр. 57—59) любопытенъ слѣдующій: у одного нечестиваго отца была дочь, еще дитя; она все молилась день и ночь, не смотря на отцовской запретъ. Злой отецъ отрѣзалъ ей языкъ.

Съ тѣхъ поръ она молилась мысленно, кладя рукою крестъ; раздраженный отецъ отрубилъ ей кисть правой руки. Она стала полагать крестъ лѣвою. Тогда онъ отсѣкъ ей правую руку по локоть и сказалъ: «ступай отсюда, или отрублю тебѣ и лѣвую руку!» Дѣвочкѣ было семь лѣтъ, и она пошла дальше и дальше, и пришла къ замку богатаго графа. Егерь сжалился надъ нею и позволилъ ей жить вмѣстѣ съ собаками: съ ними она и пила и ѣла. Случилось — разъ она стояла у воротъ; бѣднякъ-старикъ попросилъ у нея милостыни. Она подала ему. «Ты получишь снова и языкъ и руку», сказалъ онъ и далъ ей посохъ: «возьми этотъ посохъ и ступай прямо впередъ.» Она взяла, долго-долго шла и пришла къ водѣ; захотѣла напиться и только наклонилась къ водѣ, приплылъ языкъ и крѣпко приросъ во рту; окунула обрубленный локотокъ—приплыли рука и кисть и крѣпко приросли къ своему мѣсту.—Сказка о безрукой дѣвицѣ есть въ изданіи: «Der Pentamerone oder das Märchen aller Märchen von Giambattista Basile» и въ Сербскихъ приповѣткахъ Караджича. Въ итальянской сказкѣ (т. I, № 22) король хочетъ жениться на сестрѣ. Не желая такого грѣшнаго союза и узнавъ, что прекрасныя руки ея больше всего тронули братнино сердце, сестра велѣла отрубить ихъ и послала ему въ даръ. Раздраженный король заключаетъ ее въ ящикъ и бросаетъ въ море. Ящикъ выкинутъ волнами на берегъ, рыбакъ принимаетъ королевну къ себѣ; но ревнивая жена его снова бросаетъ ее въ море. Въ другой разъ спасаетъ несчастную одинъ король и женится на ней. Содержаніе сербской сказки (№ 33) такое: жили-были мужъ съ женою; у мужа была дочь отъ перваго брака добрая и красивая, какъ горная вила, высокая и стройная, какъ ель, бѣлолицая, какъ лилія, и румяная, какъ яблоко. Мужъ уѣхалъ на войну, а злобная мачиха приказала отвесть падчерицу въ густой лѣсъ, убить и принести къ ней двѣ руки ея и сердце. Слуги взяли

ее, увели въ лѣсъ, привязали къ дереву и хотѣли убить. Заплакала дѣвица и стала молить ихъ и заклинать о пощадѣ. «О, отсѣките мои руки, но оставьте жизнь; я бы отдала вамъ и мое сердце, еслибъ знала, какъ безъ него жить!» Сжалились слуги, отсѣкли ей однѣ руки, и воротясь домой сказали, что сердце потеряли дорогою. Осталась бѣдная падчерица безъ рукъ въ пустынѣ. Но въ тотъ часъ — хвала Богу! — явился во снѣ ея отцу нѣкій человѣкъ и сказалъ: воротись домой; твоя безбожная жена изгубила твою дочь; «него тражи у «војсци црна коња без биљега, бијелу бедевију без биљега, «ата врана пријед нејахана и ждребну кобилу, и од свакога «узми по три длаке репне, изгори на огањ, па оніјем прахом «поспи ране својој шћери, те ће одмах бити као што је пријед «била.» Отецъ такъ и сдѣлалъ; пустился въ лѣсъ, нашелъ свою дочь болѣе мертвою, чѣмъ живою; посыпалъ ей раны пепломъ конскихъ хвостовъ — и она въ тотъ-же часъ оживилась; изникли у нея руки не отъ мяса, а отъ «сухаго» злата. Отвелъ онъ свою златорукую дочь домой, а злую мачиху привязалъ за хвосты къ лошадямъ: такъ испустила она свою душу!

Въ сказку о безрукой дѣвицѣ занесены два любопытныя преданія, указывающія на ея старинное происхожденіе, что̀ подтверждается и выставленными здѣсь отношеніями брата къ сестрѣ. Братъ самъ опредѣляетъ мѣру наказанія обвиненной сестрѣ и самъ исполняетъ это наказаніе: очевидный намекъ на обычаи и нравы глубокой старины. Преданія, занесенныя въ разсматриваемую нами сказку, говорятъ: а) во-первыхъ — о рожденіи чудесныхъ дѣтей, у которыхъ во лбу мѣсяцъ, противъ сердца красно солнце, по бокамъ часты звѣзды. Преданіе это, исполненное миѳической таинственности, часто встрѣчается въ народныхъ сказкахъ и былинахъ; смотри сказку, напечатанную въ этомъ выпускѣ № 7, которая въ варіантахъ своихъ многими подробностями сходится съ приведенными те-

перь разсказами о безрукой дѣвицѣ. Въ былинѣ про Дуная Ивановича читаемъ: Настасья-королевишна признается мужу—

У меня есть въ утробѣ чадо милое,
По колѣнъ у чада ноги въ золотѣ
По локоть у чада руки въ серебрѣ,
Во лбу у чада солнце красное,
На затылкѣ свѣтёлъ мѣсяцъ,
По косицамъ (вискамъ) часты звѣзды.

(Прибавл. къ Извѣстіямъ Академіи Наукъ по II отдѣл., 1853, стр. 167. Смотри также Сербск приповѣтки, стр. 74: «чадо златоруко и златокосо» (т. е. златоволосое), стр. 128: дѣва съ звѣздою на правомъ колѣнѣ; Гриммъ: Deutsche Mytholog., т. I, стр. 364; Kinder-und Hausmärchen, ч. I, стр. 56: дочь съ златою звѣздою во лбу; Валахск. сказки, № 16, 23.) d) Во-вторыхъ — о чудесномъ выростаніи отрубленныхъ рукъ при первомъ прикосновеніи ихъ къ цѣлющей водѣ. Языческая вѣра въ живую воду въ нѣкоторыхъ варіантахъ уже замѣняется сказаніемъ, въ духѣ христіанскаго воззрѣнія, о чудѣ, которое творится божіими угодниками, ради молитвъ несчастной матери, уронившей свое дитя въ воду.

7.

Чудесные мальчики.

Смотри примѣчаніе къ № 6. Сказка о чудесныхъ мальчикахъ разсказывается съ разными измѣненіями; въ собраніи В. И. Даля есть нѣсколько варіантовъ этой сказки, которые будутъ сообщены въ послѣдующихъ выпускахъ. Бѣлорусская редакція, сообщенная въ настоящемъ выпускѣ, слишкомъ сжата, но она любопытна по вошедшему въ нее древне-языческому преданію о переходѣ душъ: чудесныя дѣти (на лбу мѣсяцъ, на затылкѣ звѣзда), погибшія жертвами злобы, превращаются

въ деревья съ золотыми и серебреными вѣтвями, потомъ въ барашковъ съ сохраненіемъ своихъ прежнихъ чудныхъ знаковъ, и наконецъ опять въ мальчиковъ. Съ бѣлорусскою редакціей весьма близка валахская сказка (№ 8): «Золотыя дѣти». Наряженый въ брачныя одежды, доброй молодецъ стоялъ у воротъ въ раздумьи: невѣста у него была хоть и съ приданымъ, да не хороша собою. Въ то время шла мимо красавица-дѣвица и сказала ему: «женись на мнѣ, я принесу тебѣ *золотыхъ* дѣтей.» Онъ женился на красавицѣ, а прежняя невѣста пошла къ нему въ служанки. Черезъ годъ молодая жена родила двухъ прекрасныхъ золотыхъ мальчиковъ. Служанка со злобы взяла ихъ, убила и зарыла на дворѣ, а въ колыбель положила щенка. «Твоя жена вѣдьма!» говорила она своему прежнему жениху. Онъ велѣлъ щенка убить, больную жену прогналъ изъ дому, а самъ женился на злой и хитрой служанкѣ. Скоро выросли на дворѣ двѣ яблони съ золотыми вѣтвями и золотыми яблоками; выросли онѣ изъ сердецъ зарытыхъ дѣтей. Злая жена пристала къ мужу, чтобъ велѣлъ срубить эти деревья. «По крайней мѣрѣ, сказалъ этотъ, сдѣлаемъ изъ нихъ двѣ кровати.» Кровати были сдѣланы и поставлены; мужъ и жена легли на нихъ спать. «Послушай, братъ! стала говорить одна кровать; какъ тебѣ — тяжело ли?» — Мнѣ легко, отвѣчала другая; на мнѣ лежитъ нашъ добрый отецъ. «Ахъ, а я изнемогаю подъ бременемъ; мнѣ такъ тяжело, что я держу на себѣ эту дьявольскую женщину, которая сдѣлала несчастными и нашего отца и нашу мать!» Жена услышала этотъ разговоръ, и на другой день велѣла изрубить обѣ кровати и сжечь огнемъ. Послѣ того одна овца, которая съѣла съ чудеснаго дерева золотое яблоко, принесла двухъ золотыхъ ягнятъ. Жена приказала и ихъ убить, вмѣстѣ съ овцою, вынуть ихъ внутренности, вымыть въ рѣкѣ начисто и сварить на обѣдъ. Служанка пошла на рѣку мыть эти внутренности, упустила одну

кишку въ воду и не могла достать. Какъ же удивилась она, когда увидѣла, что кишка раздулась и лопнула у другаго берега, а изъ нея вышли двое прекрасныхъ золотыхъ дѣтей. Они отыскали свою мать; всѣ трое одѣлись въ нищенское рубище и пришли домой. Тутъ все было узнано, и злая жена изгнана навсегда. (Сличи съ сербскою сказкою, № 27.) — Подобная же сказка встрѣчается и въ «Тысячѣ одной ночи» (Москва, 1774. in 8. т. XII, стр. 147 — 263). Султанъ подслушалъ въ одномъ домѣ разговоръ трехъ сестеръ. Старшая высказала желаніе быть замужемъ за султанскимъ хлѣбникомъ, средняя — за султанскимъ поваромъ, а младшая — за самимъ султаномъ: «я бы (сказала она) родила ему сына съ золотыми и серебреными волосами; еслибъ онъ заплакалъ — то вмѣсто слёзъ катился жемчугъ, а еслибы вздумалъ улыбнуться — то уста его уподобились расцвѣтающей розѣ.» Султанъ исполнилъ ихъ желанія. Старшія сестры позавидовали младшей, и когда приспѣло ей время родить — выпросились быть повивальными бабками. Султанша родила прекраснаго, какъ день, мальчика; но сестры подмѣнили его щенкомъ, а мальчика посадили въ коробку и пустили на̀ воду. На другой годъ султанша родила другаго мальчика; онѣ подмѣнили его котенкомъ. На третій годъ султанша принесла дѣвочку, но сестры и эту подмѣнили кускомъ дерева. Разгнѣвался султанъ на жену, приказалъ одѣть ее въ рубище и заточить. Всѣ три ребенка были спасены главнымъ султанскимъ садовникомъ; они выросли и отправились добывать три диковинки: говорящую птицу, поющее дерево и золотую воду. Братья не совладали съ препятствіями и были превращены къ камни; а сестра избавила братьевъ и добыла диковинки. Узналъ про то султанъ и пріѣхалъ къ нимъ въ гости; они подали ему за столъ огурцы, начиненные жемчугомъ. Султанъ посмотрѣлъ съ удивленіемъ и сталъ спрашивать, чтобы это значило? Тогда говорящая

птица сказала: «можешь ли ты удивляться теперь, когда прежде такъ легко повѣрилъ, что жена твоя родила щенка, котенка и кусокъ дерева?» Окончаніе счастливое.

Сказка, на которой мы остановили теперь вниманіе читателей, послужила матеріаломъ для А. Пушкина, который такъ мастерски умѣлъ пользоваться простодушными разсказами живаго народнаго слова. Смотри его «Сказку о царѣ Салтанѣ, о сынѣ его славномъ и могучемъ богатырѣ князѣ Гвидонѣ Салтановичѣ и о прекрасной царевнѣ Лебеди» и приложенія къ I-му тому Сочиненій А. С. Пушкина, изд. Анненкова, стр. 437—8.

8.

Королевна и разбойники.

Варіантъ: Жилъ богатый именитой купецъ, у него была дочь-красавица. Прослышали про нее двѣнадцать разбойниковъ, свели съ купцомъ знакомство, стали навѣщать его, пить-гулять съ нимъ и веселиться. Разъ и зовутъ они къ себѣ въ гости купеческую дочку, разсказали ей дорогу; вотъ она и пошла. Пришла въ густой да темной лѣсъ, а тамъ стоитъ большой домъ. Входитъ въ двери, въ домѣ свѣтло, вездѣ огни горятъ, на столѣ всего наготовлено вдоволь — и пить, и ѣсть, а нѣтъ ни одной души. Пошла въ другую горницу; тамъ лежатъ все убитые да зарѣзанные, на кольяхъ торчатъ девять дѣвичьихъ головъ, а десятой колъ стоитъ пустой. На дѣвицу напалъ страхъ. Вдругъ раздался крикъ, шумъ, гамъ, она взяла да и спряталась подъ кровать. Пріѣхали разбойники и привезли съ собой красную дѣвицу, посадили ее за столъ и говорятъ: «не пей, не ѣшь, а за ужинъ почитай!» И стали сами ѣсть, пить, прохлаждаться и надъ дѣвицею разныя насмѣшки насмѣхать. (Затѣмъ слѣдуетъ разсказъ объ отрубленномъ пальцѣ и о

кольцѣ, поднятомъ купеческою дочерью.) На другой день купеческая дочь прибѣжала домой, съ лица совсѣмъ перемѣнилась. Отецъ началъ спрашивать: «что съ тобою? гдѣ пропадала?» Она ему все разсказала. Вотъ пріѣхали къ купцу разбойники, сѣли за столъ; купеческая дочь и говоритъ: «позвольте, я вамъ сказку разскажу.»—Ну, разскажи! Она стала разсказывать имъ свое приключеніе. «Полно, прерываютъ ее разбойники; сказка хороша, оставь на другой разъ!» А она все себѣ знай продолжаетъ. (Конецъ обыкновенной.) — Этою народною сказкою художнически съумѣлъ воспользоваться Пушкинъ въ своемъ «Женихѣ» (Соч. А. Пушкина, изд. Анненкова, т. III, стр. 407—414).

9.

СЧАСТЬЕ И НЕСЧАСТЬЕ.

Въ этой замѣчательной сказкѣ *счастіе* и *несчастіе* являются олицетворенными паннами, живыми миѳическими существами,—подобно тому какъ въ сказкѣ, напечатанной подъ № 14 этого выпуска, является живымъ существомъ *лихо*. Сравненіе этихъ сказокъ съ тѣми, въ которыхъ выведены дѣйствующими лицами двѣ доли: счастливая и несчастливая, приводитъ къ тому заключенію, что всѣ онѣ основаны на вѣрованіяхъ глубокой старины и по происхожденію своему весьма древни. Мы уже коснулись однажды преданія о двухъ доляхъ, и надѣемся еще разъ возвратиться къ этому любопытному сказанію. (См. Архивъ историко-юридич. свѣдѣній о Россіи, т. II, половина 1-я: моя статья «О значеніи Рода и Рожаницъ»; Современ. 1856 г., № 10, Костомарова: «О миѳическомъ значеніи горязлосчастія»).

Бѣлорусская сказка о счастіи и несчастіи сходна съ арабскою исторіею: «Кожіа Гассанъ Алгаббала» (Тысяча и одна

ночь, перев. съ французск. 1771 г., т. X., стр. 237—252; т. XI, стр. 4—50). Два пріятеля поспорили; одинъ утверждалъ, что при деньгахъ легко разбогатѣть, а другой увѣралъ, что богатство дается случаемъ и счастіемъ. Спорили, спорили и рѣшились на дѣлѣ испытать, кто правъ. Нашли они бѣдняка Гассана и дали ему сто золотыхъ, съ тѣмъ чтобы онъ съ помощію этихъ денегъ разбогатѣлъ отъ своихъ трудовъ и предпріимчивости. Гассанъ зашилъ деньги въ чалму, но коршунъ схватилъ съ его головы чалму и унесъ. Въ другой разъ дали ему двѣсти золотыхъ; Гассанъ завернулъ ихъ въ тряпицу и спряталъ въ кувшинъ съ отрубями. Жена, ничего не зная о томъ, промѣняла кувшинъ съ отрубями на песокъ, который ей понадобился. Въ третій разъ одинъ изъ споривших пріятелей далъ бѣдняку кусокъ свинца. Гассанъ отдалъ его рыбаку, который обѣщалъ за то подарить ему первую пойманную рыбу, и исполнилъ свое обѣщаніе. Въ рыбѣ нашелся алмазъ, который свѣтилъ лучше всякаго огня, и Гассанъ страшно разбогатѣлъ. Пришли къ нему въ гости оба спорщика, пошли гулять въ садъ и увидѣли гнѣздо коршуна, гнѣздо сняли и нашли въ немъ Гассанову чалму со всѣми деньгами; въ то-же время случайно купленъ былъ Гассановымъ невольникомъ и кувшинъ, на днѣ котораго нашлась тряпица съ завязанными въ ней золотыми.

11.

Илья-Муромецъ.

Смотри выпускъ 1, № 12. Въ варіантѣ, сообщенномъ П. В. Кирѣевскимъ, особенно любопытенъ разсказъ о томъ, какъ летаетъ къ королевнѣ змѣй (драконъ) и какъ Илья-Муромецъ избавляетъ отъ него королевну. Огненному змѣю народное повѣрье, вмѣстѣ съ похищеніемъ дѣвицъ, приписываетъ и нецѣломудренныя связи съ ними, плодомъ которыхъ бываютъ

богатыри-кудесники и кикиморы. Припомним Тугарина Змеевича и Волхва Всеславьевича. Раз

По саду, саду зеленому, ходила-гуляла
Молода княжна Марѳа Всеславьевна;
Она съ камени скочила на лютаго змѣя —
Обвивается лютой змѣй около чебота-зеленъ сафьянъ,
Около чулочка шелковова, хоботомъ бьетъ по бѣлу стегну,
А втапоры княжна понос понесла (т. е. забеременила),
А понос понесла — и дитя родила 1).

Родился могучій богатырь *Волхвъ*; во время его рожденія сотряслася земля, всколебалося море (Древн. рос. стихотвор., стр. 45; Сахарова: Сказанія русск. народа, т. II, стр. 6, 16). Летая къ красной дѣвицѣ, змѣй томитъ ее и сушитъ. Это народное повѣрье послужило мотивомъ, изъ котораго создались многія народныя сказки. Есть лубочная

Сказка о Силѣ-царевичѣ и объ Ивашкѣ-бѣлой рубашкѣ 2).

Жилъ-былъ царь, по имени Хотей; у того царя было три сына. Меньшаго звали Сила-царевичъ. Старшіе братья стали проситься у отца поѣхать-погулять въ иныя государства, людей посмотрѣть и себя показать; царь далъ имъ по кораблю и отпустилъ. И Сила-царевичъ пришелъ къ отцу и сталъ проситься со слезами—отпустить и его вмѣстѣ съ братьями. Царь сказалъ: «сынъ мой возлюбленный, Сила-царевичъ! ты еще младъ и къ дорожнымъ трудамъ не обыченъ; оставайся лучше

1) Сличи съ былиною въ Прибавленіяхъ къ Извѣст. Академіи Наукъ, т. III, стр. 278—280: «Ступила княгиня на люта змѣя на Горынича; вокругъ ея ножки змѣй обвился, хоботомъ бьетъ ее въ бѣлыя груди».

2) Сказка эта помѣщена и въ изданіи: «Лѣкарство отъ безсонницы или 2-ая часть настоящихъ русскихъ сказокъ. М., 1819». Мы передаемъ ее въ сокращенномъ разсказѣ.

дома». Но Сила-царевичъ такъ неотступно просился у отца, что царь далъ и ему корабль и отпустилъ въ дорогу. Сѣли царевичи на свои корабли, отвалили отъ берега и поплыли по морю: старшій братъ впереди, за нимъ средній, а Сила царевичъ позади. Плыветъ имъ на встрѣчу гробъ, обитый желѣзными обручами; старшіе братья пропустили его мимо, а Сила-царевичъ приказалъ корабельщикамъ спустить лодку, перенять тотъ гробъ и взять на корабль. Такъ и сдѣлано. На другой день поднялся великій вѣтръ, сбилъ корабль Силы-царевича съ пути, занесъ его въ незнаемую сторону и прибилъ къ берегу. Съѣхалъ царевичъ на тотъ берегъ и зарылъ гробъ въ землю; потомъ наказалъ корабельщикамъ дожидать его годъ, и два, и три, а самъ пошелъ, куда глаза глядятъ одинъ-одинёшенекъ. Шелъ онъ путемъ-дорогою цѣлыхъ три дня, никого впереди себя не видывалъ, а сзади никто его не обганивалъ; на четвертый день слышится ему — бѣжитъ за нимъ кто-то. Оглянулся царевичъ и видитъ: нагоняетъ его человѣкъ въ бѣлой одёжѣ; нагналъ, бросился ему въ ноги и началъ благодарить за свое избавленіе. «За что челомъ бьешь?» спрашиваетъ царевичъ.—Охъ, гой еси младой юноша, Сила-царевичъ! какъ мнѣ тебя не благодарить? вить я лежалъ въ томъ гробѣ, что́ ты перенялъ и велѣлъ похоронить; еслибъ не ты, я, можетъ статься, вѣчно бы плавалъ по морю. «Да какъ-же ты въ гробъ попалъ?» — Я называюсь Ивашка-бѣлая рубашка, великой еретикъ; мать прокляла меня, велѣла сдѣлать гробъ и, положивъ меня туда, закрыть на-глухо крышкою и набить желѣзные обручи, а потомъ бросила въ море [1]. Два года

---

1) Еретиковъ, по народному повѣрью, не принимаетъ земля; есть народныя преданія о гробахъ *проклятыхъ*, плавающихъ по водѣ; такъ объ убійцахъ Андрея Боголюбскаго разсказываютъ, что они плаваютъ по озеру въ коробахъ, обросшихъ мохомъ и не тлѣя стонаютъ отъ лютаго мученія. (Древній Боголюбовъ, городъ и монастырь съ его окрестностями, соч. Доброхотова,

плавалъ я по морю, никто меня не взялъ; одинъ ты сжалился. Бью челомъ за мое избавленіе, и буду тебѣ вѣрнымъ слугою. Если желаешь жениться, то я знаю прекрасную королевну Труду.—Сила-царевичъ сказалъ: коли та королевна собою хороша, то готовъ на ней жениться.

Послѣ того пошли они вмѣстѣ путемъ-дорогою, и шли близко ли, далеко ли, наконецъ очутились у того царства, гдѣ жила королевна; кругомъ стояли тычинки, какъ-бы полисадомъ обнесено, и на всякой тычинкѣ воткнуто по богатырской головѣ: только одна стояла незанятая. Сила-царевичъ ужаснулся и спросилъ, чтобъ это значило? «Это все головушки тѣхъ богатырей, что̀ сватались за прекрасную королевну Труду, сказалъ Ивашка-бѣлая рубашка; но ты не бойся, ступай смѣло.» Сила-царевичъ пошелъ во дворецъ, и какъ скоро увидалъ его король — сейчасъ самъ вышелъ на встрѣчу, принималъ его за руки бѣлыя, повелъ въ палаты каменныя, и сталъ распрашивать: «Охъ, ты гой еси доброй молодецъ! откуда пришелъ ты, изъ какого государства? котораго отца сынъ и какъ тебя по имени зовутъ?»—Я сынъ царя Хотея, а зовутъ меня Сила-царевичъ, и пришелъ къ тебѣ свататься за твою дочь прекрасную королевну. Король обрадовался такому жениху, собралъ князей и бояръ и обвѣнчалъ Силу-царевича на своей дочери; потомъ сѣли всѣ за столы дубовые, за скатерти браныя, пили-ѣли, прохлаждалися. Время молодымъ въ камору идти. Ивашка-бѣлая рубашка отозвалъ царевича и сказалъ ему: «слушай, Сила-царевичъ! какъ будешь съ своею супружницею опочивъ держать, станетъ она тебя цаловать, миловать, крѣпко къ сердцу прижимать, а ты съ нею ничего не твори — или про-

---

стр. 116—7; Московск. Наблюдатель, 1837 г., май, кн. 2, стр. 251). Чуваши, подозрѣвая въ покойникѣ колдуна, набиваютъ на его гробъ желѣзные обручи, чтобъ не выходилъ изъ могилы (Записки о Чувашахъ и Черемисахъ, соч. г-жи Фуксъ, стр. 14).

падешь, и голова твоя на послѣдней тычинкѣ будетъ торчать! А какъ наложитъ она на твою грудь свою руку и сдѣлается тебѣ тяжело — вскочи съ постели и бей ее палкою изо всѣхъ силъ; вить королевна-то любится съ нечистымъ духомъ: каждую ночь прилетаетъ онъ къ ней по воздуху въ видѣ шестиглаваго змѣя, и перекидывается человѣкомъ [1]. А я буду стоять у дверей на караулѣ.» Сила-царевичъ выслушалъ эти рѣчи, пошелъ съ своею прекрасною супружницею въ камору и легъ на постелю. Начала его королевна цаловать, миловать, крѣпко къ сердцу прижимать; а Сила-царевичъ не хочетъ сотворить обычную любовь съ нею. Королевна наложила на него свою руку и такъ давнула, что онъ насилу опомнился. Вскочилъ царевичъ съ постели, схватилъ палку и сталъ бить королевну, и билъ ее до тѣхъ поръ, пока не упала она замертво. Вдругъ поднялся вихрь — прилетѣлъ шестиглавой змѣй и хочетъ пожрать Силу-царевича; а Ивашка-бѣлая рубашка взялъ острой мечъ и началъ съ тѣмъ змѣемъ сражаться. Бились они ровно три часа; Ивашка срубилъ у змѣя двѣ головы — и змѣй улетѣлъ прочь. Поутру послалъ король провѣдать зятя, и когда принесли вѣсть, что онъ живъ и здоровъ, — король весьма возрадовался: это еще первый избавился отъ неминучей смерти. И цѣлый тотъ день король съ зятемъ веселилися, пили-ѣли, прохлаждалися. На другую ночь случилось тоже; Ивашка-бѣлая рубашка срубилъ змѣю еще двѣ головы. На третью ночь опять царевичъ билъ королевну, а Ивашка сражался съ лютымъ змѣемъ, срубилъ ему двѣ послѣднія головы и сжегъ змѣиное ту-

---

1) На картинкѣ этой лубочной сказки змѣй изображенъ въ видѣ чорта: такое представленіе летучаго змѣя (дракона) нечистою, злою силою согласно съ тѣми народными преданіями, которыя связываютъ съ нимъ характеръ демоническій. (См. Зооморенч божества у славянъ, въ Отечеств. Зап. 1852, № 3, стр. 14—15; Kinder-und Hausmärchen, ч. 2, № 125: «Der Teufel und seine Grossmutter»; Сербскія приповѣтки, № 20.)

ловище вмѣстѣ съ головами, а пепелъ развѣялъ по чистому полю.

Прошелъ годъ, и Сила-царевичъ просится у короля, чтобъ отпустилъ его съ родителями повидаться. Король отпустилъ. Сила-царевичъ и поѣхалъ въ путь-дорогу вмѣстѣ съ королевною. На половинѣ пути остановились и разбили палатки. Ивашка-бѣлая рубашка набралъ костеръ и зажегъ, выхватилъ мечъ и разсѣкъ королевну на-двое. Царевичъ заплакалъ горькими слезами. «Не плачь, опять будетъ жива!» сказалъ Ивашка. Какъ скоро разсѣкъ онъ королевну—изъ чрева ея поползли всякіе гады. «Видишь, какая нечистота! все это злые духи зародились въ твоей супружницѣ», сказалъ Ивашка-бѣлая рубашка; пожегъ всѣхъ гадовъ, потомъ сложилъ тѣло королевны и спрыснулъ живою водою: въ тужъ минуту она ожила и сдѣлалась столько же кроткою, сколько прежде была злою. «Ну, теперь прощай, Сила-царевичъ! ты меня больше не увидишь», сказалъ Ивашка и сталъ невидимъ. А Сила-царевичъ поѣхалъ къ морскому берегу, сѣлъ на свой корабль и приплылъ въ свое государство вмѣстѣ съ прекрасною королевною.

Подобное же преданіе занесено въ старинную русскую повѣсть о муромскомъ князѣ Петрѣ и супругѣ его Февроньѣ. Повѣсть эта исполнена совершенно-сказочнаго интереса и довольно часто попадается въ рукописныхъ сборникахъ нравственныхъ разсказовъ, повѣстей и сказокъ XVII и XVIII столѣтій. Я пользовался двумя сборниками (XVIII столѣтія), принадлежащими И. Е. Забѣлину [1]). Повѣсть начинается такъ.

«Сей [2]) убо въ русстѣй земли градъ, нарицаемый Муромъ, въ немъ же бѣ самодержствуя благовѣрный князь Павелъ.

---

1) Проф. Буслаевъ упоминаетъ объ этой повѣсти по рукописи XVI вѣка (Эпическ. поэзія въ Отеч. Запискахъ 1851 г., № 7, стр. 42—43). 2) По другому списку: «Бысть».

Искони ненавидя [1]) врагъ діаволъ, всели непріязненнаго летящаго змія къ женѣ князя того на блудъ, и являяся ей, яковъ бяше естествомъ; приходящымъ людемъ являяся своими мечты, яко самъ князь. Тѣми же мечты не мало время прейде. Жена того не тая, повѣда князю, мужю своему вся случившаяся. Князь Павелъ мысля, что сотворити змію; но не зная и рече женѣ своей: мыслю азъ, жено, но не вѣмъ — како на него нанести смерть; блюди сіе опасно: аще какія словеса глаголати начнетъ тебѣ той лукавый змій, и ты вопроси его о семъ лстивыми словесы — вѣсть ли той лукавый отчего ему смерть хощетъ быти? аще увѣдаеши ты, то скоро повѣдай ми, яко ты свободишися въ нынѣшнемъ вѣцѣ злаго его дыханія и сипѣнія и всего скаредія, иже сирадно и глаголати, и въ будущемъ вѣцѣ судію нелицемѣрнаго Христа милостива сотвориши. Жена слыша глаголъ мужа своего пріимши твердо въ сердцы своего. Въ единъ день непріязнивому тому змію прилетѣвшу къ ней, она же, помня заповѣданное слово мужа своего, нача къ тому треклятому змію многія рѣчи съ лестію простирати, и по многихъ словесѣхъ вопроси его. яко хваля: вижу тя, яко много вѣси, и вѣси ли свою кончину, отчего ти смерть будетъ [2])? Онъ же льстивый прелестникъ прельщенъ бысть отъ добрыя жены, мня *ея* яко истинну рекла ему, и изрече ей тайну свою: смерть моя отъ Петрова плеча, отъ Агрикова меча! Жена слыша глаголы отъ него и по отшествіи его повѣда князю, мужю своему. Князь Павелъ слыша и недоумѣяся, что есть ему смерть отъ Петрова плеча, отъ Агрикова меча. Имѣя у себе брата юнѣйша себѣ, именемъ Петра зовома; во единъ день повѣда брату своему князю Петру подробну вси змієвы рѣчи,

---

1) Въ друг. спискѣ здѣсь вставлено: «добра рода(у) человѣчю». 2) Сличи съ подобнымъ же разсказомъ въ I вып., стр. 73, 128, и во II выпускѣ, стр. 67.

яже сказа женѣ его. Князь Петръ слыша отъ брата своего, яко змій нарече тезоименита ему *смерти своей*, и нача мыслити мужественно, не сумняяся, како бы змія убити; но не вѣдый Агрикова меча, имѣя обычай ходити единъ по церквамъ. Бысть церковь въ женстѣмъ монастыри Воздвиженія честнаго креста Господня, и пріиде къ ней единъ нощію помолитися, и явися ему отроча и рече: княже Петре! хощеши ли, да покажу ти Агриковъ мечъ? Князь Петръ рече: покажи ми. И рече отроча: иди вслѣдъ мене. И показа ему во олтарной стѣнѣ, между столповъ, скважню, въ ней же мечъ лежаще. Князь Петръ видѣ мечъ, нарицаемый Агриковъ, и взя его, и пріиде въ домъ свой и повѣда брату своему князю Павлу, и отъ того дни нача искати подобна время купно погубити змія. Въ нѣкое время прилучися блаженному князю Петру пріити въ полату на поклоненіе брату своему, зане менши его лѣты; и бывый у брата своего, и иде въ полату ко снохѣ своей, и видѣ у нея сѣдяща мужа во образъ брата своего. И изыде скоро ис(з)ъ полаты и срѣте человѣка, иже предстоитъ всегда брату его князю Павлу; онъ же повѣда ему, яко во своей полатѣ сѣдитъ. Князь Петръ разумѣ пронырство лукаваго змія и хотя испытно увѣрити и иде въ полату къ брату своему и рече ему, когда сѣмо пріиде? Князь Павелъ рече ему: азъ по твоемъ изшествіи отъ мене никамо не исходилъ исъ полаты своея. Князь Петръ повѣда ему пронырство лукаваго змія и како видѣ у жены его во образѣ его, и рече ему: отселѣ, брате, не исходи исъ полаты своея; дондеже азъ иду братися со зміемъ, ты, брате, въ то время пребуди на молитвѣ ко Господу Богу; егда услышитъ Господь Богъ молитву твою и подастъ ми помощь убити лукаваго змія. И тако увѣща брата, и вземъ мечъ, нарицаемый Агриковъ, и иде въ полату ко снохѣ своей, и видѣ змія зракомъ аки брата сѣдяща и твердо увѣрися, яко нѣсть братъ его, но прелестный змій, и удари его мечемъ

крѣпко зѣло, яко змій вострепета и бысть мертвъ, и явися яковъ бяше естествомъ. Благовѣрный князь Петръ нача его мечемъ сѣщи, дондеже до конца его низложи: отъ непріязненныя крови его окрововися лице блаженнаго князя Петра отъ крѣпкаго его ударенія.» Ѣдкая кровь змѣя покрыла все тѣло князя струпами и язвами, и никто не могъ излѣчить его отъ этой болѣзни. Послалъ онъ искать лѣкарей въ рязанской области; одинъ изъ посланныхъ зашелъ «въ весь нарицаемо Ласково, и пріиде къ дому и у вратъ никого не видѣ, и взыде въ домъ, и никто его не ощутилъ; вниде въ храмину и видѣ едину дѣвицу сѣдящу.» Дѣвица, увидавъ посланнаго, сказала: «не лѣпо быть дому безъ ушей, а храминѣ безъ очей!» — Гдѣ хозяинъ? спросилъ пришлецъ. «Отца моего и матери нѣтъ дома, отвѣчала дѣвица; они пошли въ заемъ плакать.» Такія загадочныя рѣчи въ старинныхъ повѣствованіяхъ и отчасти въ народныхъ сказкахъ выставляются какъ *мудрость;* въ настоящемъ случаѣ онѣ означали, что когда посланный князя вошелъ на дворъ и въ избу, ни собака не залаяла («то бо есть дому уши»), ни мальчикъ не извѣстилъ («отроча — есть очи храму(-инѣ)»), и что родители дѣвицы пошли плакать надъ мертвымъ: когда же «и они отъ сего житія преставятся, тако и надъ ними учнутъ плакати». Мудрая дѣвица была Февронія, «древодѣльцева дщерь»; она вылѣчиваетъ князя, который на ней женится.

14.

Лихо одноглазое.

Эта замѣчательная сказка передаетъ, конечно — въ своеобразной формѣ, тоже происшествіе, какое составляетъ содержаніе превосходнаго Гомерова разсказа о томъ, какъ Одиссей съ двѣнадцатью товарищами попался къ свирѣпымъ великанамъ

— къ одноглазымъ циклопамъ. Странники зашли въ пещеру Полифема. Увидавъ ихъ, великанъ прянулъ, какъ бѣшенный звѣрь, разомъ подхватилъ двоихъ, какъ щенятъ, ударилъ о земь, и состряпавъ ужасный ужинъ, съѣлъ ихъ: ни костей, ни утробъ не оставилъ. Послѣ погибло еще четверо изъ странниковъ такою же страшною смертію. Тогда хитрый Одиссей обольстилъ циклопа своими рѣчами и опоилъ его виномъ. На вопросъ объ имени Одиссей назвался: *Никто*. Когда опьяненный великанъ крѣпко заснулъ, Одиссей тотчасъ взялъ заостренный колъ, разжегъ остріе на огнѣ и съ помощію товарищей своихъ воткнулъ его въ глазъ Полифема: глазное яблоко зашипѣло и лопнуло. Ужасно заревѣлъ Полифемъ, и на этотъ крикъ сбѣжались другіе циклопы. «Кто тебя губитъ?» спрашиваютъ они. — *Никто*, отвѣчаетъ Полифемъ. «Если никто, такъ для чего же ты подымаешь такой крикъ!» говорятъ ему циклопы и удаляются прочь. Полифемъ отодвинулъ скалу, которою заграждался входъ въ пещеру, и сѣлъ у отверстія, надѣясь переловить своихъ враговъ въ то время, когда станутъ выходить изъ пещеры. Одиссей связалъ лыками по три длиннорунныхъ барана, и каждаго товарища подвязалъ подъ среднимъ бараномъ; а себѣ выбралъ самаго роскошнаго шерстью барана, ухватился руками за его спину и повисъ подъ волнистымъ брюхомъ. Бараны вынесли ихъ на свободу. Не медля посажались они на корабль и поплыли; Одиссей не утерпѣлъ и началъ кричать съ корабля, ругаясь надъ великаномъ. Взбѣшенный Полифемъ отломилъ отъ вершины горы огромный утесъ и съ размаху кинулъ его въ воду; утесъ упалъ недалеко отъ судна и всколыхалъ море, которое едва не поглотило корабля (Одиссея, пѣсня IX). Это любопытное сказаніе распространено у различныхъ народовъ и доселѣ передается въ устныхъ пересказахъ, съ разными измѣненіями. Арабскія сказки передаютъ подобное же преданіе о мореходцѣ Синдбадѣ, весь-

ма близко къ Одиссеѣ (Тысяча и одна ночь, М., 1765, т. 3, стр. 46—54): здѣсь великанъ сравнивается ростомъ съ большимъ пальмовымъ деревомъ, у него среди лба одинъ красный и пылающій какъ огонь глазъ, бѣдныхъ корабельщиковъ жаритъ онъ на вертелѣ и поѣдаетъ; содержаніе сказки тоже, что у Гомера, только опущенъ вымыселъ, по которому сказочный герой опаиваетъ великана виномъ и называется именемъ: *Никто*. Въ нѣмецкой сказкѣ: «Der Räuber und seine Söhne» (Гримм., ч. 2, № 191) старый разбойникъ разсказываетъ, какъ онъ съ товарищами вздумалъ похитить у великана большія собранныя имъ сокровища; но великанъ поймалъ ихъ и каждый день началъ съѣдать по одному, выбирая который пожирнѣе. Разбойникъ спасается хитростію. «У тебя глаза болятъ, сказалъ онъ великану, а я лѣкарь и могу тебѣ помочь, если ты согласишься подарить мнѣ жизнь.» Великанъ согласился. Тогда разбойникъ смѣшалъ въ котлѣ масло, сѣру, смолу, мышьякъ и другія такія же снадобья, поставилъ котелъ на огонь и началъ приготовлять пластырь. Когда масло вскипѣло, а глупой великанъ разлегся, ожидая лѣченья, — онъ тотчасъ вылилъ ему въ глаза все, что было въ котлѣ. Несчастный заревѣлъ подобно льву, вспрянулъ, схватилъ огромную дубину, бѣгая по дому, размахивалъ ею во всѣ стороны. Разбойникъ увидѣлъ въ углу баранью шкуру, нарядился въ нее и смѣшался съ овцами. Обыкновенно великанъ, выпуская овецъ на пастбище, пересчитывалъ ихъ и пробовалъ какая тяжеле — ту оставлялъ онъ и варилъ себѣ на обѣдъ. Пришла пора, сталъ онъ выпускать овецъ; вмѣстѣ съ ними вздумалъ пробраться и разбойникъ. Великанъ ухватилъ его и сказалъ. «ты жирна и сегодня же будешь въ моемъ брюхѣ!» Разбойникъ сдѣлалъ скачокъ и выпрыгнулъ изъ его рукъ, но великанъ опять схватилъ бѣдняка, тотъ снова вырвался и опять былъ пойманъ, и такъ до семи разъ. «Бѣги же, сказалъ разсердившись вели-

канъ, пусть тебя волки съѣдятъ!» Выбѣжалъ разбойникъ на свободу, сбросилъ овечью шкуру и сталъ насмѣхаться надъ своимъ обманутымъ врагомъ. Великанъ снялъ съ пальца кольцо и сказалъ: «на, возьми это кольцо въ даръ; я не хочу, чтобы столь хитрый и изворотливый человѣкъ ушелъ отъ меня безъ подарка!» Разбойникъ поднялъ кольцо и надѣлъ на палецъ; но кольцо было чародѣйное, и въ ту-же минуту онъ невольно сталъ повторять: я здѣсь! я здѣсь! Великанъ побѣжалъ за нимъ въ погоню по голосу. Принялся разбойникъ снимать кольцо — и не въ силахъ этого сдѣлать, откусилъ палецъ зубами и въ тужъ минуту пересталъ кричать: я здѣсь! я здѣсь! Такъ спасся онъ отъ погибели, потерявъ одинъ палецъ. Такое окончаніе нѣмецкой сказки сходно съ окончаніемъ напечатанной нами, въ которой говорится о пальцѣ чародѣйно прилипшемъ къ топору Лиха-одноглазаго. Но еще ближе въ этомъ отношеніи къ нашей сказкѣ сербская, помѣщенная въ приповѣткахъ Караджича, подъ заглавіемъ: «Дивљан» (т. е. великанъ съ однимъ глазомъ во лбу, № 38). Когда герой сказки счастливо выбрался на волю, онъ началъ громко этимъ хвастаться. Великанъ протянулъ свою палку и сказалъ: «ну, если ты съумѣлъ уйти, такъ возьми эту палку и гони къ себѣ мое стадо; безъ этой палки ни одно животное не пойдетъ съ тобою». Только что хотѣлъ молодецъ взять палку, какъ одинъ палецъ крѣпко прилипъ къ ней; видя бѣду неминучую, онъ тутъ же отрѣзалъ свой палецъ и побѣжалъ, ругаясь надъ врагомъ и гоня предъ собою все его стадо. Слѣпой великанъ бросился за нимъ, а тотъ завелъ его къ водѣ и зайдя изъ-за спины толкнулъ въ глубину. Великанъ утонулъ.

Въ Малороссіи также извѣстенъ разсказъ: «Лыхо» (см. Отечествен. Записки 1840, № 2: Преданія, записанныя г. Боровиковскимъ). Жилъ да былъ человѣкъ и не зналъ, что то есть на свѣтѣ лихо; слышитъ—люди часто его поминаютъ,

и рѣшился во что бы ни стало увидѣться съ нимъ. Взялъ сумку на плеча и пошелъ. Шелъ, шелъ, подъ лѣсомъ стоитъ желѣзный зáмокъ, кругомъ частоколъ изъ человѣчьихъ костей, черепа воткнуты сверху. Подходитъ къ зáмку. «Чего надо?» — Лиха; его ищу! «Лихо здѣсь!» Вошелъ въ горницу, а тамъ лежитъ громадный и тучный великанъ; голова на покути, ноги на печкѣ; ложе подъ нимъ — людскія кости. Это Лихо, а вокругъ него сидятъ Злыдни и Журба. Подало ему Лихо человѣчью голову и подчуетъ. А само Лихо *слѣпое*. Взялъ гость голову да подъ лавку. «Что скушалъ?» спрашиваетъ Лихо. — Скушалъ. «А гдѣ ты, головка-мотовка?» — Подъ лавкою. Жаромъ и холодомъ обдало гостя. «Скушай, голубчикъ! ты самъ вкуснѣй для меня будешь.» Онъ взялъ голову и спряталъ за пазуху. А Лихо: «гдѣ ты, головка-мотовка?» — Подлѣ желудка. Значитъ: съѣлъ, подумало Лихо; «ну, теперь твоя очередь!» Гость улучилъ годину да бѣгомъ. Дверь желѣзная заскрипѣла; Лихо узнало побѣгъ и закричало: «двери, держите, уйдетъ!» Но онъ уже былъ за дверью; только правую руку не уберегъ, въ дверяхъ оставилъ, да тутъ и сказалъ: «оце лыхо!» (стр. 49.)

Этотъ малороссійскій разсказъ, сходный отчасти со сказкою, напечатанною нами въ этомъ выпускѣ, уже вполнѣ отдалился отъ Гомерова разсказа о Полифемѣ и сложился въ совершенно своеобразной формѣ. Всѣ приведенныя здѣсь сказанія, принадлежащія различнымъ народностямъ, одинаково не воспользовались тою подробностію, которая въ Одиссеѣ всей вѣсти даетъ полноту и цѣлость: это обманъ Одиссея, скрывшаго свое настоящее имя и хитро придумавшаго себѣ двусмысленное названіе. Вымыселъ этотъ эпизодически вошелъ, разумѣется — съ большими отмѣнами, въ одну изъ сказокъ, живущихъ въ народѣ въ Буковинѣ (см. Zeitschrift für Deutsche Mythologie und Sittenkunde, т. II, выпус. 2, стр. 210). Герой

сказки идетъ на чортову мельницу за мукою для своей сестры; пришелъ и усѣлся около очага, и сталъ жарить для себя мясо. Явился и чортъ. «Что тебѣ нужно?» — Муки для больной сестры? «Какъ тебя звать? — *Я-самъ!* (Ichselbst). Только что сжарилось мясо, какъ чортъ взялъ убитую жабу, изъ которой висѣли кишки, и ея кровью забрызгалъ приготовленное кушанье. Но гость не былъ робокъ, онъ схватилъ съ горячихъ угольевъ мясо и бросилъ его въ глаза чорту. Нечистой заревѣлъ изо всей мочи; на крикъ его прибѣжалъ другой чортъ: «кто тебя обижаетъ?» — *Я-самъ, Я-самъ!* «Ну, такъ я не могу помочь тебѣ!» [1])

Любопытно было бы рѣшить вопросъ: всѣ эти разнообразные разсказы объ одноглазомъ великанѣ, встрѣчаемые у нѣмцевъ, славянъ и въ Тысячѣ одной ночи, составляютъ ли заимствованіе изъ Гомера, и въ такомъ случаѣ — какимъ путемъ двигалось и распространялось это заимствованіе? или разсказы эти суть произведенія, самостоятельно создавшіяся на одномъ общемъ преданіи, какое вынесли народы изъ своей до-исторической жизни? Выставляя настоящій вопросъ, мы не можемъ не замѣтить, что положительное рѣшеніе его представляетъ много трудностей.

15.

Ершъ Щетинниковъ.

Происхожденіе сказки объ Ершѣ Щетинниковѣ должно быть отнесено къ XVI столѣтію. Формы словеснаго судопроизводства этой эпохи сохранены въ сказкѣ съ поразительною вѣрностію (сличи ее съ правыми грамотами, напечатанными въ

---

1) Кастренъ упоминаетъ о подобной же сказкѣ, слышанной въ русской Кореліи (Вѣсти. Русск. Географ. Общ. 1856, кн. V, стр. 29).

«Юридическихъ актахъ»). Это меткая сатира надъ старинными сутяжничествомъ и ябеднической изворотливостью. Сказка объ Ершѣ составляла въ старину любимое чтеніе и, вмѣстѣ съ другими повѣстями, сохранилась до насъ въ рукописныхъ сборникахъ и даже перешла на лубки. Обиліе варіантовъ, замѣчаемыхъ въ различныхъ ея спискахъ, уже доказываетъ, какъ много она была распространена между читающимъ и нечитающимъ людомъ. Кромѣ списка, напечатаннаго г. Сахаровымъ (Русск. нар. сказки, ч. 1, стр. 154: «О Ершѣ Ершовѣ сынѣ Щетинниковѣ»; въ примѣчаніяхъ г. Сахаровъ помѣстилъ и отрывокъ этой-же сказки, напечатанный въ Московскомъ Телеграфѣ), мы въ этомъ и въ IV-мъ выпускѣ (№ 32) нашихъ сказокъ передаемъ четыре другихъ; у Н. В. Калачова есть еще одинъ списокъ сказки объ Ершѣ, который онъ думаетъ напечатать въ своемъ «Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній о Россіи». Лубочное изданіе состоитъ изъ картины (въ одинъ листъ), изображающей озеро съ разными рыбами; кругомъ озера представлена въ лицахъ судьба Ерша послѣ его поимки, съ приличными надписями; внизу текстъ:

Повѣсть о Ершѣ Ершовѣ сынѣ Щетинниковѣ.

Пришелъ Лещъ на Ерша подалъ челобитну, а въ челобитной пишетъ тако: «Господамъ моимъ отъ рыбъ великому Осетру и Бѣлугѣ и Бѣлой рыбицѣ. Бьемъ челомъ на лихова Ерша, что онъ владѣетъ насильствомъ нашими вотчинами. Собою онъ малъ, а щетины у него какъ острыя рогатины, и гдѣ онъ ни попросится ночевать и кто его не вѣдаючи пуститъ, — и онъ хочетъ хозяина вонъ выжить. А мы хотимъ быть оправлены вами праведными судіями.» Судья спросилъ Леща· «чѣмъ Лещъ Ерша уличаешь?» Лещъ сказалъ: «уличаю я его истинною правдою; да есть у меня рыбы добры, зовутъ ихъ Сигъ и

Ладога, на нихъ я шлюся.» Судьи спросили Ерша: «шлешься ли ты на Сига и на Ладогу?» Ершъ сказалъ: «Сигъ и Ладога рыбы велики, а мы рыбы малыя; а се онѣ съ Лещемъ хлѣбъ-соль водятъ вмѣстѣ, и онѣ правды не скажутъ.» Судіи спросили Леща: «(еще) чѣмъ Ерша уличаешь?» Лещъ сказалъ: «уличаю я его общею правдою, да есть у меня еще рыба добрая, зовутъ ее Сельдь переславская; на ту я еще шлюся.» Судьи спросили Ерша: «шлешься ли ты на общую правду—Сельдь?» Ершъ сказалъ: «то общая правда; на ту и а шлюся.» Судіи послали по Сельдь пристава Окуня. Окунь пошелъ, взялъ въ понятые Сома, и Сомъ съ большимъ усомъ сказалъ, что де я въ понятые не гожусь, имѣю брюхо велико, ходить не могу, глазами вдо(а?)ль не вижу. И Окунь отпустилъ Сома, и взялъ въ понятые Язя, и поставили Сельдь предъ судьями. Судіи спросили Сельдь: «чье Ростовское озеро, изстари ли ершово? и знаютъ ли Ерша на Москвѣ все богатые (и) покупаютъ ли его для похмѣлья дорогою цѣною и съ похмѣлья имъ оправляются?» Сельдь переславская сказала, что Ростовское озеро изстари лещёво, а тотъ де Ершъ гдѣ ни попросится ночевать (и) кто его невѣдаючи пуститъ—и онъ хочетъ хозяина выжить, а знаютъ его все богатые, у кого одна полушка есть — и на ту ершовъ(-ей) много купитъ: столько не съѣдятъ, сколько расплюютъ его! Судіи приговорили: истца Леща оправить, а отвѣтчика Ерша обвинить и въ соль (п)осолить и противъ солнышка повѣсить. И какъ Ершъ сіе услышалъ, вильнулъ хвостомъ, ушелъ въ хворостъ: только Ерша и видѣли! и всему тому конецъ.—Послали міромъ Першу заложить вершу; пришелъ Богданъ, Ерша Богъ далъ; пришелъ Устинъ, опять Ерша упустилъ; пришелъ Иванъ, опять Ерша поймалъ; пришелъ Потапъ, сталъ Ерша топтать; пришелъ Давидъ, сталъ Ерша давить; пришелъ сусѣдъ, бросилъ Ерша въ сусѣкъ; пришелъ Лазарь, по Ерша слазилъ; пришелъ Назаръ, понесъ Ерша на

базаръ: недорогъ! пришелъ Константинъ, даетъ за Ерша шесть алтынъ: уступи. Назаръ! пришелъ Мартынъ, даетъ *Костентину* барыша алтынъ; пришелъ Аносъ, и даромъ Ерша унёсъ; пришелъ Копронъ, сустигъ на конѣ; пришелъ Павелъ, котелъ поставилъ; пришелъ Ерема, принёсъ дровъ беремя; пришелъ Селиванъ, воды въ котелъ наливалъ; пришелъ Обросимъ, Ерша въ котелъ бросилъ: пусть попрѣетъ, къ ужину поспѣетъ! пришелъ Перша, посыпалъ перцу; пришелъ Лука, покрошилъ луку; пришелъ Савва, положилъ полтора пуда коровьева сала; пришелъ Глѣбъ, принесъ хлѣбъ; пришелъ Пахомъ, хлѣба напахалъ [1]); пришелъ Логинъ, принесъ ложекъ; пришелъ Вавила, подналъ Ерша на вила; пришелъ Филипъ, сталъ Ерша пилить; пришелъ Демидъ, сталъ Ерша дѣлить; пришелъ Мина, мякну́лъ [2]) Демида въ рыл*а*; пришелъ Титъ, только походя бз....; пришелъ Андрей, Тита по плеши огрѣлъ; пришелъ Яковъ, одинъ Ерша смякалъ, самъ убѣжалъ, только ножки показалъ! пришелъ Елизаръ, только котла полизалъ, а Ерша и въ глаза не видалъ; пришелъ Данила да сестра его Ненила, только по Ершѣ голосомъ повыли и конецъ ему сотворили.

Есть другое лубочное сказаніе, содержаніе котораго также заимствовано изъ обыденной людской жизни и перенесено въ міръ животныхъ. Это — «Небылица въ лицахъ, найдена въ старыхъ свѣтлицахъ, оберчена въ черныхъ тряпицахъ, какъ мыши кота погребаютъ, недруга своего провожаютъ, послѣднюю честь отд*авали*(ютъ) съ церемоні*емъ*(ей). Былъ престарѣлой котъ казанской, уроженецъ астраханской, разумъ сибирской, жилъ славно, плелъ лапти — носилъ сапоги, сладко ѣлъ, слабко бз..., умеръ въ сѣрой мѣсяцъ, въ шестопятое число, въ жидовскій шабашъ.» Подъ такимъ заглавіемъ на

---

1) Нарѣзалъ (Опытъ обл великорус. словаря, стр 153). 2) Ударилъ (ibidem, стр. 119).

листѣ изображена картина, преставляющая похоронную процессію; мертваго кота везутъ шесть мышей въ саняхъ, а передъ нимъ и позади сопровождаютъ его разныя мыши. Картина пояснена слѣдующими надписями: «знатныя подпольныя мыши, криношныя блудницы, напослѣдокъ коту послужили, на чухонскія дровни, связавъ лапы, положили; хотятъ печаль утолить, а кота въ г...... ямѣ утопить. На полозахъ сидитъ кучеръ — изъ навозной кучи. Съ Балчуга старая крыса поминаетъ кота Алабриса..., по нотѣ(амъ) воспѣваетъ, а малыя съ визгомъ припѣваютъ; искусная мышка изъ нѣмецкой лавки, взявши свирѣль въ лапки, умильно играетъ, кота проклинаетъ; изъ Рогожской мышь... тащитъ бубенъ скорча; позади бѣжитъ изъ Таганки самая поганка, бьетъ въ бубенъ: походъ будетъ; деревенская мышь... въ свирѣлку играетъ — ладу не знаетъ, въ балалайку играетъ—на поминки къ коту гостей собираетъ;... съ Дону, изъ убогаго дому, пѣсни воспѣваетъ, послѣ кота добрую жизнь возвѣщаетъ; мышь татарская Аринка тожъ наигрываетъ въ волынку; мышь изъ Рязани въ синемъ сарафанѣ идучи горько плачетъ, а сама въ присядку пляшетъ...» и такъ далѣе. Въ повѣсти объ Ершѣ и въ небылицѣ о мышахъ, погребающихъ кота, нельзя не увидѣть книжнаго вліянія, но едва ли можно сомнѣваться въ ихъ народномъ происхожденіи. «Небылица» о мышахъ отличается народнымъ юморомъ и складомъ; она, какъ и всякая басня, любопытна указаніемъ на обычныя людскія отношенія и можетъ быть примѣняема къ различнымъ житейскимъ случаямъ. Лубочная картина: «Мыши кота погребаютъ» давно составляетъ любимое украшеніе деревенскихъ избъ; ея содержаніе послужило матеріаломъ для нѣкоторыхъ народныхъ пословицъ, какъ видно изъ сборника пословицъ XVII столѣтія. (См. Архивъ историко-юридич. свѣдѣній о Россіи, изд. Калачова, т. II, половина 2, стр. 61.)

17.

Медвѣдь.

Смотри выпускъ II, № 2 («Волкъ»), вып. IV, № 15 и «Русскія сказки для дѣтей», изданныя Авдѣевою — № 5. Мужики пошли на медвѣдя; онъ сталъ на заднія лапы и двинулся на нихъ. Одинъ изъ мужиковъ ударилъ по немъ и отрубилъ ему лапу. Медвѣдь пуще озлился. «Пойдемте-ка, ребята, домой! теперь онъ немного наскачется на трехъ ногахъ; а какъ изойдетъ кровью, тогда пріидемъ да и снимемъ съ него шкуру.» Такъ рѣшили мужики, пошли въ деревню и унесли съ собой медвѣжью лапу. Одна старуха выпросила у нихъ эту лапу, пришла домой, остригла съ нея шерсть, содрала кожу, а мясо поставила вариться. Настала ночь. «Старуха сѣла на «печь, подослала подъ себя медвѣжью кожу, и начала прясть «медвѣжью шерсть, и приговариваетъ: напряду шерсти, свяжу «себѣ чулки — то-то тепло мнѣ будетъ зимой! На дворѣ ужъ «полночь. Старуха сидитъ на печи, да дремлетъ. Вдругъ раз- «дались на улицѣ рявканье и скрипъ. Старуха жила въ своей «избушкѣ одна-одинехонька. Что такое? думаетъ старуха. «Рявканье и скрипъ все ближе да ближе. Вотъ она выглянула «въ окошко, и видитъ—идетъ медвѣдь на деревяшкѣ и поетъ:

«Скырлы, скырлы, скырлы,
На липовой ногѣ,
На березовой клюкѣ,
На красномъ батогѣ.
По селамъ спятъ,
По деревнямъ спятъ.
Одна баба не спитъ,
На моей кожѣ сидитъ,
Мою шерстку прядётъ,
Мое мясо варитъ,
Мою кожу сушитъ!»

Старуха видитъ—дѣло плохо, отперла подполье, погасила лучину и спряталась за печку. Медвѣдь выломалъ двери, вошелъ въ избу, да прямо въ подполье бухъ! Старуха созвала мужиковъ; они убили медвѣдя, а старуха напряла изъ его шерсти нитокъ и связала себѣ чулки, да и стала жить-поживать.

29.

Малороссійскіе анекдоты.

Народные анекдоты могутъ составить прекрасное дополненіе къ собранію сказокъ; какъ произведенія болѣе или менѣе позднѣйшаго времени, они исполнены юмору и знакомятъ насъ съ характеристическими чертами простонародья и его быта.

Анекдотъ (подъ буквою *i*) о томъ, какъ дурни купили ружье и стали всѣ вмѣстѣ стрѣлять изъ него, вошелъ въ составъ книги о похожденіяхъ старинныхъ Пошехонцевъ.—Приведемъ здѣсь два варіанта къ анекдотамъ, напечатаннымъ подъ буквами *t* и *x*: 1) Оралъ мужикъ въ полѣ, выоралъ самоцвѣтной камень. Идетъ домой, а на встрѣчу ему сосѣдъ, такой стародревній. Показалъ ему камень: «кому гоже?»—Неси, говоритъ, къ царю. Понесъ; приходитъ во дворецъ и повстрѣчалъ генерала. Поклонился ему до земи: «батюшка! доведи до царя.»—Зачѣмъ тебѣ нужно? «Несу изъ деревни подарокъ.»—Ну, мужичокъ! чѣмъ царь тебя наградитъ, отдай мнѣ половину; а не хочешь — во вѣкъ не дойти тебѣ до царя. Мужикъ согласился. Вотъ генералъ довелъ его до самаго царя. «Благодарю, мужичокъ! говоритъ царь. Вотъ тебѣ въ награду за то двѣ тысячи рублей.» Мужикъ палъ на колѣни: «Не надо мнѣ, царь-государь, иной награды, кромѣ пятидесяти стежей въ спину.» Возжалѣлъ его царь, и приказалъ дать ему пятьдесятъ стежей легонько. А мужикъ зачалъ считать; какъ дали двадцать пять,

онъ и закричалъ: «полно, будетъ съ меня; другая половина посулена тому, что довелъ меня до вашего царскаго величества». Ну, того позвали и сполна отсчитали половину награды, какъ слѣдовало; только онъ не радъ былъ такой наградѣ! Царь поблагодарилъ мужичка и подарилъ ему цѣлыхъ три тысячи. (Записана въ архангельской губерніи.) 2) Ѣхалъ жидъ на ярманку, ѣхалъ-ѣхалъ да и заснулъ. Нагналъ его старецъ, видитъ у жида лошадь славная, отпрегъ ее и услалъ съ батракомъ въ городъ продавать, а самъ запрегся въ телѣгу и стоитъ. Проснулся жидъ и дивится: «какъ ты сюда попалъ, дѣдушка?»—По грѣхамъ моимъ; пять лѣтъ тому назадъ за грѣхи мои обращенъ я въ лошадь, ты меня и купилъ. А теперь срокъ моему наказанію вышелъ — я и сдѣлался опять человѣкомъ. «Ну, если Богъ тебя простилъ, такъ и я прощаю. Ступай съ Богомъ!» На другой день пришелъ жидъ въ городъ на ярманку и видитъ: продается его лошадь. «А, крикнулъ, опять подлецъ согрѣшилъ! Нѣтъ, теперь ужь тебя не куплю Богъ-то вашъ очень милостивъ; пожалуй, опять скоро проститъ, такъ опять пропадутъ мои деньги!» (Записана въ тверской губерніи. Оба варіанта заимствованы изъ собранія сказокъ В. И. Даля.)

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ВЫПУСКА.

ОГЛАВЛЕНІЕ.
